ХИВА

«Зимній походъ въ Хиву Перовскаго» въ 1839 году, — и «Первое посольство въ Хиву» въ 1842 году.

И. Н. Захарьина (Якунина).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе П. П. Сойкина
12, Стремянная, 12.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 мая 1898 г

Типографія П. П. Сойкина, Спб. Стремянная ул., №

въ Русской печати появилось лишь 20 лѣтъ спустя, въ видѣ оффиціальнаго изложенія подробностей похода въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ», издаваемыхъ при Московскомъ университетѣ. Между тѣмъ, въ походѣ принимали участіе извѣстный писатель В. И. Даль (казакъ Луганскій), состоявшій въ то время чиновникомъ особыхъ порученій при Оренбургскомъ военномъ губернаторѣ Перовскомъ, и знаменитый впослѣдствіи географъ и путешественникъ по Средней Азіи Н. В. Ханыковъ *). Послѣдній, насколько извѣстно, ничего не написалъ о походѣ, въ которомъ онъ участвовалъ; Даль же ограничился нѣсколькими частными письмами къ разнымъ своимъ знакомымъ, писанными съ пути, во время похода, и напечатанными 28 лѣтъ спустя въ «Русскомъ Архивѣ». Болѣе подробныя статьи объ этомъ походѣ, написанныя, впрочемъ, по оффиціальнымъ же источникамъ, были помѣщены въ «Русскомъ Словѣ» и «Военномъ Сборникѣ». Затѣмъ имѣется нѣсколько писемъ о Хивинскомъ походѣ 1839 г. самого графа В. А. Перовскаго, главнаго начальника экспедиціоннаго отряда, писанныхъ имъ съ похода, къ Московскому почтъ-директору А. Я. Булгакову и напечатанныхъ въ томъ же «Русскомъ Архивѣ». Есть, наконецъ, и отдѣльная книжка объ

*) Кромѣ названныхъ лицъ, въ экспедиціи въ Хиву участвовали также: П. Чихачевъ, извѣстный своимъ путешествіемъ по Индіи и Китаю и Э. Эверсманъ.

этомъ же походѣ, изданная однимъ изъ участниковъ экспедиціи, полковникомъ Иванинымъ. Очень возможно, что о зимнемъ походѣ въ Хиву имѣются и еще какія-нибудь напечатанныя статьи, мнѣ неизвѣстныя.

Но все это—матеріалы, такъ сказать, оффиціальные, далеко не полные и не всегда согласные съ истиной. А потому, теперь, при описаніи этого достопамятнаго по своему несчастью и героизму солдатъ и офицеровъ похода, приходится основываться, главнымъ образомъ, на частныхъ запискахъ и письмахъ лицъ, участвовавшихъ въ походѣ, и на устныхъ «разсказахъ очевидцевъ», являющихъ собою вообще Русское традиціонное хранилище свѣдѣній о новѣйшихъ событіяхъ отечественной исторіи.

Затѣмъ, существуетъ, какъ извѣстно, подробное «Дѣло» объ этомъ «Военномъ предпріятіи противу Хивы»; но оно, какъ мы слышали, находится въ Петербургѣ въ Архивѣ Главнаго Штаба, высланное туда изъ Оренбурга по особому распоряженію.

I.

Наши отношенія къ Хивѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.—Заботы императора Александра I-го о мирномъ сближеніи съ Хивой.—Рескрипты Государя военному Оренбургскому губернатору Эссену.—Оскорбленія, чинимыя Хивинцами нашимъ посланцамъ.—Отправленіе въ Хиву караванъ-баши Ніязмухаметева и штабсъ-капитана Н. Н. Муравьева.

Послѣ перваго похода въ Хиву Русскаго отряда въ 1717 году, въ царствованіе Петра Великаго, подъ начальствомъ князя Бековича-Черкасскаго, похода, окончившагося, какъ извѣстно, столь трагически, благодаря обману и вѣроломству Хивинцевъ, а главное, излишней довѣрчивости Бековича, наши сношенія съ Хивою порвались сами собою, и Хивинцы, гордые своею вѣроломною побѣдой, стали къ намъ, открыто, во враждебныя отношенія: они грабили наши торговые караваны, направлявшіеся въ Бухару, подстрекали Туркменъ и Киргизовъ похищать Русскихъ людей и покупали ихъ, обращая въ неволю, укрывали нашихъ дезертировъ и бѣглыхъ, и пр. Такъ прошло цѣлое столѣтіе. Никто изъ государственныхъ Русскихъ людей того времени не помышлялъ еще, повидимому, о

той серьезной роли, какая должна была выпасть на долю Россіи въ Средней Азіи, въ силу ея инертнаго движенія на Востокъ...

Лишь послѣ окончанія Наполеоновскихъ войнъ, Императоръ Александръ I-й обратилъ впервые свое высокое вниманіе на упорядоченіе нашей торговли въ Средней Азіи: тогдашнему Оренбургскому военному губернатору генералу Эссену было предложено избрать изъ служащихъ въ Оренбургѣ чиновниковъ или военныхъ вполнѣ способнаго и надежнаго человѣка, въ небольшомъ чинѣ, котораго и отправить къ Хивинскому хану, но отнюдь не въ качествѣ дипломатическаго лица, а какъ бы обыкновеннаго чиновника, для установленія правильныхъ пограничныхъ сношеній. Къ рескрипту на имя губернатора Эссена была приложена особая записка, гдѣ излагались тѣ дружественныя предложенія, которыя долженъ былъ сдѣлать избранный чиновникъ Хивинскому хану. Вотъ содержаніе этой записки *):

«1. Россійскій императоръ искренно желаетъ благосостоянія своихъ сосѣдей и, въ то же время, готовъ имъ изъявлять всякую пріязнь, не желая другого съ ихъ стороны, какъ взаимнаго дружелюбія».

«2. Если взаимное дружелюбіе будетъ единожды прочно установлено, то очевидно, что польза обоихъ народовъ требуетъ всѣми возможными мѣрами споспѣ-

*) Изъ дѣла Оренбургскаго генералъ-губернаторскаго архива № 452.

шествовать свободнымъ торговымъ сообщеніямъ, тщательно отстраняя отъ оныхъ все то, что можетъ служить имъ во вредъ и изыскивая искренно средства сдѣлать сіи торговыя сообщенія часъ отъ часу выгоднѣе для обоихъ народовъ».

«3. Подобное взаимное положеніе, кажется, будетъ полезнѣе, нежели нынѣ существующее, столь часто подверженное непріятнымъ происшествіямъ, ко вреду обоюдныхъ подданныхъ обращающимися. Всѣ сіи непріятности весьма легко отвращены быть могутъ, когда искреннее желаніе поселится укоренить дружбу на прочныхъ началахъ».

«Если сіи мысли будутъ приняты, то посылаемый чиновникъ долженъ будетъ взойти (предъ ханомъ) въ подробное изъясненіе препятствій и притѣсненій, встрѣчаемыхъ торгующими, особливо Бухарцами, отъ Хивинцевъ. Во взаимность отвращенія сихъ неудобствъ и притѣсненій, Россійское правительство готово принять предложенія, кои ханъ Хивинскій найдетъ нужнымъ сдѣлать для пользы своего народа, если они будутъ безвредны пользамъ Россіи или другимъ сопредѣльнымъ народамъ».

«Надобно желать, чтобъ чиновникъ, таковое порученіе получающій, былъ не только по наставленію полонъ яснаго понятія о предстоящемъ ему дѣлѣ, но и самъ внутренно и чистосердечно убѣжденъ въ истинѣ, справедливости и пользѣ онаго. Онъ тогда будетъ дѣйствовать съ тою теплотою и непритворностію чувствъ,

которыя въ его положеніи одни могутъ заслужить довѣренность и усыпить Азіатскую мнительность и подозрѣніе и, наконецъ, оставить благопріятное впечатлѣніе въ умѣ и расположеніяхъ Хивинскаго хана».

Вотъ какими миролюбивыми намѣреніями исполнено было Русское правительство относительно Хивы въ 1819 году, не смотря на самое разбойничье и хищническое поведеніе нашихъ сосѣдей, называемое въ запискѣ «непріятными происшествіями». Оно, вѣрное своей тогдашней иностранной политикѣ на Западѣ, мечтало «укоренить дружбу на прочныхъ началахъ» и на Востокѣ съ Хивою. Но мѣстныя Оренбургскія власти отлично понимали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и не увлеклись фантастической перспективой «дружбы» съ закоренѣлыми разбойниками и исконными врагами Россіи. Вотъ что писалъ генералъ Эссенъ въ Петербургъ, въ отвѣтномъ рапортѣ своемъ на высочайшій рескриптъ:

«По вступленіи моемъ въ управленіе Оренбургскимъ краемъ, относился я къ Хивинскому хану Мухамметъ-Рахиму, чрезъ торгующихъ здѣсь его подданныхъ, дружественнымъ письмомъ о взаимной пріязни, но на оное не получилъ отъ него никакого отвѣта».

«Получивъ отъ статсъ-секретаря Кикина, по высочайшему повелѣнію Вашего Величества, всеподданнѣйшую просьбу купцовъ Лазарева и Енушева объ удовлетвореніи ихъ за разграбленные Хивинцами то-

вары, отправлялъ я въ прошедшемъ году къ Хивинскому хану съ письмомъ нарочнаго, 4-го Башкирскаго кантона поручика Абдулъ-Насыра-Субкангулова; но нарочный сей угрожаемъ въ Хивѣ былъ казнію за прибытіе туда, которой избѣжалъ единственно убѣжденіемъ Хивинцевъ въ единовѣріи съ ними, въ доказательство коего вынужденъ былъ обрить голову и съ симъ знакомъ униженія выпровожденъ былъ изъ Хивы при отзывѣ ко мнѣ отъ имени ханскаго (?) Аталыка-Бегудара, явно обнаруживающемъ строптивость и недостатокъ уваженія къ нашему правительству, и при объявленіи, чтобы впредъ не возвращался, а въ Россіи повѣстилъ бы, что всякій свободный чужестранецъ, по Хивинскимъ законамъ, подвергается у нихъ смерти или рабству, о чемъ и сообщено было отъ меня въ подробности, тогда же, управляющему Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, статсъ-секретарю графу Нессельроде».

«Послѣ таковыхъ безуспѣшныхъ сношеній съ Хивинскимъ правительствомъ, я въ необходимости нахожусь заключить, что во исполненіе высочайшей Вашего Императорскаго Величества воли, въ новые переговоры и объясненія съ онымъ войти удобно не иначе, какъ въ видахъ силы и справедливой твердости, поддержать достоинство Имперіи, внушивъ уваженіе къ предмету тѣхъ объясненій и обезпечивъ безопасность получающаго сіе порученіе».

Затѣмъ, генералъ Эссенъ называетъ въ рапортѣ

своемъ и лицо, имъ намѣченное для посольства въ Хиву: личнаго своего адъютанта, поручика Германа, управлявшаго, въ продолженіе двухъ лѣтъ, «дипломатическимъ отдѣленіемъ» канцеляріи Оренбургскаго губернатора; но прибавляетъ при этомъ, что его возможно будетъ отправить лишь «подъ прикрытіемъ эскорта».

Кромѣ всеподданнѣйшаго рапорта, генералъ Эссенъ счелъ неизлишнимъ сдѣлать надлежащее представленіе о нашихъ сношеніяхъ съ Хивою и всесильному тогда временщику графу Аракчееву. Мы приведемъ изъ этого представленія тѣ мѣста, гдѣ всего рѣзче обрисовывается наше тогдашнее отношеніе къ Хивѣ.

«Правительство Хивинское — пишетъ генералъ Эссенъ—хотя постоянно производитъ съ Россіей торговлю, но отъ самаго начала сношеній нашихъ съ нимъ не переставало дѣйствовать коварнымъ и хищнымъ образомъ. Не обращаясь къ временамъ давно протекшимъ, кои ознаменованы несчастною экспедиціей полковника князя Бековича-Черкасскаго, довольно упомянуть, что отъ тѣхъ временъ донынѣ непрерывно подстрекаетъ оно Киргизъ-Кайсаковъ *) къ уводу людей нашихъ, покупаетъ и содержитъ ихъ въ тяжкой неволѣ, грабитъ преимущественно тѣ караваны, въ

*) То-есть, сосѣднихъ съ Оренбургомъ *Киргизовъ*, кочевья которыхъ въ то время, какъ и теперь, начинались за р. Уралъ. Въ настоящее время Киргизы стали совсѣмъ мирнымъ племенемъ и занимаются лишь изрѣдка конокрадствомъ.

коихъ находятся товары нашихъ Киргизовъ, и въ подданной намъ ордѣ Киргизъ-Кайсацкой производитъ истребленіе, хищничества и насилія всякаго рода. Такъ, напримѣръ, въ 1793 году, посланный въ Хиву, по Высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе собственнаго прошенія Хивинскаго хана, маіоръ Бланкеннагель былъ тамъ содержанъ подъ стражею, ограбленъ и угрожаемъ опасностію жизни, которой избѣжалъ единственно успѣхомъ, съ какимъ вылѣчилъ онъ до 300 больныхъ Хивинцевъ. Понятія сего правительства о народномъ правѣ и безразсудная жестокость таковы, что посла Персидскаго шаха со свитою, изъ тридцати человѣкъ состоявшею, велѣно было безчеловѣчно умертвить при самомъ приближеніи его къ Хивинской области. Хотя сіе событіе предшествовало Бланкеннагелю за 50 лѣтъ, но *время не измѣнило оныхъ понятій и не обуздало варварскихъ его расположеній*, подтверждаемыхъ послѣднимъ происшествіемъ съ прошлогоднимъ моимъ посланцемъ, который допрашиванъ былъ подъ кинжаломъ палача и угрожаемъ насильствами». «Всѣ таковыя воспоминанія, вмѣстѣ съ безуспѣшными покушеніями войти съ Хивинскимъ владѣльцемъ въ сношенія», убѣждаютъ его, губернатора, въ томъ, что «ежели всемилостивѣйшему Государю Императору благоугодно будетъ повелѣть вновь испытать средство переговора съ Хивинскимъ владѣльцемъ, то сіе не иначе можетъ быть совершено, какъ подъ вооруженнымъ прикрытіемъ», дабы, го-

ворится въ концѣ, «въ случаѣ крайней неудачи, обезпечено было возвращеніе хотя нѣкоторой части сего отряда»...

Эти благоразумныя предостереженія генерала Эссена разсѣяли, повидимому, маниловскія иллюзіи графа Нессельроде, и посольство Германа въ Хиву не состоялось. Тѣмъ не менѣе, въ новомъ рескриптѣ Оренбургскому военному губернатору отъ 24 Мая 1819-го же года, Императоръ Александръ, соглашаясь, что посольство въ Хиву будетъ безполезно и рисковано, выразилъ все-таки желаніе «употребить всевозможныя мѣры» къ установленію правильныхъ торговыхъ сношеній Россіи съ Хивой. Для этого, въ особой запискѣ, приложенной къ Высочайшему рескрипту, указывался и способъ къ достиженію этой цѣли. Впрочемъ, «способъ» этотъ оказался и на сей разъ обычнымъ продуктомъ петербургскихъ кабинетныхъ измышленій и, какъ увидимъ ниже, не имѣлъ никакого успѣха.

«За сдѣланными уже (говорится въ запискѣ) тщетными покушеніями имѣть дружественныя сношенія съ ханомъ Хивинскимъ, признается небезполезнымъ испытать еще слѣдующее средство: между Хивинцами, живущими въ Оренбургской губерніи, есть, безъ сомнѣнія, люди, извѣстные по наклонности къ нашему правительству и, въ то-же время, пользующіеся довѣренностью своихъ соотечественниковъ въ Хивѣ... Надобно найти одного изъ таковыхъ Хивинцевъ, человѣка добрыхъ свойствъ, смышленаго и

предпріимчиваго. Не давая ему замѣтить, что сіе дѣло связано съ видами правительства, надобно заинтересовать его въ немъ собственною его пользою. Сіе весьма легко сдѣлать, возродивъ въ немъ опасеніе лишиться выгодъ торговли по непріязненному расположенію хана Хивинскаго и заставя его, такимъ образомъ, самого желать и искать возможности къ отклоненію препонъ торговлѣ съ Хивою»... Далѣе излагается весьма наивный планъ дѣйствій для этого, «извѣстнаго по наклонности къ нашему правительству человѣка»: какъ онъ долженъ былъ отправиться въ Хиву «въ видѣ частнаго человѣка», что онъ долженъ былъ тамъ дѣлать и говорить, какъ онъ долженъ былъ ознакомить Хивинское правительство съ правилами международныхъ сношеній, сообщивъ ему между прочимъ, что «Австрійская и Россійская имперіи утвердили уже свои торговыя сношенія съ Оттоманскою Портою, а Россія—даже съ Персіею и Китаемъ»... При этомъ, предполагалось дать этому посланцу нѣкоторое денежное вспоможеніе...

Подходящаго человѣка для такой курьезной миссіи нелегко, конечно, было найти... Но, тѣмъ не менѣе, генералъ Эссенъ разыскалъ-таки такого въ лицѣ одного изъ Хивинскихъ караванъ-башей *), Атаніаза, Ніязмухаметева, отправлявшаго свои обязанности при Хивинскихъ караванахъ въ теченіе 30 лѣтъ. Но

*) Караванъ-баша — т. е. караванный голова, проводникъ каравана въ степи.

спустя годъ по возложеніи на него миссіи къ Хивинскому хану, генералъ Эссенъ, въ рапортѣ Государю Императору, доносилъ слѣдующее:

«Хивинецъ Атаніазъ Ніязмухаметевъ вернулся въ Оренбургъ съ караваномъ и объяснилъ мнѣ, что владѣлецъ Хивинскій никакими его представленіями не убѣдился и не только посланства на упомянутый предметъ не отправилъ, но и въ объясненіе по оному войти не хотѣлъ, не поставляя на то никакой причины. Вмѣстѣ съ симъ Хивинцемъ возратился изъ Хивы и посланный мною, по другому Высочайшему Вашего Величества повелѣнію, объявленному мнѣ черезъ управляющаго Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, коллежскій совѣтникъ Мендіяръ Бекчуринъ, имѣвшій порученіе доставить къ Хивинскому хану письмо гр. Нессельроде и ходатайствовать объ удовлетвореніи нашихъ купцовъ за ограбленные у нихъ товары. Къ исполненію сего порученія избралъ я Бекчурина потому, что онъ одного съ Хивинцами магометанскаго исповѣданія и имѣетъ отъ роду слишкомъ 70 лѣтъ. Я надѣялся, что, изъ уваженія къ единовѣрцу и старости, оказанъ ему будетъ благосклонный пріемъ; но вмѣсто того, чиновникъ сей принятъ былъ тамъ съ сугубымъ раздраженіемъ, четыре мѣсяца содержанъ подъ крѣпкою стражею *въ унизительномъ мѣстѣ* и, наконецъ, не бывъ выслушанъ, отправленъ въ Россію безъ всякаго отвѣта».

Почти одновременно съ порученіями, данными

изъ Оренбурга Ніязмухаметеву и Бекчурину, былъ посланъ въ Хиву же, совсѣмъ съ другой стороны, именно съ Кавказа, генераломъ Ермоловымъ, штабсъ-капитанъ Н. Н. Муравьевъ, которому было поручено «склонить Туркменъ или Трухменцовъ, обитающихъ на восточныхъ берегахъ Каспійскаго моря, и Хивинцевъ къ пріязненнымъ сношеніямъ съ Россіею». Миссія Муравьева была такъ же неудачна, какъ и Ніязмухаметева: его долго держали въ Хивѣ, какъ бы въ плѣну, едва допустили до аудіенціи у хана, обобрали всѣ привезенные имъ подарки, и въ концѣ едва выпустили обратно; а отпустивъ и узнавъ потомъ, что это былъ не таможенный чиновникъ (за котораго выдавалъ себя Н. Н. Муравьевъ), а военный офицеръ, очень сожалѣли, что не отрубили ему голову...

Вотъ какъ отвѣчали Хивинскіе ханы на всѣ «покушенія имѣть дружественныя сношенія съ ними»... Оскорбляя неслыханнымъ дотолѣ образомъ нашихъ пословъ, арестуя ихъ, брѣя имъ головы и содержа «подъ крѣпкою стражею въ унизительныхъ мѣстахъ», Хивинцы продолжали, въ то же самое время, грабить караваны нашихъ торговыхъ людей, имѣвшихъ сношенія съ сосѣдственной съ Хивою Бухарой... Такую безнаказанность и русское долготерпѣніе можно, повидимому, объяснить лишь двумя обстоятельствами: во-первыхъ, извѣстнымъ личнымъ миролюбіемъ императора Александра I, получившаго, какъ извѣстно, послѣ Наполеоновскихъ войнъ, глубокое отвращеніе

къ войнѣ вообще, и во-вторыхъ, тѣмъ, что во главѣ иностранной политики Россіи стояли въ то время иноземцы, съ графомъ Нессельроде во главѣ, которымъ были чужды и непонятны не только торговые интересы нашего отечества на какомъ-то тамъ дальнемъ Востокѣ, но даже его слава и государственная честь, такъ дерзко оскорбляемыя и принижаемыя, въ данномъ случаѣ, Хивинскимъ ханомъ и его соправителями. Дерзость Хивинцевъ происходила, конечно, отъ ложнаго представленія ихъ о своей силѣ, которая вся заключалась лишь въ большой трудности похода въ Хиву для отряда Европейскихъ войскъ. Но разъ, при Петрѣ I, такой походъ былъ сдѣланъ, онъ могъ и долженъ былъ, рано или поздно, повториться; это былъ лишь вопросъ времени...

II.

Пріѣздъ въ Оренбургъ В. А. Перовскаго и первое впечатлѣніе, имъ произведенное.—Его столкновенія съ генералами Жемчужниковымъ и Стерлихомъ.—Любезный пріемъ, оказанный Перовскому Оренбургскими Татарами съ Тимашевымъ во главѣ.—Первыя мысли о походѣ на Хиву.—Похищеніе Киргизами вдовы-офицерши. — Хлопоты Перовскаго въ Петербургѣ о разрѣшеніи похода.—Бесѣда съ императоромъ Николаемъ.—Первоначальные планы и разсчеты. — Сформированіе экспедиціоннаго отряда.— Штабъ генерала Перовскаго.

Въ 1833 году прибылъ въ Оренбургъ назначенный военнымъ губернаторомъ и командующимъ от-

дѣльнымъ Оренбургскимъ корпусомъ свиты Е. В. генералъ-маіоръ Василій Алексѣевичъ Перовскій *).

Оренбургъ, ранѣе, никогда не имѣлъ такого молодого губернатора и, вдобавокъ, корпуснаго командира... Перовскому въ то время было лишь 38 — 39 лѣтъ. Молодой губернаторъ былъ очень красивъ собою, «взглядъ имѣлъ строгій и суровый», ростомъ былъ выше средняго, имѣлъ изящныя великосвѣтскія манеры и обладалъ необыкновенною физической силой, такъ что свободно разгибалъ подковы. До пріѣзда своего въ Оренбургъ, генералъ Перовскій прошелъ хорошую боевую школу, не совсѣмъ-то обыкновенную и полную интересныхъ событій: 18-лѣтнимъ юношей онъ участвовалъ въ Бородинскомъ бою, гдѣ ему оторвало пулею часть средняго пальца на рукѣ (вслѣдствіе этого, онъ носилъ, потомъ, на этомъ пальцѣ золотой, длинный наперстокъ); при выступленіи французовъ изъ Москвы, попалъ къ нимъ въ

*) Генералъ В. А. Перовскій въ то время не былъ еще графомъ; титулъ этотъ онъ получилъ 17 Апрѣля 1855 года, т. е. въ день рожденія покойнаго Государя Александра Николаевича, всего черезъ два мѣсяца по восшествіи его на престолъ: графское достоинство было пожаловано В. А. собственно за Коканскій походъ 1853 г. и взятіе крѣпости Акъ-Мечеть, переименованной, затѣмъ, въ „Фортъ-Перовскій". Это было во время вторичной уже службы Перовскаго въ Оренбургскомъ краѣ; онъ былъ тогда „Самарскимъ и Уфимскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ, генераломъ отъ кавалеріи и всѣхъ Россійскихъ орденовъ кавалеромъ". Въ Оренбургѣ, въ зданіи караванъ-сарая, въ домѣ губернатора, въ одной изъ залъ, находится прекрасный портретъ графа В. А. Перовскаго, въ натуральную величину, вставленный въ роскошную золотую раму

плѣнъ; *пѣшкомъ*, при обозѣ маршала Даву, прошелъ отъ Москвы во Францію, гдѣ и жилъ, вмѣстѣ съ другими плѣнными, въ Орлеанѣ, до Февраля 1814 г., когда ему удалось бѣжать изъ Франціи и присоединиться къ русской арміи, бывшей въ то время за границей. Затѣмъ, по возвращеніи въ Россію, онъ былъ зачисленъ въ генеральный штабъ, состоялъ адъютантомъ графа П. В. Кутузова и сопровождалъ великаго князя Николая Павловича въ его путешествіи по Россіи. Въ Турецкую войну 1828 г., подъ Варной, Перовскій былъ тяжело раненъ пулею въ правую сторону груди, такъ что ему *вырѣзывали* эту пулю. Въ то же время, это былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей въ Россіи, дружный съ Жуковскимъ, знакомый съ Пушкинымъ, Карамзинымъ и всѣми интеллигентными членами ихъ кружка, (Пушкинъ, во время пріѣзда своего въ Оренбургъ, остановился прямо у Перовскаго). Все это, вмѣстѣ съ легендою о таинственномъ происхожденіи молодого генерала, производило на окружающихъ большое обаяніе. Но нѣкоторыхъ лицъ изъ мѣстной служебной аристократіи сильно смущалъ некрупный чинъ новаго корпуснаго командира, и изъ-за этого чина вышелъ даже, на первыхъ же порахъ, слѣдующій инцидентъ, еще болѣе поднявшій престижъ новаго губернатора.

Начальникомъ расположенной тогда въ Оренбургѣ 28-й пѣхотной дивизіи былъ генералъ-лейтенантъ

Жемчужниковъ, а начальникомъ бригады — старый генералъ Стерлихъ. Будучи чинами старше Перовскаго, дивизіонный генералъ, а по его примѣру и бригадный, не поѣхали представиться, а ожидали, что Перовскій, какъ вновь пріѣзжій, сдѣлаетъ имъ визитъ первый, чего этотъ, однако, не сдѣлалъ. Тогда генералъ Жемчужниковъ обратился въ Петербургъ съ конфиденціальнымъ письмомъ къ военному министру, испрашивая указаній, какъ ему поступить въ данномъ случаѣ?.. Изъ Петербурга не замедлилъ, однако, придти весьма печальный для генерала Жемчужникова отвѣтъ: ему предлагалось отправиться немедленно къ своему начальнику, корпусному командиру, свиты Е. В. генералъ-маіору Перовскому, и доложить ему, что онъ, генералъ-лейтенантъ Жемчужниковъ, за нарушеніе правилъ обычной военной подчиненности, получилъ предложеніе подать въ отставку... Къ чести престарѣлаго и заслуженнаго генерала Жемчужникова слѣдуетъ прибавить, что онъ не исполнилъ этого предложенія, а просто отправилъ прошеніе объ отставкѣ, въ которую тотчасъ же и былъ уволенъ, съ выслуженною имъ ранѣе пенсіею. Перовскій же послѣ этой исторіи былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ назначеніемъ генералъ-адъютантомъ.

Оренбургскіе Татары, составлявшіе въ то время большинство населенія края и самаго города Оренбурга, встрѣтили новаго губернатора съ большимъ

почетомъ и уваженіемъ; а ихъ бывшій мурза Тимашевъ предложилъ даже къ услугамъ генерала Перовскаго свой домъ, лучшій въ городѣ, на Николаевской улицѣ.

Въ первые же годы своей службы въ Оренбургѣ, молодой губернаторъ съумѣлъ достаточно оріентироваться въ новомъ для него краѣ и ко многому присмотрѣться. При этомъ, его всего болѣе поразилъ и сталъ мучить слѣдующій, крайне оскорбительный для самолюбія каждаго русскаго человѣка фактъ: онъ узналъ, что кочующіе сейчасъ же за Ураломъ, вблизи города, Киргизы, числящіеся въ нашемъ подданствѣ, забираютъ, при малѣйшей оплошности, русскихъ людей въ плѣнъ и тотчасъ же продаютъ ихъ въ Хиву, въ вѣчную неволю, что промыселъ этотъ составляетъ любимое, удалое занятіе киргизовъ и что они ведутъ это дѣло совершенно свободно; во время же рекогносцировокъ за Уралъ казачьихъ конныхъ отрядовъ и при погоняхъ изъ укрѣпленій, хищники эти, на своихъ быстрыхъ и неутомимыхъ коняхъ, безнаказанно уходятъ въ степь; что всѣхъ такихъ «плѣнныхъ» находится въ Хивѣ, по свѣдѣніямъ отъ караванъ-башей, болѣе 500 человѣкъ... На генерала Перовскаго особенно, говорятъ, повліялъ разсказъ о происшествіи, случившемся въ Оренбургѣ въ 1825 году, какъ разъ наканунѣ пріѣзда въ городъ императора Александра I.

Вдова одного казачьяго офицера, узнавъ о предстоящемъ прибытіи въ городъ Государя, рѣшилась

нарочно пріѣхать въ Оренбургъ, чтобы повидать царя, котораго ранѣе никогда не видала; она при этомъ взяла съ собою и двухъ малолѣтнихъ дѣтей, чтобы кстати и имъ взглянуть на царя. Пріѣхавъ въ городъ наканунѣ прибытія въ него Государя, любопытная офицерша не нашла на постоялыхъ дворахъ и въ гостиницахъ ни одной уже свободной комнаты, и вслѣдствіе этого рѣшилась остановиться, съ дѣтьми, прислугою и своими лошадьми, бивуакомъ и ночевать въ тарантасѣ, на которомъ пріѣхала; она расположилась на этомъ берегу Урала, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находится, въ настоящее время, архіерейскій садъ и гдѣ въ то время росли еще нѣкоторыя деревья, остатки бывшаго лѣса. Вдругъ, ночью, бивуакъ вдовы окружила конная шайка тихо подкравшихся Киргизовъ, схватили офицершу въ одной сорочкѣ, связали ее по рукамъ и ногамъ, кинули поперекъ лошади на сѣдло, поскакали къ Уралу и бросились черезъ него вплавь... Ни дѣтей ея, ни бывшую съ нею крѣпостную прислугу, кучера и горничную дѣвушку киргизы не взяли. Пока оторопѣлые и испуганные люди подняли тревогу, пока дали знать властямъ, а власти подняли на ноги казаковъ, совсѣмъ разсвѣло, а хищниковъ и слѣдъ простылъ: они были уже далеко въ степи по дорогѣ на Эмбу, направляясь къ Хивѣ... Когда доложили объ этомъ происшествіи прибывшему на другой день въ Оренбургъ Государю, то императоръ Александръ Павловичъ былъ, говорятъ, глубоко огорченъ

этимъ несчастнымъ событіемъ, приказалъ взять дѣтей «на особое попеченіе», а вдову, во что бы ни стало, выкупить отъ Хивинцевъ, за его, государевъ, счетъ, что и было впослѣдствіи исполнено.

Фактъ этотъ, понятно, сильно поразилъ Перовскаго, какъ онъ могъ поразить и всякаго иного свѣжаго человѣка, пріѣхавшаго въ Оренбургъ... Въ самомъ дѣлѣ: Русскій царь долженъ былъ выкупать вдову своего офицера, взятую въ плѣнъ въ мирномъ, повидимому, городѣ, наканунѣ пріѣзда въ него самого Государя, взятую, главное, его же подданными, кочующими за Ураломъ «мирными» киргизами!..

Вотъ какой порядокъ вещей созданъ былъ различными неумѣлыми правителями въ Оренбургскомъ краѣ ко времени пріѣзда въ него В. А. Перовскаго. Какъ человѣкъ, имѣвшій въ Петербургѣ, въ высшихъ сферахъ, большія связи, Перовскій рѣшился возбудить ходатайство о необходимости новаго военнаго похода на Хиву...

Въ Петербургѣ, на первыхъ порахъ, ходатайство генерала Перовскаго не встрѣтило сочувствія ни въ военныхъ сферахъ, ни въ придворныхъ: указывали на трудности похода по безводнымъ пескамъ и пустынямъ; вспоминали трагическую судьбу отряда кн. Бековича-Черкасскаго, хотя и преодолѣвшаго походъ и дошедшаго до самой Хивы, но затѣмъ все-таки погибшаго; выставляли на видъ и большія денежныя затраты, необходимыя на снаряженіе экспедиціи, за-

траты, которыя не окупятся малыми, сравнительно, выгодами, въ случаѣ даже успѣха... Тогда генералъ Перовскій отправился въ Петербургъ лично; тамъ, благодаря своимъ придворнымъ связямъ, онъ сильно подвинулъ впередъ задуманное имъ дѣло. Одинъ только военный министръ, графъ Чернышовъ продолжалъ оппонировать Перовскому. Наконецъ, на одномъ изъ придворныхъ баловъ, когда императоръ Николай Павловичъ подошелъ къ гр. Чернышову и о чемъ-то заговорилъ съ нимъ, генералъ Перовскій, проходившій въ это время вблизи (вѣроятно, умышленно) былъ тоже подозванъ Государемъ. Разговоръ начался о Хивинскомъ похо́дѣ... Военный министръ возражалъ противу похода, Перовскій сталъ горячо доказывать необходимость освободить Русскихъ плѣнныхъ, томящихся въ неволѣ у Хивинцевъ... Николай Павловичъ внимательно слушалъ обоихъ спорящихъ, давая имъ полную свободу высказаться...

— Государь, я принимаю эту экспедицію на свой страхъ и на свою личную отвѣтственность,—заявилъ, наконецъ, рѣшительнымъ тономъ Перовскій, и эта его рѣшимость повліяла на Государя на столько, что онъ тутъ же сказалъ Перовскому:—Когда такъ, то съ Богомъ!—и отошелъ отъ графа Чернышова и Перовскаго къ другимъ лицамъ *)...

*) Эта сцена записана здѣсь со словъ Г. Н. Зеленина, слышавшаго о ней отъ капитана генеральнаго штаба Никифорова, лица, какъ увидимъ ниже, очень близко стоявшаго въ то время

Спустя нѣсколько дней послѣ этого разговора, составленъ былъ, по приказанію Государя, особый комитетъ изъ вице-канцлера, военнаго министра и генерала Перовскаго. Въ засѣданіи комитета 12 марта 1839 г. и рѣшенъ былъ походъ на Хиву; но при этомъ положено было «содержать истинную цѣль предпріятія въ тайнѣ, дѣйствуя подъ предлогомъ посылки одной только ученой экспедиціи къ Аральскому морю». Въ случаѣ удачи похода и взятія Хивы, предположено было «смѣстить хана Хивы и замѣнить его надежнымъ султаномъ Кайсацкимъ, упрочить по возможности порядокъ (нашихъ сношеній съ Хивою), освободить всѣхъ плѣнныхъ и дать полную свободу торговлѣ нашей». Затѣмъ, въ томъ же засѣданіи комитета, опредѣлено было «на предпріятіе это» 1.698,000 руб. асс. и 12 т. черв., снабдить отрядъ орудіями и снарядами изъ мѣстныхъ артиллерійскихъ и инженерныхъ складовъ и присвоить начальнику экспедиціи генералу Перовскому, на время похода, власть командира отдѣльнаго корпуса въ военное время (т. е. главнокомандующаго).

Добившись подписанія этого журнала графомъ Чернышовымъ и утвержденія его Государемъ, генералъ-адъютантъ Перовскій, 17 марта 1839 года, въ сопровожденіи штабсъ-капитана Никифорова, своей,

---

къ генералу Перовскому. Объ этомъ своемъ разговорѣ съ императоромъ Николаемъ Перовскій передалъ, впослѣдствіи, уже по пріѣздѣ въ Оренбургъ, и другимъ лицамъ, въ той же редакціи.

такъ сказать, правой руки, выѣхалъ изъ Петербурга въ Оренбургъ и, тотчасъ же по пріѣздѣ, сталъ готовиться къ походу на Хиву.

Но главный вопросъ, отъ удачнаго рѣшенія котораго зависѣлъ успѣхъ или гибель дѣла, былъ еще не рѣшенъ: надо было опредѣлить время похода, т. е. зимою или лѣтомъ выступить изъ Оренбурга...

За выступленіе зимою было большинство генераловъ и командировъ отдѣльныхъ частей, находившихся тогда въ Оренбургѣ; энергичнѣе всѣхъ стоялъ за зимній походъ начальникъ Башкирскаго войска генералъ-маіоръ Станиславъ Ціолковскій, имѣвшій на молодого губернатора большое вліяніе. Во-первыхъ, по словамъ Ціолковскаго, экспедиціонный отрядъ избавлялся отъ страшной жары, доходящей въ пескахъ, предъ Усть-Уртомъ, до 58° по Реомюру; во-вторыхъ, отрядъ, который предположено было сформировать изъ 5 слишкомъ тысячъ человѣкъ, болѣе чѣмъ при десяти тысячахъ верблюдовъ, могъ бы, идя зимою, по безводнымъ пустынямъ и сыпучимъ пескамъ, имѣть вездѣ воду, которую легко было бы добывать, собирая и оттаивая снѣгъ. Меньшинство было за выступленіе раннею весною; главнымъ противникомъ зимняго похода былъ начальникъ штаба Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса баронъ Рокасовскій (бывшій впослѣдствіи Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ) и генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Никифоровъ: они доказывали генералу Ціолковскому, что если только зима

будетъ снѣжная и суровая, то весь отрядъ неминуемо погибнетъ, такъ какъ въ степи нельзя будетъ достать топлива для варки горячей пищи, а главное, всѣ вер[illegible] люды падутъ отъ безкормицы, не будучи въ силахъ добывать кормъ изъ-подъ глубокаго снѣга. Брать же съ собою, навьючивая на спины тѣхъ же верблюдовъ, топливо и кормъ, на всѣ 1,500 верстъ до Хивы было немыслимо...

Въ то время Киргизская степь, а главное, возвышенная плоскость Усть-Урта и самый путь въ Хиву были совершенно неизслѣдованы и почти неизвѣстны для русскихъ военныхъ людей, а самая Хива была для насъ, въ полномъ смыслѣ слова, terra incognita; знали только, что Киргизская степь до Эмбы была маловодна, а дорога далѣе по Усть-Урту, вплоть до Аму-Дарьи, была совсѣмъ безводна. Но и эти скудныя свѣдѣнія имѣлись, главнымъ образомъ, отъ тѣхъ русскихъ людей, которые, проживая въ Хивѣ плѣнниками, уловчались бѣжать оттуда и благополучно добраться до Оренбурга; но свѣдѣнія, добытыя отъ этихъ несчастныхъ, были до того сбивчивы и разнорѣчивы, что на нихъ, очевидно, нельзя было серьезно положиться и основываться. Имѣлись, правда, нѣкоторыя свѣдѣнія на этотъ счетъ, составленныя полковникомъ генеральнаго штаба Ѳ. Ѳ. фонъ-Бергомъ (впослѣдствіи графъ и генералъ-фельдмаршалъ), бывшимъ начальникомъ маленькой экспедиціи, снаряженной въ зиму 1825—1826 гг. для изслѣдованія

пути изъ Оренбурга къ Аральскому морю. По этимъ свѣдѣніямъ, на Хиву было *два* пути: первый путь шелъ по восточную сторону Аральскаго моря, а второй на Куня-Ургенчъ, по западную; первымъ путемъ до Хивы было 1,400 верстъ, а вторымъ 1,320 верстъ. Этотъ послѣдній путь рекомендовался изслѣдователемъ какъ лучшій и болѣе удобный, и на немъ, въ случаѣ похода на Хиву, были намѣчены, тѣмъ же Бергомъ, два пункта для постройки укрѣпленій: первый при впаденіи въ р. Эмбу рѣчки Аты-Джаксы (или Аты-Якши) и второй у Акъ-Булака—оба, какъ оказалось впослѣдствіи, крайне неудобные: первый по отсутствію вблизи корма, а второй по своей нездоровой водѣ. И вотъ, эти-то роковыя свѣдѣнія, составленныя, какъ бы нарочно, фонъ-Бергомъ, и заставили генерала Перовскаго предпочесть именно второй путь и позаботиться объ устройствѣ на немъ, въ намѣченныхъ мѣстахъ, двухъ укрѣпленій. Для этого, были отправлены въ степь, до Усть-Урта, весною 1839 г., два съемочные отряда, снабженные людьми, верблюдами, деньгами, инструментами и проч., подъ командою полковника генеральнаго штаба Геке *). На эти отряды, кромѣ обязанности топографической съемки, было возложено порученіе устроить по пути на Усть-Уртъ, въ пунктахъ, рекомендованныхъ Бер-

*) Полковникъ Геке, впослѣдствіи наказный атаманъ Уральскаго казачьяго войска, состоялъ въ то время чиновникомъ особыхъ порученій при Перовскомъ.

гомъ, два укрѣпленія, въ которыхъ и заготовить для отряда двѣ главныя вещи зимняго похода въ степи—топливо (изъ камышей степнаго бурьяна) и кормъ верблюдамъ. Такія два укрѣпленія, дѣйствительно, и были полковникомъ Геке устроены: одно было возведено на рѣкѣ Эмбѣ, при впаденіи въ нее рѣчки Аты-Якши, въ 500, примѣрно, верстахъ отъ Оренбурга, а другое за 170 верстъ отъ перваго, въ 12 верстахъ отъ подъема на Усть-Уртъ; оно называлось *Акъ-Булакъ*—Бѣлый Ключъ—по цвѣту имѣвшейся здѣсь въ изобиліи холодной, частію бѣловатаго цвѣта, воды. Укрѣпленіе это имѣло и другое, тоже мѣстное названіе — *Чушка-Куль*, т. е. Свиное Озеро, по множеству водившихся здѣсь, въ камышахъ, дикихъ кабановъ.

Полковникъ Геке, воротясь изъ командировки, доложилъ генералу Перовскому, что хотя онъ и исполнилъ съ буквальною точностію возложенное на него порученіе, но, тѣмъ не менѣе, ститаетъ избранный путь въ Хиву крайне неудобнымъ, такъ какъ вся мѣстность отъ Эмбы до Чушка-Куля (или Акъ-Булака) «состояла изъ солончаковой низменности и изъ самой бѣдной, нагой, илистой почвы, почти безводной». Но было уже поздно выбирать иной путь; съ походомъ въ Хиву торопились, полагаясь, болѣе всего, на русское «авось» и волю Божью... Въ укрѣпленія были тотчасъ же отправлены изъ Оренбурга нѣсколько каравановъ съ овсомъ, сухарями и всякими иными

продовольственными припасами, при сильныхъ и вооруженныхъ отрядахъ, которые, затѣмъ, и остались въ названныхъ двухъ укрѣпленіяхъ, въ видѣ гарнизоновъ, занимаясь заготовкою для отряда сѣна; а съемочные отряды вернулись въ Оренбургъ. Такимъ образомъ, было предположено, что экспедиціонный отрядъ, раздѣленный на нѣсколько колоннъ, выступитъ изъ Оренбурга въ половинѣ ноября; на Эмбинское укрѣпленіе прибудетъ въ первыхъ числахъ декабря, а въ Чушка-Кульское — въ половинѣ декабря. Оттуда было предположено послать легкій рекогносцировочный отрядъ для выбора болѣе удобнаго подъема на Усть-Уртъ и для изслѣдованія, есть ли снѣгъ на плоскости Усть-Урта; въ случаѣ, если бы не оказалось снѣга, рѣшено было ждать его въ Чушка-Кульскомъ укрѣпленіи; а тѣмъ временемъ, къ ближайшему береговому пункту Каспійскаго моря, находящемуся въ 100 верстахъ отъ Чушка-Куля, должны были подойти дѣсять большихъ парусныхъ судовъ съ различными запасами и новымъ продовольствіемъ для отряда, которыя имѣли выйти изъ Астрахани осенью же, нѣсколько ранѣе выступленія отряда изъ Оренбурга. Затѣмъ, какъ только снѣгъ на Усть-Уртѣ выпадетъ, и явится такимъ образомъ возможность добыванія воды, немедленно двинуться въ дальнѣйшій походъ, подняться на Усть-Уртъ и пройти форсированнымъ маршемъ все безводное пространство до Аральскаго моря; а тамъ уже, слѣдуя берегомъ моря,

по плоскости Усть-Урта, легко было, по показаніямъ бывшихъ въ Хивѣ плѣнныхъ, найти воду вездѣ. Тѣ же бывшіе плѣнники дали и еще одно весьма важное показаніе, именно, что снѣгъ на Усть-Уртѣ выпадаетъ не ранѣе конца декабря или даже въ январѣ, и что случаются зимы, когда снѣгъ не выпадаетъ вовсе.

Вотъ всѣ тѣ предварительныя приготовленія, что были сдѣланы, и тѣ свѣдѣнія, которыя были добыты предъ началомъ несчастнаго похода Русскихъ войскъ въ Хиву въ 1839 году. Затѣмъ, было приступлено къ сформированію экспедиціоннаго отряда и къ изготовленію для него вьючныхъ и перевозочныхъ средствъ, транспортовъ, парка, къ покупкѣ лошадей и найму нѣсколькихъ тысячъ верблюдовъ, и пр...

Рѣшено было сформировать всего четыре отдѣльныя колонны, въ составъ коихъ должны были войти: 4 линейныхъ баталіона, одинъ полкъ Оренбургскихъ и одинъ Уральскихъ казаковъ, конно-казачья артиллерійская батарея съ 6-ти фунтовыми орудіями, 8 горныхъ 10-ти фунтовыхъ единороговъ и два батарейныхъ орудія, взятыя изъ мѣстной крѣпостной артиллеріи, такъ какъ не знали, собственно, что такое городъ Хива? крѣпость ли это, или только городъ, обнесенный стѣною, съ цитаделью внутри, и придется ли штурмовать его прямо пѣхотными колоннами, или же, при осадѣ, потребуются тяжелыя осадныя орудія—для бомбардированія и пробитія затѣмъ бреши. При отрядѣ былъ, также, большой артиллерійскій

паркъ, 250 ракетъ Шильдера, 500 ракетъ сигнальныхъ и 500 фальшвейеровъ; были гальваническіе и минные снаряды, понтонная рота съ четырьмя разборными лодками *) по 35 футовъ длины въ каждой, 6 холщевыхъ понтоновъ, холщевыя лодки, 300 бурдюковъ и Уральскіе рыболовные челны, поставленные на колеса. Эти морскія снасти брались для предполагаемаго на обратномъ пути изъ Хивы обозрѣнія Аральскаго моря. Затѣмъ, въ отрядъ назначенъ былъ еще одинъ сводный дивизіонъ Уфимскаго конно-регулярнаго полка, составлявшаго, такъ сказать, личную гвардію генерала Перовскаго въ Оренбургѣ **). Всего въ отрядѣ было болѣе пяти тысячъ человѣкъ, и командованіе четырьмя колоннами было возложено

*) Лодки эти были разобраны по частямъ и навьючены на верблюдовъ; ими не пришлось воспользоваться, такъ какъ отрядъ не дошелъ до Аральскаго моря. При отступленіи, Перовскій разрѣшилъ пользоваться этими лодками, какъ топливомъ, для варки пищи.

**) Уфимскій конно-регулярный полкъ былъ сформированъ по особому ходатайству генерала Перовскаго изъ рослыхъ и красивыхъ нижнихъ чиновъ различныхъ кавалерійскихъ полковъ и изъ офицеровъ, лично извѣстныхъ генералу Перовскому. Это было нѣчто въ родѣ его личной гвардіи. Содержаніе этого полка обходилось казнѣ довольно дорого. Ту же декоративную затѣю, 40 лѣтъ спустя, устроилъ въ Оренбургѣ покойный генералъ-губернаторъ Крыжановскій, настоявшій на сформированіи особаго регулярнаго Башкирскаго полка, командованіе коимъ было поручено сыну Крыжановскаго, совсѣмъ еще молодому человѣку, въ чинѣ подполковника. Полкъ этотъ, стоившій казнѣ тоже очень недешево, былъ послѣ крушенія, постигнувшаго г-ла Крыжановскаго (по обнаруженіи извѣстнаго хищенія Башкирскихъ земель), распущенъ и упраздненъ.

генераломъ Перовскимъ на слѣдующихъ лицъ. Начальникомъ 1-й колонны былъ назначенъ командиръ Башкирскаго войска генералъ-маіоръ Ціолковскій. «Войско» это, въ дѣйствительности Башкирское племя, какъ расположенное въ раіонѣ тогдашней Оренбургской губерніи (заключавшей въ себѣ и нынѣшнюю Уфимскую), было подчинено, какъ и Оренбурское же казачье войско, власти Оренбургскаго военнаго губернатора. Ціолковскій, полякъ по происхожденію, былъ человѣкъ злой, мстительный и крайне жестокосердый; офицеры его ненавидѣли, солдаты боялись и тряслись при одномъ его приближеніи. Командиромъ 2-й колонны былъ назначенъ командующій конно-казачьею артиллерійскою бригадою полковникъ Кузьминскій. Командиромъ 3-й колонны былъ назначенъ начальникъ 28-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Толмачевъ, и, наконецъ, 4-ю колонною командовалъ бывшій впослѣдствіи наказнымъ атаманомъ Оренбургскаго казачьяго войска генералъ-маіоръ Молоствовъ. Эта послѣдняя колонна считалась главною и въ ней находился начальствующій всѣмъ экспедиціоннымъ отрядомъ генералъ-адъютантъ Перовскій съ своимъ штабомъ, во главѣ котораго стоялъ невидимый его начальникъ и правая рука генерала, штабсъ-капитанъ Прокофій Андреевичъ Никифоровъ; видимымъ же начальникомъ «походнаго штаба» Перовскаго былъ подполковникъ Иванинъ; дежурнымъ штабъ-офицеромъ—гвардіи капитанъ Дебу. Кромѣ

того, при Перовскомъ была масса различныхъ лицъ: чиновниковъ особыхъ порученій, штабъ-офицеровъ, адъютантовъ, гвардейскихъ оберъ-офицеровъ и проч., словомъ, былъ весь тотъ хвостъ военныхъ «павлиновъ» и трутней, отъ которыхъ несвободенъ былъ на Руси ни одинъ военачальникъ, начиная съ фельдмаршала Суворова и кончая генераломъ Черняевымъ въ Сербіи... При штабѣ Перовскаго было также нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба для предполагавшихся геодезическихъ и этнографическихъ работъ въ Хивѣ и дорогою; затѣмъ, были офицеры корпуса топографовъ и 12-ть топографовъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи. Какъ великъ былъ обозъ этой главной колонны, можно судить по одному тому, что подъ кухонными лишь припасами, винами, консервами, предназначенными собственно для стола генералъ-адъютанта Перовскаго, было 140 вьючныхъ верблюдовъ. Всѣхъ же верблюдовъ было въ отрядѣ 12,450, такъ что приходилось, въ общемъ, по два слишкомъ верблюда на каждаго человѣка.

III.

Выступленіе отряда изъ Оренбурга —Штабсъ-капитанъ Никифоровъ.—Его роль въ отрядѣ и близость къ ген. Перовскому.—Первыя неурядицы въ отрядѣ съ навьючкою верблюдовъ.—Наступленіе страшныхъ морозовъ и недостатокъ топлива.—6-е Декабря.

Экспедиціонный отрядъ, раздѣленный, какъ сказано, на четыре колонны, началъ свое выступленіе

ставленію генерала Перовскаго, прикомандированъ къ генеральному штабу, а вскорѣ и совсѣмъ зачисленъ въ него, не будучи никогда въ военной Академіи. Въ 1839 году онъ былъ уже штабсъ-капитаномъ генеральнаго штаба, имѣлъ нѣсколько отличій и состоялъ при Перовскомъ «для особыхъ порученій», не имѣя при этомъ никакой опредѣленной должности, но распоряжаясь, въ то же время, рѣшительно всѣмъ, хотя и отъ имени своего патрона и начальника. Главное, чѣмъ дорожилъ Перовскій къ Никифоровѣ, это былъ его слогъ: онъ такъ хорошо владѣлъ перомъ, что никто, кромѣ его, не могъ въ этомъ отношеніи угодить молодому и капризному губернатору; перу же Никифорова принадлежали и всѣ представленія въ Петербургъ о необходимости похода на Хиву.

Распоряженія штабсъ-капитана Никифорова породили, на первыхъ же порахъ похода, различныя недоразумѣнія въ колоннахъ и даже неудовольствія среди начальствующихъ ими лицъ: оказывалось, что начальники колоннъ лишались собственной иниціативы, и всѣ распоряженія и дѣйствія направлялись изъ штаба генерала Перовскаго рукою Никифорова. Главное, что особенно не понравилось въ тѣ времена командирамъ колоннъ, это замѣчательное безкорыстіе Никифорова и его зоркій надзоръ за тѣмъ, чтобы до солдатъ доходило рѣшительно все, что имъ отпускалось и полагалось.

Съ перваго же дня выступленія въ походъ, Перов-

скій поставилъ себя къ начальникамъ колоннъ въ отношенія довольно ненормальныя: онъ держался очень изолировано и недоступно. На остановкахъ и дневкахъ, въ кибитку его рѣшительно никто, даже начальникъ походнаго штаба, не имѣлъ права войти безъ особаго доклада; исключеніемъ былъ одинъ штабсъ-капитанъ Никифоровъ, входившій къ генералу Перовскому во всякое время. Это предпочтеніе особенно не нравилось «штабу» Перовскаго и начальникамъ колоннъ, изъ коихъ трое были генералами.

Вслѣдствіе неумѣлости главныхъ распорядителей, неурядица въ отрядѣ началась еще въ Оренбургѣ— съ навьючкою верблюдовъ. Въ каждой колоннѣ было около 3 тысячъ верблюдовъ; въ главной, 4-й колоннѣ, ихъ было почти 4 тысячи. Передъ выступленіемъ колоннъ и при остановкахъ на ночь, всѣ эти $12^1/_2$ тысячъ верблюдовъ приходилось навьючивать и развьючивать. При каждыхъ десяти верблюдахъ былъ нанятъ всего одинъ Киргизъ, для котораго требовалось нѣсколько часовъ времени всякій разъ; тогда, въ помощь Киргизу-поводарю стали назначать по пяти линейныхъ солдатъ, взявшихся за дѣло очень охотно, но неумѣло. Въ результатѣ явилась масса заболѣвшихъ верблюдовъ, у которыхъ спины были протерты вплоть до костей; ихъ стали развьючивать и раздѣлять вьюки на остальныхъ, здоровыхъ, обременяя

такимъ образомъ этихъ послѣднихъ непосильною ношей...

Походное движеніе колоннъ было направлено изъ Оренбурга такимъ образомъ: первыя двѣ колонны были направлены на Куралинскую линію *), а третья и четвертая—на крѣпость Илецкую-Защиту. За послѣднимъ, Григорьевскимъ форпостомъ, въ степи, есть такъ называемое Караванное озеро; тутъ и предназначено было сойтись всѣмъ четыремъ колоннамъ и, затѣмъ, слѣдовать до Эмбы въ недалекомъ разстояніи одна отъ другой, останавливаясь на ночлегъ не далѣе, тоже, одной или двухъ верстъ другъ отъ друга, съ такимъ разсчетомъ, чтобы каждая колонна видѣла сосѣднюю, такъ что, въ случаѣ тревоги, всѣ колонны могли бы быстро сосредоточиться въ пунктѣ нападенія и оказать взаимную другъ другу помощь. На ночлегъ предписано было ставить колонны въ каре, и на этотъ предметъ выданы даже были каждому начальнику колонны особые планы и инструкціи, отъ которыхъ предписано было не отступать ни въ какомъ случаѣ. Послѣдствія показали, что это предрѣшеніе дѣйствій отдѣльныхъ начальниковъ колоннъ и, въ тоже время, отнятіе у нихъ собственной иниціативы дало весьма печальные результаты.

Самое движеніе въ степи экспедиціоннаго отряда шло черепашьимъ шагомъ. Главною причиною этой

*) Куралинская линія проходитъ немного лѣвѣе Илецкой-Защиты, но, въ концѣ, выходитъ тоже на рѣку Илекъ.

медленности была неумѣлость солдатъ при навьючиваніи верблюдовъ: эти вьюки, то и дѣло, падали съ верблюдовъ; чтобы перевьючить, приходилось останавливать цѣлую колонну; иначе, отсталые верблюды растягивались бы въ хвостѣ колонны, и аріергарду пришлось бы оставаться далеко позади отряда, въ степи... Такимъ образомъ, въ началѣ похода, колонны дѣлали не болѣе 10 верстъ въ день; и только тогда, когда солдаты достаточно навыкли вьючить верблюдовъ, колонны стали подвигаться быстрѣе. Но тутъ случилась новая бѣда: 24 Ноября выпалъ глубокій, выше колѣна, снѣгъ, а 27-го числа поднялся ужаснѣйшій степной буранъ при 26 градусахъ мороза... Озябшія отъ сильной стужи и вѣтра лошади, въ ночь на 28-е Ноября, сорвались съ коновязей и бѣжали въ степь—ради спасенія жизни, по инстинкту, чувствуя потребность бѣжать... Всѣ часовые отморозили въ эту ночь носы, руки или ноги; начались въ отрядѣ болѣзни; отмороженныя части пришлось ампутировать въ холодныхъ, войлочныхъ кибиткахъ, на морозѣ, продолжавшемъ держаться около 25 градусовъ... Бѣжавшихъ лошадей надо было разыскивать... Сдѣлали лишнюю дневку, и часть пропавшихъ лошадей нашли въ другихъ колоннахъ; большая же часть ихъ исчезла въ степи безслѣдно, съѣденная волками.

Съ первыхъ чиселъ Декабря, вновь начались бураны; всю степь завалило снѣгомъ болѣе чѣмъ на аршинъ, и его поверхность отъ морозовъ покрылась

твердою ледяною корой; морозы перешли за 30 градусовъ и стали доходить, по утрамъ, до 40, при убійственномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ... Люди, измученные непривычною ходьбою по глубокому снѣгу, да еще съ ружьями, ранцами и патронташами на спинѣ, скоро изнемогали и, въ сильной испаринѣ, садились на верблюдовъ, остывали и даже отмораживали себѣ тутъ же, сидя на верблюдахъ, руки и ноги... Всѣ поняли, что наступаетъ гибель; но никто еще не имѣлъ малодушія высказать это въ слухъ... Прежде всего, бѣдствіе постигло несчастныхъ верблюдовъ *). Ступая по снѣгу въ аршинъ глубиною и пробивая при этомъ ледяную кору, они рѣзали въ кровь ноги до колѣнъ и выше и, въ концѣ концовъ, падали и уже не могли подняться... Такихъ верблюдовъ бросали на мѣстѣ, на произволъ судьбы, умирать въ степи; а вьюкомъ съ упавшаго верблюда распоряжались уже аріергардные казаки: если это былъ овесъ или сухари, то казаки дѣлили добычу по торбамъ; если это былъ спиртъ, то казаки разливали его въ манерки, а боченокъ разбирали на топливо; если это была мука, то ее разсыпали по снѣгу, а куль отъ муки припрятывали на топливо же, въ которомъ, въ это тяжелое время, былъ такой страшный недостатокъ, что иногда на но-

*) Большая часть верблюдовъ отряда была не куплена, а лишь нанята у Киргизовъ, равно какъ и ихъ хозяева поводари. Впослѣдствіи, за погибшихъ верблюдовъ казна уплатила Киргизамъ все, что слѣдовало.

члегахъ, чтобы развести хоть маленькій огонь для вскипяченія чайника воды, приходилось жечь веревки отъ верблюжьихъ тюковъ...

Наступило 6-е Декабря 1839 года. Наканунѣ войска дошли до урочища Бишь-Тамакъ (Пять Устьевъ), въ 250—270 верстахъ отъ Оренбурга. Здѣсь, по случаю тезоименитства императора Николая Павловича, назначена была дневка, поставлена была съ вечера походная церковь и предположено было, на другой день, отслужить литургію и молебенъ; но когда наступило утро 6-го Декабря и въ церковь стало собираться начальство и духовенство, то рѣшили, въ виду $32^1/_2{}^0$ мороза при страшномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, ограничиться лишь краткимъ молебномъ о здравіи государя. Холодъ, благодаря вѣтру, достигалъ до того, что внѣ большой походной кибитки, гдѣ была церковь, невозможно было вздохнуть полною грудью: у самыхъ крѣпкихъ людей захватывало духъ... Топлива не было и достать его было негдѣ: кругомъ была голая бѣлая пустыня, покрытая снѣгомъ на $1^1/_2$ аршина глубины... Тогда начальники колоннъ, собравшіеся было въ церковь для предполагавшейся литургіи, рѣшили идти къ главноначальствующему и раскрыть предъ нимъ гибельное положеніе отряда. Перовскій принялъ ихъ, внимательно выслушалъ и далъ разрѣшеніе употребить, для варки пищи, лодки, взятыя изъ Оренбурга для предполагавшагося плаванія по Аральскому мо-

рю, а также разломать и выдать на топливо же солдатамъ дроги, на которыхъ возились эти лодки, выдать всѣ факелы и канаты, приготовленные для флотиліи, разрубить на части и выдать людямъ запасные кули, а также и всѣ опорожненные, рубить и выдавать всѣ запасныя веревки обоза; словомъ, выдать все, что можетъ горѣть и что возможно считать излишнимъ въ отрядѣ. Но увы!—всего этого хватило лишь на нѣсколько дней для пятитысячнаго отряда... Когда все было сожжено и доложено было объ этомъ вновь Перовскому, онъ приказалъ объявить войскамъ, что они сами должны отыскивать для себя топливо, что выдавать больше нечего...

IV.

Героическое мужество солдатъ. — Во что была одѣта пѣхота. — Картинка ночлега отряда —Смертность и походные лазареты. — Казачье „стараніе“ —Гибель дивизіона Уфимскаго коннаго полка.—Положеніе офицеровъ отряда.

Для военнаго историка и лѣтописца походовъ русскихъ войскъ слѣдуетъ отмѣтить характерную особенность нашего солдата въ это гибельное для экспедиціи время. Пока были дрова и хоть какое-нибудь топливо, чтобы можно было развесть огонь и сварить горячую пищу — хоть простую на водѣ гречневую кашицу,—до тѣхъ поръ солдаты отряда были бодры и веселы: никакой морозъ не имѣлъ вліянія на нрав-

ственное состояніе ихъ духа. Падали цѣлыми сотнями верблюды, обмораживались и затѣмъ умирали отъ антонова огня часовые, разбѣгались въ степь и поѣдались степными волками лошади, приходилось все время спать на мерзлой землѣ, прикрытой простыми кошмами, въ снѣжныхъ ямахъ, ограждаясь отъ сѣвернаго вѣтра лишь джуламейками,—все это солдаты переносили съ терпѣніемъ и христіанскою кротостію; но разъ прекратился огонь и горячая пища, —весь отрядъ упалъ духомъ, и всѣ заговорили уже вслухъ о совершенной неудачѣ похода.

Бѣдствія солдата увеличивались еще и отъ его обмундированія. Вмѣсто обыкновенныхъ русскихъ полушубковъ, въ которые необходимо слѣдовало бы одѣть весь отрядъ, онъ одѣтъ былъ Богъ вѣсть какъ— не только скаредно, но просто каррикатурно: людямъ, передъ самымъ выступленіемъ изъ Оренбурга, дали полушубки, сшитые изъ *чебаги*, сшитые самымъ примитивнымъ способомъ, практиковавшимся здѣшними номадами, въ отдаленныя времена, и сохранившимся лишь въ аулахъ, у самыхъ бѣдныхъ Киргизовъ. Полушубки эти шились такъ: снимали весною съ барана шерсть, нашивали и наклеивали ее на толстый холстъ и затѣмъ кроили и шили изъ этой «чебаги» для солдатъ полушубки; овечья шерсть грѣла конечно, но скоро сваливалась въ неровный войлокъ, а верхняя холщевая часть такихъ полушубковъ холодѣла отъ мороза; солдатскія же шинели, сшитыя въ натяжку,

по мундирамъ, не влѣзали на полушубки. Сверхъ черныхъ суконныхъ шароваръ, солдатамъ приказано было надѣвать для чего-то холщевыя (надо полагать, въ предохраненіе отъ износа, въ видахъ экономіи), но холстъ тоже страшно накалялся на тридцатиградусномъ морозѣ; вдобавокъ шаровары эти надо было запихивать въ узкія голенища сапогъ, такъ что не только ступня, но и щиколотка ноги у солдата была ничѣмъ не защищена отъ холода. Однѣ лишь солдатскія шапки были примѣнены къ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ. Онѣ были подбиты телячьимъ мѣхомъ, и къ нимъ были придѣланы особые назатыльники изъ такого же мѣха; но такъ какъ шапки эти были единственною теплой одеждой, практически сшитою, то и выходило вотъ что: голова у солдата была постоянно въ теплѣ, а ноги и вся нижняя часть тѣла въ холодѣ, т. е. какъ разъ наоборотъ какъ бы слѣдовало... Не распорядились даже измѣнить обувь солдатъ—сапоги на валенки. И вотъ въ такой-то одеждѣ и обуви, сшитыхъ «на перекоръ стихіямъ», пройдетъ солдатъ въ день, по колѣно въ снѣгу, верстъ 15, а иногда и болѣе, неся на своей спинѣ ранецъ съ вещами, ружье и 40 боевыхъ патроновъ въ патронташѣ и приходитъ, наконецъ, на ночлегъ. Отъ усталости и изнеможенія, солдаты тотчасъ же полягутъ на снѣгъ, какъ попало, подложивъ лишь подъ себя войлочныя кошмы, и только тѣ изъ нихъ, которые посильнѣе, начинаютъ разставлять войлочныя джула-

мейки *), а другіе идутъ рыть коренья степныхъ травъ для варки пищи; а чтобы добыть эти коренья, нужно сначала разгрести твердый снѣгъ, лежавшій на землѣ слоемъ 1 1/2 аршина, а затѣмъ рубить землю мотыгами **), комья разбивать обухами топоровъ,— и изъ мелкой земли, разбитой такимъ тяжкимъ трудомъ, выбирать окоченѣвшими пальцами мелкіе коренья травъ—для разведенія огня... А пока все это совершается, то-есть пока одна часть еще не свалившихся солдатъ ставитъ и налаживаетъ джуламейку, а другая часть добываетъ коренья, слабые солдаты лежатъ на снѣгу и простуживаются... На другой день они идутъ въ лазаретъ, а оттуда дня черезъ три «на выписку», въ могилу... На бѣду походные лазареты помѣщались въ длинныхъ, сквозныхъ фургонахъ, на колесахъ, устроенныхъ такъ въ предположеніи, что всю дорогу до Эмбы отрядъ совершитъ по безснѣжной степи. Фургоны эти были до того холодны и съ такими сквозниками, что

*) *Джуламейка* въ переводѣ на русскій языкъ—*дорожный домъ*. Это небольшая войлочная палатка, имѣющая форму стога, устраивается изъ тонкихъ палокъ, связанныхъ веревками и обтянутыхъ, затѣмъ, кошмами, т. е. войлоками. Ставятъ ее прямо на снѣгъ, въ ней стелятъ кошмы же, и такимъ образомъ получается защита если не отъ холода, то, по крайней мѣрѣ, отъ вѣтра. Въ сущности, джуламейка—это киргизская кибитка въ миніатюрѣ, такъ какъ настоящая кибитка едва умѣщается на спины двухъ верблюдовъ.

**) Мотыги—это особаго рода желѣзный инструментъ, замѣняющій отчасти топоръ, желѣзную лопату и пешню. Инструментъ этотъ мѣстный, употребляемый обыкновенно въ степи киргизами

губили совсѣмъ даже здоровыхъ солдатъ, посылаемыхъ въ лазаретъ вслѣдствіе одной лишь усталости ногъ, «для отдыха»: черезъ два-три дня такіе солдаты простуживались, схватывали тифозную горячку и отправлялись на вѣчный отдыхъ... Затѣмъ, когда всѣ фургоны были уже переполнены, больныхъ клали на особо устроенныя койки и подвѣшивали на верблюдовъ, по одному человѣку съ каждой стороны; непривычныхъ къ такому передвиженію несчастныхъ больныхъ сильно било и заколачивало, иногда, до безчувствія. Хоронили покойниковъ обыкновенно тутъ же въ степи, въ неглубокихъ ямахъ, вырубаемыхъ мотыгами въ мерзлой землѣ.

Не мало людей начало умирать отъ скорбута, цинги, антонова огня (вслѣдствіе обмороженія конечностей), а главное отъ изнеможенія и истощенія силъ, вслѣдствіе отсутствія горячей пищи. Эта смертность и почти ежедневно происходившія въ отрядѣ похороны имѣли неизбѣжное деморализующее вліяніе не только на слабыхъ и молодыхъ солдатъ, но на старыхъ и здоровыхъ, даже на унтеръ-офицеровъ. Ропоту, конечно, не было и быть не могло: не таковъ русскій человѣкъ, чтобы роптать на волю Божью, ниспославшую такую снѣжную и жестокую зиму, какую не могли запомнить 70-ти-лѣтніе старики! Но у всего отряда, въ виду его ежедневнаго таянія, явилось опасеніе, что погибнетъ неминуемо вся пѣхота, до послѣдняго человѣка...

Положеніе кавалеріи было во многомъ лучше; казаки были одѣты гораздо теплѣе и практичнѣе, чѣмъ пѣхотинцы: подъ шинелями у нихъ были настоящіе мѣховые полушубки, а это было самое главное. Въ началѣ похода, правда, наблюдалась извѣстная форма въ одеждѣ; но затѣмъ, когда наступили страшные морозы и поднялись бураны, то казаки сверхъ шинелей стали надѣвать взятые ими въ походъ, про всякій случай, собственные, саксачьи, длинно-руныхъ черныхъ овецъ, тулупы, а на ноги валенки—и имъ было тепло. На ночлегахъ, когда отрядъ, обыкновенно, устраивался въ каре, солдаты-пѣхотинцы занимали передній и задній фасы, а по бокамъ каре клались тюки съ продовольствіемъ и прочими запасами, а за этими уже тюками, подъ ихъ защитою отъ вѣтра, ставились джуламейки казаковъ.

Относительно продовольствія, казаки и ихъ лошади поставлены были тоже въ болѣе благопріятныя условія. Мы уже говорили выше, какъ ловко пользовались казаки въ аріергардѣ всевозможными вьюками, которые они снимали съ падавшихъ отъ изнеможенія верблюдовъ. Впрочемъ, казаки (особливо Уральскіе) не брезгали даже и обыкновеннымъ воровствомъ, при добываніи разнаго рода продовольствія, такъ что, напримѣръ, у пѣхотныхъ офицеровъ отряда были похищены казаками всѣ тюки съ консервами, чаемъ и сахаромъ, даже чемоданы съ бѣльемъ и мундирами. Не менѣе ловко поступали казаки и тогда,

когда имъ надо было добыть лишняго корму для своихъ коней: не смотря на голую, снѣжную пустыню, окружавшую отрядъ, они и тутъ ухитрялись достать то, что имъ было нужно. Дѣло въ томъ, что въ началѣ похода на каждую лошадь выдавалось овса лишь по 2 1/2 гарнца, сѣна же не выдавалось вовсе, такъ какъ снѣгъ былъ не глубокъ, и лошадей, часа на два въ день, выгоняли *на тебеневку* (т. е. на пастьбу), гдѣ онѣ и добывали себѣ, роя копытами, подножный кормъ; но потомъ, когда снѣгъ сталъ глубокимъ, такая тебеневка стала, конечно, невозможною; а между тѣмъ, казаки очень любили и берегли своихъ лошадей, которыя, какъ извѣстно, были ихъ собственностью. И вотъ, вольные сыны Урала начали «стараться» и пустились на слѣдующую хитрость. Такъ какъ ночью казачьи джуламейки устраивались вблизи вьюковъ и всевозможныхъ мѣшковъ съ провіантомъ и продовольствіемъ, то, какъ только наступала глухая пора ночи, изъ казачьей джуламейки осторожно выползалъ какой-нибудь ловкій парень и выслѣживалъ часового. Едва тотъ прятался отъ холода гдѣ-нибудь за тюками, какъ казакъ всаживалъ въ одинъ изъ тюковъ съ овсомъ особаго рода крючекъ на крѣпкой бичевѣ, конецъ которой былъ протянутъ въ самую джуламейку; исполнивъ это, казакъ тихонько уползалъ вновь въ джуламейку, а спустя нѣсколько минутъ куль съ овсомъ начиналъ медленно подвигаться по снѣгу и въѣзжалъ въ ту же джула-

мейку, къ ожидавшимъ его казакамъ, которые тотчасъ и же и разсыпали овесъ по сакмамъ, а куль сжигали. Такимъ образомъ, казачьи лошади были всю дорогу сыты, а у самихъ казаковъ не переводились ни сухари, ни водка, ни мясо; оттого и смертность между ними была значительно меньше, и лошади ихъ падали весьма рѣдко. Случалось, конечно, что часовой замѣчалъ самодвижущійся куль съ овсомъ; но въ такихъ случаяхъ увеличивались лишь ночныя мученія несчастнаго часового: къ страданіямъ отъ стужи и вѣтра присоединялось еще и мученіе отъ страха и ужаса—въ виду несомнѣнной чертовщины, происходящей предъ его глазами... Уже много позже, когда отрядъ добрался до Эмбы, эти казачьи продѣлки стали извѣстны всему отряду.

Но далеко не вся кавалерія отряда благоденствовала такъ, какъ казачьи полки: взятый генераломъ Перовскимъ сводный дивизіонъ Уфимскаго конно-регулярнаго полка бѣдствовалъ едва ли не болѣе, чѣмъ пѣхота. Люди этого дивизіона, набранные, какъ и весь полкъ, изъ другихъ полковъ регулярной кавалеріи, расположенной въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, были непривычны къ суровому Оренбургскому климату; ихъ щегольская форма, пригодная для блестящихъ парадовъ, была совсѣмъ неудобна для похода въ тридцати-градусный морозъ, въ снѣговой пустынѣ. То же было и съ ихъ лошадьми: красивыя, рослыя и грузныя заводскія лошади этого дивизіона

едва ступали по глубокому снѣгу и, какъ и верблюды же, сильно рѣзали себѣ ноги о ледяную кору, покрывавшую снѣгъ, а главное, ничего не могли подѣлать на тебеневкѣ, т. е. не умѣли добывать себѣ подножный кормъ, такъ что всю дорогу, отъ самаго Оренбурга, не ѣли сѣна и травы; выдаваемый же въ скромной порціи 2 1/2 гарнцевъ на день овесъ не могъ, конечно, накормить лошадь досыта, и онѣ начали падать... Въ концѣ похода въ этомъ дивизіонѣ не осталось ни одной лошади; послѣднею пала, подъ Эмбою уже, красавица «Пѣна», бѣлая лошадь у трубача, сильно имъ любимая. Очевидецъ, Г. Н. Зеленинъ, такъ передавалъ мнѣ этотъ случай. Лошадь шла по тропѣ, протоптанной ранѣе оставшимися верблюдами; на ней гордо сидѣлъ молодчина-трубачъ, окруженный всего человѣками 20—25, нижними чинами, остававшимися въ живыхъ изъ всего дивизіона, идущими теперь пѣшкомъ вблизи своего трубача... Вдругъ Пѣна споткнулась обо что-то, сильно вздрогнула—и упала; трубачъ быстро соскочилъ съ нея и сталъ было помогать ей подняться; но лошадь затрясла головой и медленно перевалилась на бокъ... Солдатики стали хлопотать около своей любимицы, отпустили ей подпруги; но это ей не помогло: лошадь стала медленно и тяжело дышать и слегка биться... Солдатики рѣшили, что она «изведется»... Тогда трубачъ сбѣгалъ къ идущимъ въ аріергардѣ казакамъ, добылъ тамъ нѣсколько гарнцевъ овса, при-

несъ лошади и насыпалъ его на чистое полотенце, вблизи ея головы; потомъ, разсѣдлалъ лошадь и разнуздалъ; затѣмъ сталъ передъ ней, поклонился ей въ землю, зарыдалъ какъ ребенокъ—и медленно пошелъ, снѣговою тропою догонять «землячковъ-товарищей»... Въ Оренбургъ вернулось изъ этой гвардіи генерала Перовскаго около 20 человѣкъ; трубачъ, оплакавшій красавицу Пѣну, тоже умеръ въ походѣ, на обратномъ уже пути изъ Чушка-Куля. Когда окончился этотъ несчастный походъ и Перовскій уѣхалъ за границу, весь Уфимскій конно-регулярный полкъ, въ цѣломъ своемъ составѣ, былъ отправленъ (въ 1841 году) на контониръ-квартиры, въ одну изъ Сѣверо-Западныхъ губерній, для поправленія здоровья солдатъ, сильно страдавшихъ въ Оренбургѣ обычною болѣзнью для всѣхъ немѣстныхъ уроженцевъ — изнурительною, перемежающеюся лихорадкою. Страданія и лишенія офицеровъ въ этотъ тяжкій походъ мало чѣмъ разнились отъ нижнихъ чиновъ. Правда, каждому изъ нихъ былъ предоставленъ въ распоряженіе отдѣльный верблюдъ а нѣкоторымъ два, три и болѣе; у многихъ были собственныя лошади и экипажи—мѣстные тарантасы, съ полозьями въ запасѣ, для зимняго пути; были и разныя другія исключительныя удобства и приспособленія. Но все это было лишь въ началѣ похода... Затѣмъ для всѣхъ почти офицеровъ отряда наступили тѣ же лишенія: верблюды ихъ пали, равно, какъ и лошади, экипажи

брошены или сожжены; вскипятить мѣдный чайникъ съ водою было, тоже, не всегда возможно, какъ и солдатамъ не всегда удавалось похлебать горячей кашицы. Исключенія въ удобствахъ имѣлись лишь у начальниковъ отдѣльныхъ частей: начальники колоннъ, баталіонные и полковые командиры и батарейные находились, конечно, въ иныхъ условіяхъ, лучшихъ, изъ коихъ главныя были два: теплая одежда и горячая пища. Все это, понятно, было у командировъ; но самаго-то главнаго—теплаго угла, гдѣ бы можно было обогрѣться и, порою, обсушиться и уснуть раздѣвшись, этого ни у кого не было. У самого Перовскаго ставилась въ кибиткѣ переносная, желѣзная печь; но, тѣмъ не менѣе, температура была тамъ (6-го, напримѣръ, декабря) слѣдующая: на полу кибитки было 15° холоду; а на столѣ, гдѣ писалъ Перовскій, 4° морозу же, по Реомюру.

V.

Облегченіе караульной службы.—Случай съ часовымъ.—Смертная казнь надъ нимъ.—Начало ропота противу генерала Цюлковскаго.—Ненависть Цюлковскаго къ русскимъ солдатамъ и его жестокость.—Истязаніе фельдфебеля Есырева.—Усиленіе въ отрядѣ ропота противу Цюлковскаго.—Смѣщеніе его съ должности начальника колонны.

Еще въ началѣ декабря, когда отрядъ только что подходилъ къ урочищу Бишъ-Тамакъ, главноначальствующій, въ виду наступившихъ тридцати-градус-

ныхъ морозовъ и частыхъ бурановъ, отъ которыхъ гибли по ночамъ часовые, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы ночные часовые на постахъ смѣнялись черезъ каждый часъ, а не черезъ два, какъ было обыкновенно установлено. Къ сожалѣнію, это гуманное распоряженіе генерала Перовскаго не всегда исполнялось въ точности, по той простой причинѣ, что на гауптвахтахъ, гдѣ былъ главный караулъ, не всегда и не у всѣхъ начальниковъ караула были часы, составлявшіе въ то время нѣкоторую роскошь у армейскихъ офицеровъ. Такимъ образомъ, часовымъ приходилось иногда выстаивать на своихъ постахъ долѣе даже двухъ часовъ; если въ это время былъ сильный морозъ, да еще съ метелью, часовой, по чувству простого самосохраненія и самозащиты, прятался отъ бурана и вьюги за тюки. И вотъ, произошелъ однажды въ колоннѣ генерала Ціолковскаго слѣдующій печальный случай. Около тюковъ съ провіантомъ стоялъ, ночью, часовой, еще молодой солдатъ, зырянинъ Архангельской губерніи. Поднялся страшный буранъ... проходитъ часъ, проходитъ другой... совсѣмъ закоченѣли у часового руки, а смѣны нѣтъ какъ нѣтъ... Поставилъ несчастный солдатикъ ружье къ тюку, а самъ присѣлъ у ружья на корточки, спряталъ замерзшія руки подъ полушубокъ, да и прикурнулъ немножко... Въ это время проходилъ патруль; вмѣсто того, чтобы разбудить прозябшаго солдата, или поскорѣе смѣнить его, унтеръ-офицеръ полякъ

взялъ тихонько ружье часового и ушелъ съ нимъ; когда, спустя всего нѣсколько минутъ, солдатикъ проснулся и увидалъ, что ружья нѣтъ, онъ страшно перепугался—зналъ, что отъ неумолимаго и безжалостнаго генерала Ціолковскаго его постигнетъ жестокое наказаніе. И вотъ, опасаясь, что съ минуты на минуту придетъ смѣна и его найдутъ безъ ружья, часовой рѣшается на слѣдующій необдуманный поступокъ: оглядывая безконечную бѣлую степь, онъ увидѣлъ, что не въ далекѣ стоитъ на ночлегѣ другая колонна; не долго думая, часовой бросается туда, тихо подходитъ къ плацформѣ, гдѣ въ козлахъ стояли ружья, и видитъ, что часовой отъ стужи спрятался за тюками и дремлетъ... солдатикъ взялъ одно ружье и быстро возвратился къ своему посту. Когда пришелъ къ нему тотъ же патрульный и съ нимъ смѣна, то увидѣли, что солдатъ стоитъ съ ружьемъ...

— Чье у тебя ружье?—спросилъ патрульный.

— Мое, сударь,—отвѣчалъ часовой.

Тогда у солдатика спросили нумеръ его ружья и при этомъ показали ему собственное ружье... Отпираться стало невозможно, и виновный повинился во всемъ.

Генералъ Ціолковскій сильно сталъ раздувать это дѣло—просто, по жестосердію своему... О проступкѣ часового доложено было главноначальствующему отрядомъ, и генералъ Перовскій приказалъ наказать солдатика и тѣмъ покончить дѣло. Но генералъ-маі-

оръ Ціолковскій, въ качествѣ колоннаго начальника, сталъ настаивать, чтобы часовой за свой проступокъ былъ подвергнутъ, въ примѣръ прочимъ, разстрѣлянію, что его преступленіе-де очень важное: сонъ на посту, утрата ружья, самовольная, безъ разводящаго ефрейтора, отлучка съ часовъ и, наконецъ, кража оружія въ сосѣдней колоннѣ... Начальникъ колонны такъ энергично настаивалъ на своемъ безсердечномъ желаніи и сослался на такой сильный аргументъ (что онъ, генералъ Ціолковскій, въ случаѣ помилованія виноватаго, не отвѣчаетъ за сохраненіе дисциплины въ своей колоннѣ, въ такое смутное и тяжелое для отряда время), что генералъ Перовскій вынужденъ былъ, наконецъ, уступить и отдалъ приказъ судить часового полевымъ военнымъ судомъ, въ 24 часа. Часовой былъ приговоренъ къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе, и приговоръ этотъ былъ, на другой же день, надъ нимъ исполненъ, въ присутствіи всей 1-й колонны и при нѣсколькихъ стахъ людей изъ другихъ колоннъ, нарочито командированныхъ для присутствованія при смертной казни.

Случай этотъ вызвалъ сильный говоръ во всѣхъ колоннахъ... Всѣ обвиняли генерала Ціолковскаго въ безчеловѣчности и ненужной жестокости. Указывали на то, что нужно снисходить къ нижнимъ чинамъ, безропотно, зачастую, замерзающимъ на часахъ; что, скорѣе, слѣдовало бы генералу Ціолковскому установить болѣе правильную смѣну часовыхъ въ своей ко-

лоннѣ, чѣмъ внушать патрульнымъ унтеръ-офицерамъ, изъ ссыльныхъ поляковъ, похищать у измученныхъ и задремавшихъ часовыхъ ружья... что отрядъ далеко еще не дошелъ до Эмбы; а пока дойдетъ до Хивы, то этакъ, пожалуй, придется разстрѣлять всѣхъ тѣхъ, кто не замерзнетъ... и т. д.

Въ силу военной дисциплины, ропотъ этотъ или, скорѣе, «говоръ», какъ называютъ его находящіеся и теперь въ живыхъ военные люди, участники похода, былъ, конечно, тихій, сдержанный, и лишь теперь, спустя полвѣка, сѣдые ветераны похода, припоминая смертную казнь зырянина, разстрѣляннаго при 30-ти-градусномъ морозѣ, въ бѣлой непроглядной вьюгѣ, передавали мнѣ, понижая голосъ, что послѣ этой казни «въ отрядѣ былъ сильный говоръ»... И если бы въ отрядѣ не знали, кто истинный виновникъ ненужной жестокости, то «говоръ» могъ бы разростись... И хотя Ціолковскій старался потомъ всячески выгородить себя изъ этого дѣла, сваливая назначеніе военно-полеваго суда на главноначальствующаго, но эта политика плохо удалась ему въ степи: шт.-капитанъ Никифоровъ, не стѣсняясь, говорилъ съ офицерами въ слухъ о закулисной сторонѣ всего этого несчастнаго дѣла...

Теперь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о личности начальника 1-й колонны генералъ-маіора Станислава Ціолковскаго. Онъ, по разсказамъ, попалъ въ Оренбургъ вскорѣ послѣ польскаго мятежа 1831 г.,

въ качествѣ ссыльнаго полковника польскихъ войскъ, сильно скомпрометированный. Вскорѣ же по пріѣздѣ генерала Перовскаго въ Оренбургъ, полковникъ Ціолковскій съумѣлъ вкрасться къ новому военному губернатору въ такое довѣріе, такъ заискать передъ нимъ и расположить его къ себѣ, что походъ 1839 г. засталъ его командиромъ Башкирскаго войска, въ чинѣ уже генералъ-маіора. Существуетъ весьма основательное свѣдѣніе, что государь Николай Павловичъ, прощаясь съ Перовскимъ въ началѣ 1839 г. въ Петербургѣ и хорошо, повидимому, зная о томъ недобромъ вліяніи, какое имѣлъ Ціолковскій на молодого Оренбургскаго губернатора, настоятельно совѣтовалъ ему не допускать къ себѣ этого ссыльнаго поляка *). Тѣмъ не менѣе, Ціолковскій попалъ все-таки въ экспедицію, и сталъ, затѣмъ, злымъ геніемъ отряда и всего похода.

При самомъ выступленіи своемъ изъ Оренбурга, генералъ Ціолковскій отдалъ приказъ по своей колоннѣ, чтобы навьючка верблюдовъ начиналась съ двухъ часовъ ночи, а въ походъ выступать не позже 6 или 7 часовъ утра; солдатамъ, слѣдовательно, приходилось спать ночью не болѣе $3^1/_2$ часовъ, а большую часть ночи заниматься навьючкой верблюдовъ; затѣмъ, выступать въ походъ въ совершенной тем-

*) Подтвержденіе этого довелось слышать П. И. Бартеневу отъ покойнаго Даля и отъ А. М. Жемчужникова, передававшаго это со словъ своего дяди, В. А. Перовскаго.

нотѣ (такъ какъ въ 6 и даже въ 7 часовъ утра въ Ноябрѣ и Декабрѣ, какъ извѣстно, совсѣмъ темно) и, вдобавокъ, усталыми уже и измученными, и идти въ потьмахъ, до наступленія разсвѣта, болѣе часу... Вслѣдствіе этихъ порядковъ, въ колоннѣ генерала Ціолковскаго начались сильныя заболѣванія нижнихъ чиновъ, а затѣмъ появилась и смертность, такъ что въ одной его колоннѣ умирало въ день, почти столько же, сколько во всѣхъ остальныхъ трехъ колоннахъ. У него же въ колоннѣ, у перваго, начали падать верблюды... Усиленный падежъ верблюдовъ совпалъ какъ разъ съ смертною казнью зырянина, и все это, взятое вмѣстѣ, съ присоединеніемъ ежедневныхъ разсказовъ о звѣрствѣ и жестокостяхъ генерала Ціолковскаго, породило усиленный «говоръ» въ отрядѣ, что «этотъ полякъ отравливаетъ верблюдовъ»... что онъ, будто бы, посылаетъ, по ночамъ, своего деньщика, поляка же Евтихія Сувчинскаго (вышедшаго впослѣдствіи въ люди), разбрасывать около лежащихъ верблюдовъ отравленныя хлѣбныя пилюли... Это тяжкое обвиненіе, по нашему глубокому убѣжденію, едва-ли справедливо. Генерала Ціолковскаго можно было обвинять въ другихъ преступленіяхъ, не менѣе, пожалуй, серьезныхъ, но только не въ отравленіи верблюдовъ: управляя, напримѣръ, Башкирами, онъ сильно притѣснялъ ихъ и наживался на ихъ счетъ, вызывая противу себя постоянный ропотъ и жалобы этихъ полудикихъ и довольно терпѣ-

ливыхъ людей; незадолго до похода, онъ пріобрѣлъ, за безцѣнокъ, у тѣхъ же Башкиръ прекрасный участокъ земли, гдѣ и устроился помѣщикомъ; теперь, во время похода, онъ умышленно изнурялъ людей своего отряда, доводя ихъ, прямо, до повальной смертности; при тѣлесныхъ наказаніяхъ, онъ часто наказывалъ солдатъ такъ жестоко, что они обыкновенно долго хворали въ походномъ лазаретѣ послѣ наказанія; онъ особенно мучилъ и истязалъ заслуженныхъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ, имѣвшихъ извѣстный серебряный крестъ за взятіе Варшавы; когда началась гибель отряда, то генералъ Ціолковскій былъ единственнымъ человѣкомъ, не умѣвшимъ или не желавшимъ скрыть своего злорадства... Но обвинять этого ужаснаго человѣка въ отравленіи верблюдовъ, это, пожалуй, возможно было тогда, 60 лѣтъ назадъ, при той всеобщей ненависти, какую питали къ Ціолковскому въ отрядѣ, но не теперь, когда забытъ и этотъ несчастный походъ, и когда почти всѣ его участники спятъ непробуднымъ сномъ въ могилахъ.

Генералъ Ціолковскій отлично, повидимому, зналъ о той ненависти, какую питаютъ къ нему солдаты всего отряда вообще, а его колонны въ особенности. Съ наступленіемъ сумерокъ, онъ почти никогда не выходилъ изъ своей кибитки, а если и случалось, то въ сопровожденіи ординарца и вѣстоваго: онъ, видимо, боялся нападенія; кибитку его всю ночь сторо-

жили двое часовыхъ, изъ числа лично ему извѣстныхъ и имъ избираемыхъ солдатъ. Онъ особенно сталъ остороженъ послѣ одной безчеловѣчной расправы, учиненной имъ подъ самою уже Эмбою, надъ заслуженнымъ фельдфебелемъ Есыревымъ. Дѣло это (какъ изложено оно въ имѣющихся у меня отрывочныхъ запискахъ Г. Н. Зеленина) происходило такъ. Однажды, въ половинѣ Декабря, когда отрядъ былъ уже подъ Эмбою, въ 6 часовъ утра, въ полной еще темнотѣ, генералъ-маіоръ Ціолковскій обходилъ свою колонну въ сопровожденіи своего адъютанта и ординарца. Вьючка верблюдовъ, начавшаяся, какъ и всегда, съ двухъ часовъ, почти уже кончалась, и всѣ кибитки и джуламейки были затючены (упакованы въ тюки); лишь одна чья-то незатюченная джуламейка стояла въ сторонѣ... Едва увидѣлъ ее генералъ Ціолковскій, какъ громко закричалъ:

— Чья это джуламейка? Какого быдла (скота)?!.

Оказалось, что неубранная джуламейка принадлежала фельдфебелю Есыреву, который самъ находился при навьючкѣ верблюдовъ, въ аріергардѣ, чтобы присматривать тамъ за порядкомъ и торопить дѣло навьючиванія съ такимъ разсчетомъ, дабы, по заведенному начальникомъ колонны порядку, выступить съ ночлега въ 6 часовъ. Но Есырева задержало въ аріергардѣ что-то неожиданное, а находящійся при немъ вѣстовой не распорядился почему-то убирать джуламейку безъ хозяина; и вотъ, желая успѣть въ

одномъ мѣстѣ и избавиться отъ наказанія за опозданіе при выступленіи, Есыревъ проштрафился въ другомъ... Ціолковскій приказалъ немедленно найти виновнаго и привести его предъ свои очи.

— Какъ ты смѣлъ оставить свою джуламейку не навьюченною, когда, давнымъ-давно, навьючена даже моя?! — накинулся начальникъ колонны на несчастнаго фельдфебеля, едва тотъ появился предъ нимъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство! Я не виноватъ: я находился въ аріергардѣ, при навьючкѣ тюковъ... сегодня въ ночь пало шесть верблюдовъ; надо было разобрать тюки и...

— Ты еще смѣешь разсуждать, каналья! Не исполнять моихъ приказаній и оправдываться!.. Нагаекъ!!.—съ пѣной у рта, тряся нижнею челюстью, закричалъ Ціолковскій...

Тотчасъ явились казаки, раздѣли заслуженнаго, отбывшаго нѣсколько кампаній фельдфебеля Есырева почти до-нага, несмотря на 35-ти-градусный морозъ, оставивъ его, буквально, въ одной рубашкѣ, положили на шинель, взяди за руки и за ноги, и началось истязаніе... Генералъ Ціолковскій закурилъ сигару и сталъ ходить взадъ и впередъ... Когда два рослыхъ Оренбургскихъ казака, хлеставшіе несчастнаго съ обѣихъ сторонъ толстыми, лошадиными нагайками, видимо измучились, то «человѣкъ-звѣрь» приказалъ смѣнить ихъ новыми палачами по-неводѣ... Вся рубашка Есырева была исполосована въ клочья,

взмокла и побагровѣла отъ крови, а его все еще хлестали... Стала отлетать на снѣгъ, мелкими кусками, кожа несчастнаго мученика, а его продолжали истязать... Наконецъ, несмотря на свое крѣпкое, почти атлетическое тѣлосложеніе, Есыревъ совсѣмъ пересталъ даже вздрагивать тѣломъ и кричать, а сталъ лишь медленно зѣвать, какъ зѣваютъ иногда умирающіе... Взглядъ его большихъ голубыхъ глазъ совсѣмъ потухъ, и они какъ бы выкатились изъ орбитъ... Прогуливаясь вблизи казни, чтобы, стоя на мѣстѣ, не озябнуть, Ціолковскій случайно взглянулъ въ это время на Есырева—и приказалъ прекратить наказаніе. Несчастнаго, едва дышащаго фельдфебеля, прикрыли снятою съ него, ранѣе, одеждой и отнесли замертво въ походный лазаретъ, на той шинели, на которой онъ лежалъ во время истязанія... По запискамъ подполковника Зеленина, Есыреву было дано болѣе 250 нагаекъ; между тѣмъ, какъ за самыя тяжкія уголовныя преступленія (напр., за отцеубійство) суровые законы того времени присуждали виновныхъ лишь къ 101 удару кнутомъ. Фельдфебель Степанъ Есыревъ поступилъ въ службу изъ мѣщанъ города Углича, служилъ, затѣмъ, въ войскахъ, расположенныхъ въ Царствѣ Польскомъ, участвовалъ въ штурмѣ Варшавы и былъ произведенъ за это въ унтеръ-офицеры; при укомплектованіи, передъ Хивинскимъ походомъ, Оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ, Есыревъ, въ числѣ лучшихъ унтеръ-офицеровъ, былъ

переведенъ въ 5-й линейный баталіонъ, расположенный въ г. Верхнеуральскѣ и тамъ назначенъ фельдфебелемъ; «ростомъ былъ очень высокій, бравый и дородный мужъ» (по запискамъ Г. Н. Зеленина).

Ко всеобщему изумленію, фельдфебель Есыревъ остался живъ; онъ пролежалъ лишь болѣе шести недѣль въ лазаретѣ. На его счастье, отрядъ былъ, въ это время, въ нѣсколькихъ всего переходахъ отъ Эмбенскаго укрѣпленія; по прибытіи туда, несчастнаго положили въ настоящій уже лазаретъ, въ теплыя комнаты, и тамъ, благодаря хорошему уходу и всеобщей заботливости о немъ, а главное, благодаря своему атлетическому тѣлосложенію, Есыревъ избѣжалъ смерти, отдѣлавшись лишь утратою, навсегда, своего богатырскаго здоровья.

Послѣ страшнаго наказанія Есырева, ропотъ въ отрядѣ вообще, а въ колоннѣ Ціолковскаго въ особенности, настолько усилился, что сталъ громкимъ и почти открытымъ; солдаты, не скрываясь, говорили: «первая пуля ему», т. е. въ первомъ дѣлѣ съ непріятелемъ Ціолковскій долженъ быть застрѣленъ, какъ бы во время сраженія... Когда узналъ обо всемъ этомъ генералъ Перовскій, то рѣшилъ, наконецъ, смѣстить этого варвара, и начальникомъ 1-й колонны былъ назначенъ полковникъ Гекке, состоявшій чиновникомъ особыхъ порученій въ походномъ штабѣ Перовскаго.

VI.

Положеніе въ отрядѣ военныхъ топографовъ.—Ночныя страданія отъ морозовъ.—Практическій совѣтъ Киргиза.—Появленіе скорбута.—Въ солдатской джуламейкѣ.—Какъ раздавали нижнимъ чинамъ спиртъ и топливо.—Прибытіе отряда на Эмбу.—Устройство понтонныхъ мостовъ на сухомъ пути

Для предполагавшихся военно-топографическихъ съемокъ мѣстности по дорогѣ въ Хиву и самой Хивы, въ отрядѣ, въ каждой изъ четырехъ колоннъ, находились топографы, подъ командою особо назначенныхъ офицеровъ генеральнаго штаба, подъ общимъ начальствомъ капитана генеральнаго же штаба Рейхенберга. На каждаго офицера и двухъ топографовъ унтеръ-офицерскаго званія полагалась особая джуламейка, деньщикъ, 2 верблюда съ особымъ при нихъ Киргизомъ и 2 лошади; а такъ какъ Киргизъ ничего, кромѣ верблюдовъ, не хотѣлъ знать, а деньщикъ зналъ лишь своего барина, то на долю молодыхъ людей, поступившихъ въ топографы по большей части изъ дворянскихъ дѣтей Оренбургской губерніи (чтобы избѣжать службы въ линейныхъ баталіонахъ), выпадали не только обычные труды по ихъ спеціальному дѣлу, но и тяжелые физическія—по уборкѣ джуламейки, разведенію огня, и проч.; а чтобы убрать джуламейку или поставить ее, необходимо снять или поднять вверхъ главную кошму, а эта работа была подъ силу лишь четыремъ взрослымъ человѣкамъ, а не тѣмъ юнке-

рамъ, почти дѣтямъ, на которыхъ выпадало это занятіе. Спеціальные же труды топографовъ, во все время этого неудачнаго похода, ограничились выборомъ мѣстъ для ночлеговъ, затѣмъ разстановкою *жалонеровъ и указаніемъ каждой отдѣльной части ея* мѣста въ каре. Офицеры, обыкновенно, выбирали лишь мѣсто для ночлега колонны; разстановка же жалонеровъ и распредѣленіе отдѣльныхъ частей по ихъ мѣстамъ—все это лежало на обязанностяхъ молодыхъ людей, такъ что по приходѣ колонны на мѣсто, имъ надо было работать еще болѣе часа, пока, наконецъ, всѣ части и верблюды, перепутавшіеся походомъ, займутъ свои мѣста. При этомъ, всѣ недовольные своими мѣстами, т. е. попавшіе подъ вѣтеръ, вымещали, обыкновенно, свое зло на молодыхъ топографахъ, ругая ихъ, прямо въ глаза, неприличными словами; особенною грубостью въ этихъ случаяхъ выдавались казачьи офицеры, мало отличавшіеся, по своему образованію, отъ простыхъ казаковъ.

Этими трудами и ограничились всѣ занятія ученыхъ *топографовъ въ экспедиціонномъ отрядѣ*, такъ какъ съемокъ дѣлать имъ не пришлось: мѣстность до Эмбы и до Акъ-Булака была, какъ сказано выше, изслѣдована еще лѣтомъ, полковникомъ Гекке, а дальше Акъ-Булака или Чушка-Куля, отряду не суждено было двинуться...

Въ находящихся у меня запискахъ Г. Н. Зеленина, имѣвшаго въ то время всего 19 лѣтъ, страда-

нія молодыхъ топографовъ изложены такъ правдиво и естественно, что я позволю себѣ здѣсь нѣсколько остановиться.

Разставивъ колонну на ночлегъ, измучившись и наслушавшись вдоволь ругательствъ и оскорбленій, молодые люди приходили, наконецъ, къ своей джуламейкѣ и принимались за устройство для себя ночлега, такъ какъ ихъ начальникъ и компаніонъ по джуламейкѣ, офицеръ, уходилъ, обыкновенно, на вечеръ ночевать къ кому-нибудь изъ знакомыхъ офицеровъ, у которыхъ давно уже раскинута была кибитка. Топографы разгребали прежде всего снѣгъ и кое-какъ ставили джуламейку. Складныхъ желѣзныхъ кроватей, заведенныхъ для похода, по настоянію генерала Перовскаго, рѣшительно всѣми офицерами *), у молодыхъ людей не было, и имъ приходилось спать прямо на снѣгу, подостлавъ лишь подъ себя кошмы, спать не раздѣваясь, во всей той одеждѣ и обуви, въ которыхъ они шли походомъ, днемъ; у нихъ даже «силы не хватало, чтобы очистить снѣгъ до земли, потому что изнемогали отъ усталости, а снѣгу было нанесено много». Кое-какъ кипятили воду и устроивали чай; затѣмъ, спѣшили улечься на отдыхъ, накрываясь сверху сакасчьимъ тулупомъ. Но морозъ

*) Предполагалось, конечно, быть въ Хивѣ и возвращаться изъ нея лѣтомъ, когда въ степи имѣются скорпіоны и тарантулы, гораздо легче могущіе укусить людей, спящихъ на полу, чѣмъ на кроватяхъ.

бралъ свое, и ноги, обутыя въ теплые чулки, кошемныя (войлочныя) валенки и, затѣмъ, въ кожаные сапоги для удобства ходьбы дорогою, все-таки зябли ночью такъ сильно, особенно въ морозы болѣе 30°, что приходилось вскакивать съ постели и бѣгать вокругъ джуламейки, чтобы разогрѣть ихъ; это нужно было продѣлывать въ продолженіе ночи нѣсколько разъ. То же самое дѣлали и остальные топографы и всѣ офицеры, такъ что ко многимъ другимъ лишеніямъ и страданіямъ похода прибавлялась еще и безсонница. Иногда, въ джуламейку молодыхъ топографовъ приходилъ ночевать деньщикъ начальствовавшаго надъ ними офицера и Киргизъ, приставленный къ ихъ верблюдамъ. Молодыхъ людей сильно удивляло то обстоятельство, что Киргизъ спитъ мертвымъ сномъ всю ночь и ни разу не вскочитъ погрѣться, хотя спитъ въ однихъ суконныхъ онучахъ и одѣтъ, вообще, менѣе тепло, чѣмъ они. Рѣшили спросить объ этомъ Киргиза. Тотъ разсмѣялся, да и говоритъ:

— У васъ всегда будутъ ноги зябнуть. .

— Да почему же это?—сталъ спрашивать Георгій Николаевичъ.

— Вотъ почему,—отвѣчалъ Киргизъ.—Если вы не будете снимать съ ногъ, на ночь, кожаные сапоги, то вамъ не будетъ тепло: сапоги ваши днемъ, во время похода, промерзаютъ насквозь, отъ нихъ и ногамъ холодно; а вы оставайтесь на ночь въ однихъ войлочныхъ сапогахъ, будете спать крѣпко и спокойно.

Въ слѣдующую же ночь топографы исполнили совѣтъ Киргиза, сняли кожаные сапоги, а ноги, обутыя въ кошемные, мягкіе сапоги окутали шубой и крѣпко проспали всю ночь, и ноги у нихъ не озябли. О своемъ открытіи молодые люди сообщили Рейхенбергу, и тотъ сталъ дѣлать то же самое.

Болѣе всѣхъ страдали ночью отъ кожаной обуви солдаты, которымъ воспрещалось разуваться въ предположеніи тревоги: намучившись отъ ходьбы по снѣговой пустынѣ, солдаты засыпали крѣпкимъ сномъ, а на утро оказывалось, что у нихъ были озноблены ноги... Начинался скорбутъ, появлялись на ногахъ раны, а затѣмъ ноги сводило, и въ концѣ-концовъ, отъ изнуренія, постояннаго холода и нахожденія въ лазаретномъ сквозномъ фургонѣ, больные умирали... Большая часть солдатъ сводnаго дивизіона Уфимскаго полка погибли именно такимъ образомъ. «Только Всевышній Создатель, располагающій жизнью человѣка, не допустилъ насъ до погибели! Вѣроятно, отцы и матери наши усердно молились въ это время за наше спасеніе!..» говоритъ Георгій Николаевичъ Зеленинъ въ томъ мѣстѣ своихъ записокъ, гдѣ приводятся бѣдствія отряда отъ стужи, во время ночлеговъ.

Бѣлья солдаты не мѣняли вовсе; и вотъ, если имъ удавалось достать гдѣ-нибудь хоть немножко топлива, то огонь обыкновенно разводили въ серединѣ джуламейки. Обсядутъ солдаты, на корточкахъ, вокругъ

огня, и когда онъ разгорится, то начинаютъ одинъ по одному снимать съ себя сорочки и держать ихъ передъ пыломъ, поворачивая во всѣ стороны; когда огонь порядочно нагрѣетъ рубашку, то ее слегка потряхиваютъ, и въ это время въ костеръ сыплятся насѣкомые, производя весьма своеобразный трескъ и запахъ... А въ это же время, на огнѣ стоятъ солдатскіе котелки, манерки, а у кого и чайники, и снѣгъ превращается въ горячую воду, въ которой размачиваются куски закоруздыхъ и затхлыхъ черныхъ сухарей, замѣняющихъ иногда и обѣдъ, и ужинъ.

А вотъ, напримѣръ, какъ раздавали солдатамъ отряда порціи «спирту». Когда фельдфебель получитъ его на роту, то сначала отнесетъ его къ ротному командиру, который отольетъ себѣ часть цѣльнаго спирта и подѣлится имъ съ субалтернъ-офицерами; затѣмъ, фельдфебель приказываетъ принести этотъ спиртъ въ свою джуламейку, отдѣлитъ часть себѣ, а также и всѣмъ капральнымъ унтеръ-офицерамъ; потомъ уже позоветъ артельщика, тотъ разбавитъ оставшееся количество спирта теплою водою и эту смѣсь выдаютъ каждому солдату «по чаркѣ».

Точно также дѣлилось и топливо, добываемое за Бишъ-Тамакомъ исключительно солдатскими руками, изъ мерзлой земли. Вырытые коренья степныхъ травъ попадали, какъ и спиртъ, сначала къ начальству, а затѣмъ уже въ джуламейки солдатиковъ. Когда въ воскресные и праздничные дни раздавали на роты

мясо и приказывали солдатамъ готовить себѣ горячую пищу, то котелъ не могъ вскипѣть болѣе одного, много двухъ разъ; мясо не уваривалось, и въ такомъ полусыромъ видѣ поглощалось солдатскими желудками... Появилась дизентерія... заболѣвающіе отправлялись въ ледяные фургоны, а оттуда въ землю.

Вотъ такимъ-то порядкомъ, въ декабрѣ 1839 г., шелъ несчастный отрядъ русскихъ войскъ по безконечной степи, въ тридцати-градусные морозы, среди леденящихъ бурановъ, по колѣно въ снѣгу, безъ теплой одежды и горячей пищи, оставляя за собою роковой страшный слѣдъ—въ видѣ невысокихъ снѣговыхъ холмовъ-могилъ надъ умершими людьми и круглыхъ горокъ нанесеннаго метелями снѣга надъ павшими верблюдами!..

19-го декабря отрядъ достигъ, наконецъ, Эмбенскаго укрѣпленія, употребивъ на этотъ переходъ (отъ Оренбурга до Эмбы) 34 дня. Между тѣмъ разсчитывали, что это пространство, около 500 верстъ, будетъ пройдено не болѣе, какъ дней въ 15-ть!

Какой страдальческій и, по истинѣ, героическій былъ этотъ переходъ, можно судить уже по одному тому, что изъ всѣхъ 34-хъ дней похода до Эмбы было лишь 15-ть безъ бурановъ и только 13 дней, когда морозъ былъ ниже 20°. Обиліе же снѣга было такъ велико, что положительно всѣ овраги, даже са-

мые глубокіе, были занесены имъ до верху, такъ что приходилось употреблять самыя невѣроятныя усилія, чтобы перевести черезъ такіе овраги тысячи верблюдовъ и лошадей съ ихъ вьюками и колесными фурами... А чтобы переправлять черезъ эти снѣговыя бездны пушки, приходилось накладывать поверхъ снѣга понтонные мосты и по нимъ уже перевозить орудія...

VII.

Положеніе генерала В. А. Перовскаго во время похода.—Дѣйствія Хивинскаго хана Алла-Кула и высланный имъ двухъ-тысячный отрядъ Туркменъ-Іомудовъ.—Неудачная атака Хивинцами Чушка-Кульскаго укрѣпленія.—Убійство нашего почтальона-Киргиза.—Гибель Хивинцевъ отъ морозовъ и бурановъ.—Отдыхъ отряда въ Эмбенскомъ укрѣпленіи.—Отчаяніе главноначальствующаго.—Разговоръ солдатъ, спасшій генерала Перовскаго.—Двѣ партіи въ отрядѣ.—Приказъ о сформированіи особой колонны и о выступленіи на Чушка-Куль.—Прибытіе на Эмбу султана Айчувакова.

Страдали въ отрядѣ всѣ, конечно. Но былъ въ немъ одинъ человѣкъ, страданія котораго были гораздо болѣе мучительны: это былъ главный начальникъ всей экспедиціи генералъ-адъютантъ В. А. Перовскій... Онъ хорошо зналъ и понималъ, что вся неудача похода ляжетъ на него одного; что не любившій его военный министръ поставитъ ему на видъ и на счетъ все: и гибель людей, и потраченныя на походъ крупныя суммы денегъ, и ту потерю послѣдняго вліянія нашего въ Хивѣ, которое могло суще-

ствовать *до* этого несчастнаго предпріятія... Были и другія опасенія и мысли, увеличивавшія страданія Перовскаго: онъ помнилъ, что взялъ экспедицію предъ Государемъ на свою личную отвѣтственность... Нечего и говорить, конечно, что его могло мучить и оскорбленное самолюбіе, и то злорадство, которое онъ сталъ уже замѣчать здѣсь, въ степи, со стороны, напримѣръ, генерала Ціолковскаго, выражавшагося въ кругу своихъ приближенныхъ прямо словами басни, что синица-де моря не зажгла...

До похода на Хиву, губернаторъ Перовскій прослужилъ въ Оренбургѣ шесть лѣтъ, и за это время его успѣли узнать близко и хорошо. Всѣ увидѣли, что подъ наружною суровостью и холоднымъ, какъ бы отталкивающимъ взглядомъ таилась добрая душа человѣка, не утратившаго еще вѣру въ людей, способнаго любить ихъ и довѣрять имъ. Имѣя обширныя полномочія и права командира отдѣльнаго корпуса въ военное время, В. А. Перовскій крайне неохотно предавалъ суду служащихъ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ чиновниковъ, и положительно отказывался утверждать смертные приговоры, къ которымъ присуждали иногда солдатъ полевые военные суды *).

*) Исключеніемъ было лишь одно дѣло—объ убійствѣ тремя нижними чинами, съ цѣлью ограбленія, коменданта Орской крѣпости полковника Недоброва; всѣ трое убійцъ были приговорены полевымъ военнымъ судомъ къ смертной казни; Перов-

Изъ Оренбурга генералъ-адъютантъ Перовскій выѣхалъ въ походъ при 4-й колоннѣ, верхомъ. Всѣ полагали тогда, что онъ пересядетъ вскорѣ же въ свой экипажъ, слѣдовавшій за колонною. Но вышло иначе. Отъ самаго Оренбурга вплоть до Эмбы, на разстояніи 500 верстъ, главноначальствующій ѣхалъ верхомъ, выступая съ колонною одновременно, когда начинало разсвѣтать, и слѣзая съ коня лишь тогда, когда останавливалась и колонна на привалахъ и ночлегахъ. Въ утреннемъ полусвѣтѣ часто видѣли генерала верхомъ на бѣлой, а иногда на сѣрой лошади, ѣдущаго позади колонны, шагомъ, съ опущенною, по привычкѣ, головою на грудь... Въ 11 часовъ, ежедневно, генералъ Перовскій начиналъ объѣзжать всѣ колонны, здороваясь, на походѣ, съ людьми и оглядывая ихъ; въ этихъ объѣздахъ его сопровождалъ лишь одинъ казакъ. Линія отряда, состоявшая изъ 4-хъ колоннъ, растягивалась, обыкновенно, на 8 и болѣе верстъ; тѣмъ не менѣе, несмотря ни на какую погоду и морозъ, главноначальствующій объѣзжалъ всю эту линію два раза—отъ 4-й колонны до 1-й и обратно. Часто, ночью, главноначальствующій самъ повѣрялъ исправность цѣпи и бдительность часовыхъ, особенно съ того времени, когда узнали, что въ степи рекогносцируетъ двухъ-

---

скій утвердилъ этотъ приговоръ, и виновные были разстрѣляны. одинъ въ Оренбургѣ, другой въ Орскѣ и третій въ Верхнеуральскѣ

тысячный конный отрядъ Хивинцевъ. Однажды, въ ночь подъ 22 Декабря, на Эмбѣ, генералъ едва не былъ заколотъ часовымъ: ему какъ-то удалось, въ одиночку, проѣхать за цѣпь, обманувъ бдительность часового въ одномъ мѣстѣ; но когда онъ возвращался обратно, былъ замѣченъ и желалъ проѣхать чрезъ цѣпь насильно, то часовой, послѣ троекратнаго приказанія «стой!» взмахнулъ уже штыкомъ, и только во время произнесенный пароль спасъ Перовскаго отъ новой раны. Когда начались бѣдствія отряда и стали, затѣмъ, прогрессивно увеличиваться, генералъ-адъютантъ Перовскій сталъ рѣже и рѣже объѣзжать колонны; его красивая голова стала, какъ казалось всѣмъ, опускаться все ниже и ниже, а взглядъ становился еще болѣе суровымъ и строгимъ... Такимъ образомъ, не слѣзая съ коня, доѣхалъ главный начальникъ экспедиціи до Эмбы; но затѣмъ, въ дальнѣйшемъ походѣ отряда, его никто не видѣлъ на лошади: онъ ѣхалъ въ зимнемъ возкѣ, видимо сталъ избѣгать встрѣчъ съ людьми и всячески старался быть незамѣченнымъ...

Когда отрядъ пришелъ въ Эмбенское укрѣпленіе, то здѣсь узнали, что Хивинскій ханъ Алла-Кулъ, освѣдомившись отъ своихъ подданныхъ, занимавшихся торговлею въ Оренбургѣ, что Русскіе собираются идти на Хиву и выстроили уже для этой цѣли, по

дорогѣ на Усть-Уртъ, два укрѣпленія, отобралъ болѣе двухъ тысячъ испытанныхъ и крѣпкихъ джигитовъ (батырей) изъ племени Туркменъ-Іомудовъ, и велѣлъ имъ ѣхать на самыхъ лучшихъ лошадяхъ, а грузнымъ всадникамъ о-двуконь, безъ всякихъ запасовъ, даже безъ джуламеекъ, ѣхать быстро и не останавливаясь, стараясь достигнуть какъ можно скорѣе до русскихъ укрѣпленій, пока не подошелъ къ нимъ главный отрядъ, идущій съ Перовскимъ изъ Оренбурга; взять, пользуясь малочисленностью гарнизоновъ, оба укрѣпленія (Чушка-Кульское и Эмбенское), перебить всѣхъ русскихъ до послѣдняго человѣка, а ихъ отрѣзанныя головы, въ видѣ трофеевъ, выслать въ Хиву; затѣмъ, идти на встрѣчу главному отряду, слѣдовать по его пятамъ, безпокоя людей днемъ и ночью и, если можно, сдѣлать на него, въ самую темную и бурную ночь, отчаяннѣйшее нападеніе въ рукопашную. Начальствовать этимъ отборнымъ отрядомъ вызвался самъ Кушь-Беги (военный министръ), который пообѣщалъ хану привести въ Хиву людей обоихъ гарнизоновъ (изъ Чушка-Куля и Эмбы) живьемъ, для смертныхъ казней въ самой Хивѣ.

Хивинцы могли исполнить только начало этого грознаго приказа. Они быстро добрались до перваго, стоявшаго на ихъ пути, Чушка-Кульскаго укрѣпленія. 18-го декабря напали на него, но были самымъ позорнымъ образомъ отбиты и прогнаны, потерявъ болѣе десяти человѣкъ убитыми, трупы которыхъ

такъ и лежали подъ укрѣпленіемъ на снѣгу всю зиму. Въ укрѣпленіи, въ это время, было на лицо: здоровыхъ 130 человѣкъ и больныхъ 164 человѣка, которые тоже взялись кое-какъ за оружіе. Команду принялъ на себя горный инженеръ Ковалевскій, случайно попавшій за три дня передъ этимъ въ Чушка-Куль и оказавшійся старшимъ въ чинѣ; помощникомъ его былъ поручикъ Гернгросъ. Хивинцы дѣлали четыре отчаянныя атаки и были отбиты единственно при помощи пушекъ: громъ выстрѣловъ и свистящая картечь производили въ ихъ рядахъ паническій страхъ, котораго они не могли преодолѣть, несмотря на всю свою храбрость. Ружей они не особенно боялись, такъ какъ имѣли и свои фитильныя, стрѣлявшія съ подставокъ, которыя, однако, попадали иногда довольно далеко и мѣтко. Отбитые отъ Чушка-Куля, Хивинцы направились на Эмбенское укрѣпленіе. По дорогѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Акъ-Булака, они встрѣтили нашего Киргиза, ѣхавшаго съ почтой изъ Эмбы въ Чушка-Куль; на этомъ несчастномъ своемъ единовѣрцѣ разбойники и выместили всю злобу: обыскавъ его, они нашли пакеты съ печатями... улика, слѣдовательно, была на лицо... Узнано было впослѣдствіи, отъ нашихъ плѣнныхъ, возвращенныхъ изъ Хивы и потомъ въ самой Хивѣ *), что Киргиза этого Хивинцы подвергли са-

*) Въ 1842 году было отправлено изъ Оренбурга въ Хиву особаго рода посольство съ полковникомъ Данилевскимъ во

мымъ ужаснымъ истязаніямъ и мукамъ и, въ концѣ, разрубили его пополамъ, поперекъ живота, и поставили въ снѣгъ съ двухъ сторонъ степной тропы, такъ что ноги съ половиною живота стояли и замерзли въ снѣгу особо, а верхняя часть туловища вкопана въ снѣгъ отдѣльно; ротъ несчастнаго былъ набитъ мелкими кусочками изорванныхъ бумагъ везенной почты и сургучными печатями отъ конвертовъ...

Эта конная партія Хивинцевъ имѣла съ нашими войсками, позже, еще одно дѣло, о которомъ будетъ говорено ниже; теперь же слѣдуетъ сказать, что домой въ Хиву, въ свои аулы, изъ этихъ двухъ тысячъ отборныхъ всадниковъ вернулось лишь 700 съ чѣмъ-то человѣкъ: всѣ остальные погибли въ степи, между Чушка-Кулемъ и Эмбенскимъ укрѣпленіемъ и на Усть-Уртѣ отъ страшныхъ въ ту зиму морозовъ и частыхъ бурановъ; гибли, также, отъ изнуренія, вслѣдствіе отсутствія пищи, а главное потому, что не взяли съ собою джуламеекъ, могущихъ защитить ихъ, хотя отчасти, отъ морозовъ и степныхъ мятелей: ханъ такъ торопилъ ихъ выступленіемъ и маршемъ, что не позволилъ взять даже верблюдовъ, на

главѣ; и вотъ тогда-то, живя цѣлое лѣто въ Хивѣ, наши офицеры и узнали приводимыя въ настоящей статьѣ подробности о событіяхъ 1839 года, поскольку эти событія касались Хивинцевъ и неудачныхъ дѣйствій ихъ двухъ-тысячнаго коннаго отряда. Обо всемъ этомъ разсказывалъ офицерамъ нѣкто Сергѣй-Ага, бывшій фейерверкеръ, дезертиръ съ Кавказа, очень любимый ханомъ.

которыхъ можно бы было навьючить эти джуламейки. Необыкновенная суровость зимы 1839—40 года сохранилась въ памяти у Хивинцевъ надолго: Сергѣй-Ага разсказывалъ, въ 1842 году, нашимъ офицерамъ, что въ Хивинскихъ оазисахъ померзли въ ту зиму корни виноградныхъ лозъ, а въ самой Хивѣ погибли рѣшительно всѣ молодые телята и ягнята и даже часть новорожденныхъ верблюжатъ.

Эмбенское укрѣпленіе, куда пришелъ 19-го декабря несчастный экспедиціонный отрядъ, было построено на правой сторонѣ рѣчки Аты-Якши, не вдалекѣ отъ ея впаденія въ Эмбу; кругомъ, на далекое разстояніе была плоская равнина. И вотъ, на этой-то равнинѣ, вблизи самаго укрѣпленія, и расположились въ раскинутыхъ джуламейкахъ всѣ четыре колонны. Больныхъ изъ всѣхъ колоннъ тотчасъ же положили въ Эмбенскій госпиталь, устроенный въ теплыхъ и хорошо освѣщаемыхъ землянкахъ изъ воздушнаго кирпича *), и они стали понемногу поправляться. Гарнизонъ жилъ тоже въ хорошо устроенныхъ землянкахъ, освѣщаемыхъ сверху, гдѣ горизонтально, наравнѣ почти съ крышею, лежали оконныя рамы. Въ такихъ точно землянкахъ помѣща-

*) Изъ такого воздушнаго кирпича (смѣсь глины, земли и навоза) строятся иногда въ Оренбургской губерніи, за неимѣніемъ лѣса, крестьянскія избы.

лись въ укрѣпленіи солдатскія кухни и хлѣбопекарни; пришедшіе солдаты, съ особымъ удовольствіемъ, лакомились теперь печенымъ чернымъ хлѣбомъ, котораго не пробовали болѣе мѣсяца... Всѣ нижніе чины всѣхъ четырехъ колоннъ ходили, чередуясь, обѣдать и ужинать на кухни, въ теплыя землянки, и тутъ два раза въ день вполнѣ отогрѣвались. Уцѣлѣвшія лошади и верблюды тоже вздохнули здѣсь свободно; такъ какъ сѣна и овса заготовлено было здѣсь въ достаточномъ количествѣ, то лошадямъ стали отпускать по 4 гарнца овса въ день и по 10 фунтовъ сѣна; верблюдамъ, тоже, давали сѣна и бурьяну вдоволь, и они, какъ и лошади же, стали отдыхать и поправляться. Отрядъ простоялъ, такимъ образомъ, въ Эмбенскомъ укрѣпленіи болѣе двухъ недѣль, отдыхая и собираясь съ силами для дальнѣйшаго похода—впередъ или назадъ, все равно: всѣ сознавали лишь одно, что, не будь на дорогѣ этого теплаго укрѣпленія съ его теплыми землянками, печенымъ хлѣбомъ и горячею пищей, погибъ бы въ этихъ снѣговыхъ пустыняхъ весь отрядъ, до послѣдняго человѣка...

Но главнокомандующій отрядомъ, генералъ-адъютантъ Перовскій созналъ уже и въ душѣ рѣшилъ, что экспедиція не достигнетъ намѣченной ею цѣли, что она закончена; что идти впередъ и разсчитывать взять Хиву съ ничтожнымъ остаткомъ отряда немыслимо, что можно лишь и должно идти назадъ...

Къ этому тяжелому рѣшенію генералъ Перовскій пришелъ окончательно вслѣдствіе сдѣланной, по приходѣ уже на Эмбу, рекогносцировки въ сторону Чушка-Кульскаго укрѣпленія. Предполагалось, что чѣмъ дальше къ Югу, тѣмъ снѣгу будетъ меньше; между тѣмъ оказалось, что снѣгъ въ сторону Чушка-Куля былъ также глубокъ, какъ и на пройденномъ пространствѣ. Это извѣстіе поразило, какъ громомъ, весь отрядъ и болѣе всего, конечно, опечалило генерала Перовскаго: онъ вдругъ сильно затосковалъ, осунулся и исхудалъ въ какіе-нибудь два-три дня до неузнаваемости, совсѣмъ пересталъ выходить изъ своей кибитки и не принималъ рѣшительно никого, кромѣ штабсъ-капитана Никифорова... Въ душѣ генералъ-адъютантъ Перовскій сознавалъ, конечно, что онъ—главный виновникъ того факта, что экспедиція состоялась; что въ гибели нѣсколькихъ тысячъ людей виноватъ все-таки онъ, творецъ экспедиціи и главный руководитель всего этого несчастнаго похода... Онъ это сознавалъ—и вслѣдствіе этого страшно мучился и страдалъ нравственно... Болѣе всего Перовскаго мучила мысль, что этотъ неудачный походъ и его имя станутъ предметомъ насмѣшекъ всей Европы, что походъ «осрамилъ Россію», что отрядъ деморализованъ, что офицеры и солдаты упали духомъ, что всѣ его проклинаютъ и ненавидятъ... И вотъ, какъ только ему въ голову попали эти несчастныя мысли, въ душѣ его созрѣло какое-то роковое рѣшеніе: онъ,

подъ разными предлогами, пересталъ принимать пищу...

Но промыселъ Божій и тутъ пришелъ на помощь къ изнеможенному духомъ человѣку—въ лицѣ легендарнаго чудо богатыря, Русскаго солдата. Однажды, поздно вечеромъ, выйдя изъ своей кибитки и проходя джуламейками 4-й колонны, онъ услышалъ въ одной изъ нихъ разговоръ о настоящемъ положеніи отряда и свое имя... Перовскій невольно остановился и сталъ прислушиваться... Говорилъ кто-то поучительнымъ, докторальнымъ тономъ: очевидно, ундеръ или, быть можетъ, самъ капралъ...

— Все это не бѣда! (говорилъ голосъ): морозы стали полегче, бурановъ совсѣмъ нѣтъ... кашица горячая есть. А вотъ, плохо: самъ-то онъ, орелъ-то нашъ черноокій, захирѣлъ... вотъ это, братцы, такъ бѣда!..

— Мы, вчерась, узнавали потихоньку (отвѣчалъ, въ полголоса, другой солдатикъ): отъ пищи, сказываютъ, отсталъ—ни ѣстъ, ни-пьетъ ничего и никого до себя не допущаетъ...

— Да-а-а, вотъ это бѣда!.. повторилъ опять первый солдатъ, упавшимъ голосомъ, и громко вздохнулъ при этомъ:—Коли *самъ* помретъ, пропадутъ тогда и наши головушки!..

Генералъ Перовскій, какъ онъ самъ передавалъ объ этомъ въ тотъ же вечеръ штабсъ-капитану Никифорову, набожно перекрестился три раза, и бодрый,

веселый, быстро направился въ свою кибитку... Здѣсь онъ тотчасъ же послалъ за Никифоровымъ... Когда тотъ пришелъ, генералъ сталъ подробно разспрашивать его о положеніи отряда, а главное, о нравственномъ духѣ офицеровъ и солдатъ. Штабсъ-капитанъ Никифоровъ не скрылъ ничего и откровенно доложилъ главноначальствующему, что въ отрядѣ, среди офицеровъ, образовались, собственно, двѣ партіи: одна, во главѣ которой стоитъ генералъ-маіоръ Ціолковскій, доказываетъ необходимость немедленнаго отступленія и срытія укрѣпленій; другая же партія, съ генералъ-маіоромъ Молоствовымъ, напротивъ, указываетъ на то, что отрядъ прошелъ всего лишь одну треть пути, что возвратиться обратно въ Оренбургъ, ни съ чѣмъ, не изслѣдовавъ даже Усть-Урта— «*дѣло будетъ постыдное для русскаго человѣка*» и останется неизгладимымъ пятномъ въ исторіи походовъ русскихъ войскъ... «*что нужно испытать все до послѣдней крайности, и если окажется, что идти дальше невозможно, тогда только возвратиться обратно*»...

Генералъ Перовскій крѣпко поцѣловалъ Никифорова и передалъ ему разговоръ солдатъ въ джуламейкѣ 4-й колонны. Затѣмъ, въ тотъ же вечеръ, былъ составленъ и отданъ по отряду приказъ о сформированіи «отдѣльной колонны», которая должна была отправиться къ Чушка-Кульскому укрѣпленію,

за 170 верстъ, и, дойдя туда, выслать отъ себя особую рекогносцировочную партію для выбора и изслѣдованія болѣе удобнаго подъема на Усть-Уртъ—и, затѣмъ, ожидать въ укрѣпленіи прибытія главноначальствующаго и дальнѣйшихъ, сообразно обстоятельствамъ, распоряженій.

На другой день весь отрядъ встрепенулся и зашевелился, и загудѣлъ, словно сильный рой пчелъ, согрѣтый лучами весенняго теплаго солнца... Честь отряда была спасена; всѣ бѣдствія похода забыты разомъ!..

Къ вечеру того же дня «явился въ отрядъ на поклонъ» родоначальникъ киргизовъ Назаровцевъ, султанъ Айчуваковъ, съ сотней Кайсаковъ, при нѣсколькихъ стахъ верблюдахъ, которые и были у него тутъ же наняты.

VIII.

Загадочная болѣзнь генерала Молоствова —Обострившіяся отношенія генераловъ Перовскаго и Цюлковскаго.—Отказъ Киргизовъ-верблюдовожатыхъ слѣдовать съ отрядомъ.—Разстрѣляніе трехъ Киргизовъ —Недобрыя вѣсти изъ Чушка-Кульскаго укрѣпленія.—Отправка туда роты и сотни казаковъ. — Нападеніе двухъ тысячъ конныхъ Хивинцевъ.—Барабанщикъ, спасшій отрядъ.—Бой съ Хивинцами.—Отбитіе атакъ.—Отступленіе Хивинцевъ.—Сожженіе нашего плѣннаго солдата.—Награды.

Въ то время, когда формированіе «отдѣльной колонны» *) подвигалось уже къ концу и опредѣленъ

*) Здѣсь слѣдуетъ оговориться, въ виду довольно крупнаго

былъ день ея выступленія, заболѣлъ, совершенно неожиданно и безпричинно, генералъ-маіоръ Молоствовъ, назначенный начальникомъ этой колонны. Въ отрядѣ стали ходить весьма странные слухи о причинахъ внезапной болѣзни очень любимаго солдатами генерала... къ его болѣзни стали примѣшивать имя генералъ-маіора Ціолковскаго. Но этому тяжкому обвиненію вѣрили лишь немногіе, и оно всего болѣе создано было, повидимому, тою ненавистью, которую питали въ отрядѣ къ этому ужасному человѣку. Извѣстно было лишь одно, что генералъ Молоствовъ заболѣлъ тотчасъ же, какъ только вернулся въ свою кибитку отъ генерала Ціолковскаго, у котораго онъ пилъ кофе.

Отношенія главноначальствующаго къ генералъ-маіору Ціолковскому были, въ это время, крайне обострены: уволенный за звѣрское обращеніе съ нижними чинами отъ должности начальника 1-й колонны, Ціолковскій, понятно, питалъ въ душѣ большую злобу противъ генерала Перовскаго; а этотъ, въ свою очередь,

---

разнорѣчія, при опредѣленіи числа колоннъ, вышедшихъ изъ Эмбенскаго укрѣпленія къ Чушка-Кулю. Въ однихъ офиціальныхъ сообщеніяхъ упоминается *о нѣсколькихъ* колоннахъ, въ другихъ говорится лишь *о двухъ* колоннахъ (генерала Ціолковскаго и полковника Гекке), въ запискахъ же у меня имѣющихся и въ частныхъ письмахъ говорится лишь *объ одной* колоннѣ, и это послѣднее сообщеніе является, повидимому, болѣе вѣроятнымъ и правдоподобнымъ, такъ какъ, разъ мысль идти на Хиву была оставлена, то не было слѣдовательно и надобности высылать изъ Эмбы къ Чушка Кулю, для изслѣдованія подъема на Усть-Уртъ, *нѣсколько* отрядовъ.

узнать отъ штабсъ-капитана Никифорова — какую «партію» сформировалъ вокругъ себя въ отрядѣ опальный генералъ, давшій совѣтъ идти въ Хиву зимою, не могъ, конечно, чувствовать къ нему за все это особой пріязни... Но случилось, однако, такъ, что, когда заболѣлъ Молоствовъ, старшимъ въ отрядѣ, послѣ генералъ-адъютанта Перовскаго, очутился генералъ-маіоръ Ціолковскій, такъ какъ генералъ-лейтенантъ Толмачевъ заболѣлъ еще раньше и ѣхалъ въ возкѣ, отъ самаго урочища Бишъ-Тамакъ, не владѣя простуженными ногами. Согласно принятымъ правиламъ, Ціолковскаго никакъ нельзя было обойти, тѣмъ болѣе теперь, когда, вслѣдствіе неудачъ, главноначальствующій сознавалъ, что его престижъ въ Петербургѣ поколебленъ... И вотъ, скрѣпя сердце и подавляя свое личное неудовольствіе, Перовскій, приказомъ по отряду отъ 9-го января 1840 г., назначилъ начальникомъ «отдѣльной колонны» Ціолковскаго.

Второе непріятное обстоятельство случилось въ отрядѣ 31-го декабря, всего за день до выступленія отдѣльной колонны изъ Эмбенскаго укрѣпленія къ Чушка-Кулю. Ночью, нѣсколько десятковъ Киргизовъ, которые должны были идти съ этою колонною, сговорились и ушли тихонько изъ отряда въ степь, въ свои аулы, вмѣстѣ съ принадлежащими имъ верблюдами. Когда доложено было объ этомъ происшествіи главноначальствующему, онъ велѣлъ собрать

ближайшаго къ нему ослушника... Киргизъ пошелъ безъ всякаго сопротивленія: онъ лишь простился, по-киргизски, съ товарищами. Его поставили къ столбу и на-скоро привязали... Офицеръ скомандовалъ «пли!»—и Киргизъ былъ разстрѣлянъ. Живо разрѣзали веревки, и онъ упалъ въ яму...

— Слѣдующаго!—крикнулъ Перовскій.

Повторилась та же исторія съ другимъ Киргизомъ... Едва онъ кувырнулся въ яму, какъ генералъ крикнулъ вновь:

— Слѣдующаго!..

Разстрѣляли и третьяго Киргиза... Едва спустили его въ яму и стрѣлки зарядили вновь ружья, какъ вся тысячная масса Киргизовъ упала на колѣни и закричала: — Алла! Алла!!. Пойдемъ, бачка, пойдемъ!

Они, оказалось послѣ, были вполнѣ увѣрены, что генералъ Перовскій не имѣетъ права ихъ разстрѣлять и не можетъ этого сдѣлать; оттого у нихъ и была такая самоувѣренность и рѣшимость уйти и бросить отрядъ.

Генералъ Перовскій, прекративъ экзекуцію, приказалъ сказать имъ, что если кто-нибудь изъ нихъ осмѣлится уйти изъ отряда самовольно, ночью, то будетъ настигнутъ и разстрѣленъ; а если даже и удастся ему избѣжать погони, то будетъ, все равно, разысканъ въ аулѣ и казненъ въ Оренбургѣ, по возвращеніи отряда изъ похода.

Эта угроза и видъ трехъ разстрѣленныхъ товарищей такъ напугали Киргизовъ, что ни одинъ изъ нихъ впослѣдствіи не рѣшился самовольно бросить отрядъ—и всѣ дошли съ нимъ до Оренбурга. Тѣмъ не менѣе, въ виду крупной убыли верблюдовъ, было тогда же послано въ Оренбургъ распоряженіе немедленно нанять или купить у Киргизовъ нѣсколько сотъ свѣжихъ верблюдовъ, которыхъ тотчасъ же и доставить въ Эмбенское укрѣпленіе.

Пока шли эти окончательные сборы «отдѣльной колонны», задерживаемой въ Эмбенскомъ укрѣпленіи такими случайными обстоятельствами, какъ внезапная болѣзнь генерала Молоствова и открытое неповиновеніе верблюдовожатыхъ Киргизовъ, на Эмбу, изъ Чушка-Куля, прибылъ второй нарочный и привезъ печальное извѣстіе, что тамъ, послѣ благополучнаго отбитія приступа Хивинцевъ, пришлось, все-таки, во избѣжаніе внезапнаго вторичнаго штурма, усилить сторожевую и форпостную службу, въ особенности ночью,—и, благодаря этому обстоятельству, а также и отъ дурной воды озера, близъ котораго возведено было Чушка-Кульское укрѣпленіе, тамъ появилась такая масса больныхъ дизентеріей, скорбутомъ и цынгою, что ихъ положительно некуда было помѣщать... Тотчасъ же, по распоряженію главноначальствующаго, была снаряжена рота пѣхоты численностью въ 140 человѣкъ, на саняхъ, запряженныхъ верблюдами, съ сотнею казаковъ, изъ

коихъ только 40 были верхами, подъ начальствомъ ротнаго командира поручика Ерофеева, которому поручено было идти въ Чушка-Куль какъ можно скорѣе, забрать оттуда всѣхъ больныхъ и привезти ихъ на Эмбу. Къ отряду прибавлено было еще 230 верблюдовъ съ овсомъ, сухарями, крупою и прочими запасами.

Отрядъ этотъ, идя форсированнымъ маршемъ, прошелъ почти уже весь путь благополучно; но однажды, около полудня, всего въ 20-ти верстахъ отъ Акъ-Булака, его застигъ страшнѣйшій буранъ, свойственный лишь здѣшнимъ необозримымъ степямъ, когда, среди бѣлаго дня, не видно бываетъ свѣту Божьяго... Идти въ такую непроглядную метель не было никакой возможности и отрядикъ рѣшилъ остановиться не надолго, чтобы переждать вьюгу. Мѣста, конечно, не выбирали для остановки—какъ это дѣлалось въ обыкновенное время, когда намѣчается мѣсто болѣе или менѣе безопасное отъ внезапнаго нападенія,—а гдѣ застигъ буранъ, тутъ и задумали остановиться. При этомъ не принимали еще и никакихъ мѣръ предосторожности: не выставили передовыхъ постовъ, не заняли находившуюся вблизи возвышенность, даже ружья у казаковъ находились въ чахлахъ, а у солдатъ были затюкованы въ возахъ, и каждый заботился лишь объ одномъ: какъ бы укрыться отъ вьюги и потеплѣе устроиться, что, однако, было не легко, такъ какъ отрядъ этотъ, въ виду спѣшности дѣла и небольшого

разстоянія, которое предстояло пройти—всего 170 верстъ—не взялъ съ собою джуламеекъ.

И вотъ, едва только поуспокоились въ отрядѣ и прикурнули, какъ съ лѣвой стороны, изъ-за пригорка, выскакала громадная конная партія Хивинцевъ и съ дикимъ гиканьемъ и крикомъ «алла» бросились на отрядъ. Передніе всадники были вооружены пиками, остальные шашками, и лишь у очень немногихъ виднѣлись за спинами длинные карабины, изъ которыхъ Хивинцы стрѣляютъ не иначе, какъ установивъ ихъ на особыя подставки.

Къ великому счастью для атакованныхъ, число которыхъ вмѣстѣ съ офицерами было не болѣе 250 человѣкъ, на самомъ краю бивуака, обращеннаго къ пригорку, находился ротный барабанщикъ, который, увидѣвъ несущихся Туркменъ, живо выхватилъ свои палки и ударилъ тревогу. Эта находчивость не растерявшагося молодца-барабанщика и спасла маленькій отрядъ отъ неминуемой гибели и смерти: едва только лошади Хивинцевъ подскакивали къ отряду, какъ, заслышавъ трескъ невѣдомаго имъ дотолѣ инструмента, быстро, на всемъ скаку, сворачивали въ бокъ, или же взвивались отъ страха на дыбы, сбрасывая съ себя всадниковъ... Все это произошло въ какія-нибудь двѣ, много три минуты... А тѣмъ временемъ, казаки опомнились, выхватили изъ чахловъ ружья и дали залпъ, а пѣхота живо достала ихъ изъ тюковъ и стала заряжать... Хивинцы круто повернули своихъ

Когда дымъ отъ выстрѣловъ разсѣялся, то увидѣли, что на снѣгу лежатъ нѣсколько Хивинцевъ и барахтаются раненыя лошади, а всѣ уцѣлѣвшіе всадники мчатся назадъ, на бугоръ... Тамъ они остановились и начали о чемъ-то толковать между собою; при этомъ такъ громко спорили и кричали, что въ нашемъ отрядѣ хорошо слышенъ былъ ихъ крикъ... Наконецъ, крики стихли, Хивинцы раздѣлились на двѣ части и стали обскакивать отрядъ съ двухъ сторонъ, расчитывая, что наши солдаты, разбившись пополамъ, не въ силахъ будутъ противустоять двумъ коннымъ отрядамъ, по тысячѣ человѣкъ въ каждомъ, атакующимъ одновременно... Но и тутъ Хивинцы ошиблись въ своихъ расчетахъ: каре защищалось со всѣхъ четырехъ сторонъ, а солдаты и казаки стрѣляли очень ловко и мѣтко, укладывая ружья, по прежнему, на тюки и на кули съ продовольствіемъ... Эта третья атака была столь же неудачна, Хивинцы поплатились за свою дерзость еще болѣе: на снѣгу лежало ихъ около тридцати человѣкъ, и еще болѣе было убитыхъ и раненыхъ лошадей; а многія лошади, очевидно, раненыя же, носились по степи однѣ, безъ всадниковъ...

Вновь вся эта туча безпорядочной конницы взъѣхала на возвышенность, вновь поднялся страшнѣйшій крикъ и шумъ... Наконецъ, Хивинцы пришли должно быть къ такому выводу: всѣ ихъ атаки не удались потому, что онѣ были конныя, что лошади пугаются

выстрѣловъ и страшнаго барабанщика; а если, напротивъ, атака будетъ пѣшая, то она удастся навѣрняка, такъ какъ численность атакующихъ почти въ десять разъ болѣе нашего отряда. Для этой цѣли половина отряда спѣшилась и отдала своихъ коней другой половинѣ всадниковъ; а чтобы защитить себя отъ мѣткихъ русскихъ пуль, спѣшенные Хивинцы тихо погнали передъ собой только что отбитыхъ у насъ верблюдовъ, а за ними подвигались и сами. Изъ оставшагося же коннаго отряда, выдѣлилась партія человѣкъ въ двѣсти, съ пиками въ рукахъ, разсчитывая нагонять и прикалывать разбитаго и затѣмъ бѣгущаго непріятеля—т. е. нашихъ солдатиковъ...

Эту атакующую колонну отрядъ рискнулъ подпустить къ каре, какъ пѣшую, ближе, чѣмъ предыдущія двѣ атаки, и когда Хивинцы были не болѣе какъ въ двухъ-стахъ шагахъ, по нимъ открытъ былъ убійственный батальный огонь всѣмъ отрядомъ, такъ что стрѣляли даже и офицеры... Въ отрядѣ, ободрившемся вслѣдствіе только-что отбитыхъ двухъ атакъ, явилась уже крѣпкая увѣренность въ своей силѣ и такая смѣлость, что на счетъ нападавшихъ Туркменъ сыпались, со стороны солдатъ, шутки и остроты...

Когда батальный огонь не много перервался вслѣдствіе заряженія ружей, то глазамъ атакованнымъ предетавилась такая картина: штукъ двадцать верблюдовъ лежали въ снѣгу убитыми или издыхающими, а остальные, будучи ранены, разбѣжались во всѣ

стороны.. Положеніе Хивинцевъ на этотъ разъ явилось несравненно худшимъ, чѣмъ въ первыя атаки: они очутились къ отряду гораздо ближе и, вдобавокъ, пѣшіе... Раздался залпъ, и Хивинцы дрогнули и побѣжали... а такъ какъ бѣжали они плотною, тысячною толпою, въ безпорядочно-сомкнутомъ строѣ, то посылаемыя имъ въ догонку пули производили порядочное опустошеніе... Съ громкими воплями понеслась, наконецъ, эта куча людей, насколько можно было быстро, стараясь убѣжать изъ-подъ выстрѣловъ и укрыться за пригорокъ...

А въ русскомъ маленькомъ отрядѣ, въ это время, поручикъ Ерофеевъ скомандовалъ: «на молитву!» Всѣ обнажили головы и принесли горячее благодареніе Богу за избавленіе отъ лютой смерти...

Время подходило къ вечеру, и вскорѣ наступили сумерки. Хивинцы совсѣмъ скрылись за возвышенностью, и не было видно ни одного изъ нихъ. Тогда часть отряда осталась на флангахъ каре, для наблюденія за непріятелемъ, а остальные принялись за варку пищи. Наконецъ, совсѣмъ стемнѣло. Внутри каре ярко пылали костры, а у огней расположились солдаты и казаки; всѣ хлопотали о горячемъ ужинѣ, шелъ громкій и веселый говоръ о только-что прекратившемся боѣ... Вдругъ, со стороны непріятеля раздался выстрѣлъ, за нимъ другой, третій и четвертый... И только одинъ не попалъ въ цѣль: остальными тремя выстрѣлами былъ убитъ одинъ казакъ на повалъ, а

двое тяжело ранены... Поручикъ Ерофеевъ, прежде всего, приказалъ затушить всѣ огни, что и было немедленно исполнено: костры живо закидали снѣгомъ... Затѣмъ стали обдумывать и соображать — откуда могли быть эти выстрѣлы?.. Ночь была хотя не свѣтлая, но безъ тучъ и звѣздная; стали всматриваться въ окружающую мѣстность, и вотъ, въ полутьмѣ, зоркій глазъ одного казачьяго урядника замѣтилъ, шагахъ не болѣе во ста отъ каре, что снѣгъ въ одномъ мѣстѣ былъ взрытъ кругомъ и что изъ него устроено было нѣчто въ родѣ бруствера, за которымъ, несомнѣнно, и скрывались Хивинцы, стрѣлявшіе на огонь въ людей, хорошо освѣщаемыхъ кострами; отъ того-то и выстрѣлы ихъ были такъ удачны. Поручикъ Ерофеевъ вызвалъ охотниковъ, желающихъ выбить Хивинцевъ изъ ихъ засады; сейчасъ же явилось десять человѣкъ солдатъ и одинъ унт.-офицеръ, которые, моментально, и бросились на завалъ, такъ что Туркменскіе стрѣлки, ничего подобнаго не ожидавшіе, обмерли отъ изумленія и страха, когда наши молодцы, съ крикомъ «ура», вскочили на ихъ импровизованный снѣжный брустверъ... Нѣсколько Хивинцевъ бросились на утекъ, трехъ солдаты тутъ же закололи, а четвертаго захватили живьемъ и привели въ отрядъ; поручикъ Ерофеевъ хотѣлъ оставить его «для языка», т. е. допросить обо всемъ, что ему могло быть извѣстно; но подбѣжавшіе казаки, товарищи убитаго ихъ станичника, такъ разсвирѣпѣли,

что тутъ же, на глазахъ у всѣхъ, приняли плѣннаго Туркмена въ шашки и въ нѣсколько секундъ изрубили его...

Наступившая, затѣмъ, ночь прошла для отряда въ крайне тревожномъ состояніи, такъ что никто не могъ сомкнуть глазъ: всѣ, ежеминутно, ожидали нападенія, зная, что азіаты любятъ дѣлать атаки ночью, когда, въ потьмахъ, не можетъ быть правильной по нимъ стрѣльбы. Вздохнули свободно лишь тогда, какъ стало разсвѣтать; тогда увидѣли, что Хивинцы сѣли на коней, постояли немного въ виду отряда и, затѣмъ, спустились съ возвышенности и скрылись за нею вовсе; они не рѣшились даже подобрать трехъ своихъ товарищей, заколотыхъ съ вечера, на снѣговомъ завалѣ, а также и тѣхъ убитыхъ, которые пали во время атакъ. Въ недоумѣніи, отрядъ простоялъ такъ, ничего не предпринимая, часа два... Наконецъ, приказано было всѣмъ казакамъ сѣсть на коней и въѣхать на пригорокъ, чтобы посмотрѣть, по какому направленію поѣхали Хивинцы? не на Эмбу-ли?.. Оказалось, что они пошли обходнымъ движеніемъ, на Хиву... Болѣе этотъ конный отрядъ Туркменъ-Іомудъ не имѣлъ уже нигдѣ и никакихъ стычекъ съ нашими войсками, и всѣ ихъ дѣйствія, слѣдовательно, ограничились лишь неудачной атакой Чушка-Кульскаго укрѣпленія и столь же неудачнымъ нападеніемъ на отрядъ поручика Ерофеева. О послѣдующей судьбѣ этого Хивинскаго воинства было ска-

зано выше: третья лишь часть ихъ вернулась на родину; остальные погибли отъ голода и морозовъ... Нашего плѣннаго солдата эти звѣри, какъ оказалось при осмотрѣ оставленной ими стоянки, сожгли, на медленномъ огнѣ, живого... Всего отрядъ нашъ потерялъ убитыми 5 человѣкъ и ранеными 13.

Отрядъ поручика Ерофеева пошелъ въ тотъ же день дальше, къ цѣли своего назначенія и вскорѣ наткнулся на разрубленнаго пополамъ и врытаго въ снѣгъ Киргиза, везшаго почту въ Чушка-Куль и выѣхавшаго изъ Эмбы всего двумя днями ранѣе, чѣмъ отрядъ Ерофеева. Это былъ подвигъ отступившаго Хивинскаго отряда...

Поручикъ Ерофеевъ вызвалъ послѣ боя двухъ охотниковъ-казаковъ на сытыхъ и быстрыхъ лошадяхъ, чтобы отправить къ генералу Перовскому на Эмбу подробное донесеніе о только что происшедшемъ славномъ для насъ дѣлѣ, а также и предупредить генерала на тотъ случай, если Хивинцы измѣнятъ направленіе и пойдутъ на Эмбу. Посланные казаки добрались до укрѣпленія благополучно и передали донесеніе. Главноначальствующій остался чрезвычайно доволенъ этимъ, по истинѣ блестящимъ дѣломъ, въ которомъ на одного Русскаго солдата приходилось десять Хивинцевъ. Онъ собственноручно навѣсилъ смѣлымъ вѣстовщикамъ по Георгіевскому кресту; тотъ же солдатскій «Егорій» онъ далъ молодцу барабанщику и всѣмъ одиннадцати охотни-

камъ, участвовавшимъ въ ночной вылазкѣ, а унтеръ-офицера представилъ еще и къ чину прапорщика. Поручикъ Ерофеевъ получилъ Владиміра 4-й степени съ бантомъ (тогда мечей на крестахъ еще не было) и былъ, кромѣ того, представленъ къ слѣдующему чину. Эти представленія къ чинамъ на Высочайшее имя были не болѣе какъ особою деликатностью или, скорѣе, скромностью со стороны генералъ-адъютанта Перовскаго: ему, по должности командира отдѣльнаго корпуса и по званію главноначальствующаго экспедиціоннымъ отрядомъ, были Высочайше предоставлены всѣ права и прерогативы главнокомандующаго, такъ что онъ могъ собственною властью награждать отличившихся чинами, до маіора включительно. Но генералъ Перовскій въ зимній походъ 1839 г. ни разу не воспользовался этимъ правомъ жаловать чины — по той причинѣ, что отрядъ не вступилъ въ Хивинскіе предѣлы и никакихъ собственно серьезныхъ сраженій съ войсками хана Алла-Кула не было.

IX.

Выступленіе изъ Эмбы отдѣльной колонны.—Первое донесеніе о походѣ въ Петербургъ. — Трудности новаго пути на Чушка-Куль.— Начавшаяся смертность верблюдовъ. — Польская слѣсь Цолковскаго и его новыя жестокости -Бѣдствія офицеровъ въ колоннѣ.—Дороговизна у маркитанта Зайчикова — Какъ онъ нажился и чѣмъ занимался до похода.

Спустя нѣсколько дней по выступленіи изъ Эмбы маленькаго отряда поручика Ерофеева, выступила

въ походъ и «отдѣльная колонна» подъ начальствомъ генералъ-маіора Ціолковскаго, въ составѣ двухъ линейныхъ баталіоновъ и одного полка казаковъ при 4 тысячахъ верблюдовъ и нѣсколькихъ орудіяхъ. Весь остальной отрядъ съ генералъ-адъютантомъ Перовскимъ остался въ Эмбенскомъ укрѣпленіи. Отсюда, проводивъ колонну и успокоившись немного духомъ, главноначальствующій поручилъ штабсъ-капитану Никифорову составить подробное донесеніе въ Петербургъ о происшедшихъ событіяхъ. Въ томъ же донесеніи излагалась и программа будущихъ дѣйствій экспедиціоннаго отряда. По словамъ генерала Перовскаго, посланная имъ отдѣльная колонна, дойдя до Чушка-Куля и выбравъ подъемъ на Усть-Уртъ, должна была немедленно дать знать объ этомъ въ Эмбенское укрѣпленіе, откуда, достаточно уже отдохнувъ и оправившись отъ болѣзней, выступятъ къ Чушка-Кулю всѣ, оставшіяся въ живыхъ, наличныя силы отряда и, соединившись тамъ съ первою колонной и находившимся ранѣе гарнизономъ, двинутся однимъ общимъ отрядомъ далѣе на Хиву. Въ случаѣ же неудачи, т. е. при неудобствѣ, по случаю зимы, подъема на Усть-Уртъ, или при наличности на самомъ Усть-Уртѣ такого же глубокаго снѣга, всѣ должны были возвратиться обратно на Эмбу, провести тутъ остатокъ зимы, пополнить людьми изъ Оренбурга составъ отряда, возобновить всѣ продовольственные запасы, нанять новыхъ верблюдовъ и,

раннею весною, идти все-таки въ Хиву. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ...

Выступленіе отдѣльной колонны изъ Эмбенскаго укрѣпленія совершилось въ большомъ безпорядкѣ или, вѣрнѣе, въ томъ «порядкѣ», какой существовалъ въ первой колоннѣ генералъ-маіора Ціолковскаго во все время отъ Оренбурга до Эмбы. Люди, измученные съ вечера разными приготовленіями и походными сборами, не успѣли, какъ слѣдуетъ, выспаться; подняли ихъ ночью въ 2 часа, а въ 5, т. е. въ совершенной темнотѣ, колонна выступала уже изъ укрѣпленія... Такіе ночные марши очень хороши лѣтомъ; а тутъ они дали печальные результаты. Въ первый день колонна могла пройти всего 9 верстъ: не выспавшіеся люди и верблюды, пройдя въ потьмахъ, до разсвѣта, по глубокому снѣгу болѣе двухъ часовъ, измучились преждевременно, такъ что въ 12 часовъ дня колонна не могла уже идти далѣе и должна была остановиться... Снѣгъ за Эмбою оказался еще глубже, а его ледяная кора отъ морозовъ, бывшихъ постоянно болѣе 20°, еще толще... На первомъ же переходѣ, послѣ пройденныхъ лишь 9 верстъ, пришлось оставить 10 верблюдовъ... Снѣгъ, покрытый ледяною корой, не выдерживалъ верблюдовъ, и они ежеминутно скользили или падали; а потому, для протоптанія дороги, посланъ былъ впередъ казачій полкъ раздѣленный на ряды; но чрезъ нѣсколько часовъ, переднія лошади стали сбивать себѣ щиколотки до крови,

и ихъ пришлось замѣнять задними лошадьми; за ними, растянувшись «нитками» же, шли верблюды, и такимъ порядкомъ подвигалась эта колонна впередъ... Вскорѣ отъ безкормицы верблюды до того обезсилѣли, что если случалось какой-нибудь изъ нихъ не попадалъ ногою въ лошадиную тропу, то проваливался въ снѣгъ и тотчасъ же падалъ; и поднять его на ноги не было уже никакой возможности, такъ что этотъ верблюдъ бросался совсѣмъ на произволъ судьбы: шедшіе въ аріергардѣ на раненыхъ лошадяхъ казаки развьючивали такого верблюда, а продовольственные запасы разбирали—какъ они дѣлали это и во время похода до Эмбы—по своимъ саквамъ... Затѣмъ, несчастные верблюды стали падать все болѣе и болѣе, такъ что оставались на мѣстахъ ночлеговъ цѣлыми десятками... Вновь заговорили въ колоннѣ объ отравленіи верблюдовъ, по ночамъ, деньщикомъ генерала Ціолковскаго Сувчинскимъ...

Это тяжкое обвиненіе порождалось всего болѣе самимъ же начальникомъ колонны, т. е. тѣми неправильными отношеніями, въ которыя онъ поставилъ себя, на первыхъ же дняхъ похода, къ офицерамъ и солдатамъ. На первомъ же переходѣ генералъ Ціолковскій приказалъ измѣнить даже внѣшній порядокъ разстановки джуламеекъ: свою кибитку онъ приказалъ ставить не только выше всѣхъ прочихъ кибитокъ, но много выше бывшей кибитки Перовскаго, въ самомъ центрѣ каре, съ длиннымъ флагштокомъ,

на которомъ укрѣплялся особый значекъ съ Польскими національными цвѣтами и гербомъ. Рядомъ съ его кибиткой поставили-было походную кибитку оберъ-квартирмейстера, но Ціолковскій приказалъ поставить ее позади, а взамѣнъ ея — походную кибитку-буфетъ, въ которую и приглашалъ, изрѣдка, штабъ-офицеровъ... Словомъ, польская спѣсь и тутъ выступила наружу при первомъ же удобномъ случаѣ.

Затѣмъ, Ціолковскій установилъ такую систему шпіонства въ колоннѣ, что офицеры могли говорить откровенно между собою развѣ только шепотомъ... Должность оберъ-шпіона занялъ унтеръ-офицеръ изъ ссыльныхъ поляковъ Антоній Завадзкій, уроженецъ Виленской губерніи, называвшій себя «юнкеромъ» и вкравшійся въ полное довѣріе офицеровъ. Этотъ Завадзкій, равно какъ и 17 человѣкъ другихъ поляковъ, состоявшихъ въ колоннѣ большею частью въ унтеръ-офицерскомъ же званіи *), были постоянными гостями генерала Ціолковскаго, обѣдали у него, ужинали, пили чай; иногда, въ видѣ особой милости, генералъ приглашалъ къ себѣ на обѣдъ кого-нибудь изъ штабныхъ офицеровъ, или штабъ-офицеровъ, командировъ баталіоновъ, которые и попадали, такимъ образомъ, въ довольно своеобразное общество,

*) Всѣ эти господа, произведенные въ унтеръ-офицеры Ціолковскимъ, попали въ Оренбургскіе линейные баталіоны послѣ мятежа 1831 года, изъ Польскихъ войскъ, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ состояли офицерами—и затѣмъ были разжалованы и разосланы частію на Кавказъ, частію въ Оренбургъ.

говорившее, къ тому же, исключительно на польскомъ языкѣ. Генералъ Ціолковскій, боявшійся, ранѣе, злого языка прямодушнаго штабсъ-капитана Никифорова, теперь уже не стѣснялся никѣмъ и ничѣмъ: онъ позволялъ себѣ на этихъ обѣдахъ открыто порицать дѣйствія главноначальствующаго, обвиняя генералъ-адъютанта Перовскаго «въ необдуманности похода»; онъ прямо высказывалъ мысль, что генералъ Перовскій не нынче-завтра долженъ-де быть уволенъ и отозванъ въ Петербургъ и что, по всей вѣроятности, онъ самъ догадается вернуться изъ Эмбенскаго укрѣпленія обратно въ Оренбургъ... что онъ, генералъ Ціолковскій, въ качествѣ старшаго генерала въ отрядѣ, долженъ будетъ принять главную команду — и постарается тогда взять Хиву... При этомъ, онъ не разъ успокоивалъ обѣдавшихъ съ нимъ поляковъ унтеръ-офицеровъ, что всѣ они, за походъ, будутъ непремѣнно произведены въ офицеры. Такъ какъ эти и многія другія рѣчи начальника колонны сильно отдавали обычною польскою болѣзнью, политическимъ хвастовствомъ, то приглашаемые штабные стали, подъ разными предлогами, уклоняться отъ званыхъ обѣдовъ въ штабной кибиткѣ; затѣмъ, перестали ихъ приглашать и самъ генералъ Ціолковскій.

Къ солдатамъ начальникъ колонны поставилъ себя въ отношенія еще болѣе худшія: точно онъ мстилъ имъ за то, что они, нѣсколько недѣль назадъ, когда онъ былъ уволенъ отъ должности начальника 1-й ко-

лонны, открыто радовались его увольненію. И вотъ, теперь, на остановкахъ отряда, передъ обѣденною порою, когда люди приходили измученные и обезсиленные, генералъ Ціолковскій садился на лошадь (ѣхалъ онъ дорогою въ возкѣ) и спокойно начиналъ объѣздъ колонны. Его сопровождали при этомъ нѣсколько казаковъ, верхами же, съ нагайками. Рѣдкій день обходился безъ того, чтобы наказано было, и притомъ жестоко, менѣе 25-ти человѣкъ, а иногда число наказанныхъ доходило до 50 человѣкъ; достаточно было малѣйшаго повода (ружье, не поставленное въ козлы, а прислоненное къ тюку, оторванная на шинели пуговица, лошадь не въ путахъ, поставленная косо джуламейка, и т. под.), чтобы началось истязаніе несчастныхъ солдатъ... Казаковъ генералъ наказывалъ рѣже, солдатъ изъ поляковъ, т. е. простыхъ, рядовыхъ солдатъ, никогда. Оканчивались эти истязанія, обыкновенно, въ кибиткѣ-буфетѣ, гдѣ генералъ, послѣ каждаго обѣда, наказывалъ своего крѣпостнаго повара, который впослѣдствіи, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, жестоко отомстилъ своему мучителю.

Офицеры этой колонны бѣдствовали такъ же сильно, какъ и во время марша до Эмбы. Большинство строевыхъ офицеровъ въ Оренбургскихъ линейныхъ баталіонахъ были люди очень небогатые, жившіе тѣмъ скромнымъ жалованьемъ, которое они получали. Въ

тѣ годы не было ни «столовыхъ», ни «добавочныхъ», ни «наградныхъ», а было лишь одно жалованье, получаемое по третямъ, то-есть три раза въ годъ: прапорщикъ, напр., получалъ 18 р. съ копѣйками въ мѣсяцъ, капитанъ не много болѣе 35-ти... На такое-то жалованье надо было существовать въ безлюдной, снѣжной пустынѣ, продовольствуясь всѣмъ у маркитанта и платя за все самыя невѣроятныя цѣны. Маркитантомъ отряда былъ купецъ Михаилъ Зайчиковъ *), и вотъ какія бралъ онъ съ офицеровъ деньги: фунтъ баранокъ, стоившій въ Оренбургѣ три копѣйки, Зайчиковъ продавалъ по 50 коп., четвертка Жукова табаку, вмѣсто 15 к., продавалась по рублю; бутылка водки стоила рубль и 1 р. 50 коп. ассигнаціями, а въ городѣ она стоила тогда 35 коп. асс. или 10 к. на серебро. Когда офицеры окончательно истратились, то Зайчиковъ, съ разрѣшенія генералъ-адъютанта

*) Этотъ самый купецъ Зайчиковъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, былъ судимъ въ Оренбургской Уголовной Палатѣ за продажу русскихъ мужчинъ и женщинъ въ неволю въ Хиву. Дѣлалось это такъ: Зайчиковъ имѣлъ въ разныхъ мѣстностяхъ Оренбургскаго края и нынѣшней Уральской области нѣсколько тысячъ десятинъ земли и занимался хлѣбопашествомъ. Во время жнитва, приказчики Зайчикова, каждый разъ все разные, ѣздили въ Бузулукскій и Николаевскій уѣзды Самарской губерніи и по окраинамъ Оренбургскаго уѣзда и нанимали людей, давая имъ хорошія цѣны и выдавая крупные задатки; затѣмъ, людей этихъ заставляли жать хлѣбъ, укладывая на ночь спать въ отдѣльные сараи. Въ одну изъ ночей Киргизы, по заранѣе условленному плану, окружали со всѣхъ сторонъ сарай, связывали плѣннымъ руки и гнали ихъ передъ собою, какъ скотъ, въ Хиву, для продажи... Приказчики утохра оказывались, тоже, связанными

Перовскаго, которымъ онъ заручился еще на Эмбѣ, сталъ отпускать всѣ припасы для офицеровъ въ кредитъ, и такимъ образомъ, пріобрѣлъ, за время похода, большія деньги, да еще былъ награжденъ, потомъ, золотою медалью на шею, съ надписью «за усердіе»...

X.

Неожиданное прибытіе Перовскаго и принятіе начальства надъ колонною.—Прекращеніе жестокостей и польскихъ сходбищъ.—Окончательная гибель верблюдовъ.—Всеобщее уныніе.—Прибытіе въ Чушка-Куль.—Празднованіе „побѣды“ у Хивинцевъ.

На восьмой день похода отдѣльной колонны, рано утромъ, аріергардные казаки увидѣли, что по дорогѣ изъ Эмбенскаго укрѣпленія, по направленію къ отряду, быстро подвигается какая-то длинная черная полоска... Одинъ изъ казаковъ поскакалъ впередъ, нагналъ от-

---

по рукамъ и ногамъ, и все дѣло сваливали на хищниковъ-Киргизовъ. По рѣшенію палаты, купецъ Зайчиковъ и его главный приказчикъ Филатовъ были приговорены къ каторжнымъ работамъ; главными обвинителями выступили противу нихъ многіе изъ плѣнныхъ, вернувшихся лѣтомъ 1840 г. изъ Хивы въ Оренбургъ. Затѣмъ, Зайчиковъ, слѣдуя въ Сибирь, обмѣнялся именемъ съ обыкновеннымъ ссыльнымъ, приговореннымъ лишь на житье въ Сибирь, на извѣстное количество лѣтъ и, отживъ этотъ срокъ, вернулся, подъ своимъ уже новымъ именемъ, Дѣева, въ Оренбургъ... Совѣсть не давала ему покоя: онъ выстроилъ храмъ, богадѣльню и занялся вообще дѣлами благотворительности... Но это не спасло его ни отъ народной ненависти при жизни, ни отъ всеобщихъ проклятій послѣ смерти. *О богатствѣ* этого Зайчикова, такъ неправедно нажитомъ, ходятъ въ Оренбургѣ и понынѣ легенды.

рядъ и доложилъ объ этой полоскѣ начальнику колонны генералъ-маіору Ціолковскому, сладко спавшему въ это время въ своемъ дорожномъ возкѣ... Тотъ въ началѣ разсердился было, но потомъ приказалъ остановить колонну, вышелъ изъ возка и велѣлъ подать себѣ подзорную трубу. Но какъ ни старались найти на горизонтѣ и разсмотрѣть движущійся предметъ, это не удалось, такъ какъ отрядъ только что спустился передъ этимъ съ невысокой, но довольно обширной возвышенности. Въ это время изъ аріергарда прискакалъ второй казакъ съ извѣстіемъ, что черная, быстро движущаяся полоска представляетъ собою дорожный возокъ, запряженный тройкою лошадей, гуськомъ... Генералъ Ціолковскій не хотѣлъ вѣрить своимъ ушамъ, обратился къ стоявшему рядомъ съ нимъ командиру казачьяго полка и сталъ съ нимъ о чемъ-то разговаривать... Въ это время на возвышенности показался возокъ и сталъ быстро спускаться подъ гору. Еще десять минутъ, и экипажъ въѣхалъ въ середину колонны, остановился, и изъ него вышелъ главноначальствующій отрядомъ В. А. Перовскій, въ сопровожденіи штабсъ-капитана Никифорова... Сухо поздоровавшись съ Ціолковскимъ и ни о чемъ его не спрашивая, Перовскій сталъ обходить колонну и здоровался съ каждою ротой и сотней отдѣльно. Измученные люди подбодрились и весело его привѣтствовали. Затѣмъ, въ отрядѣ узнали, что главноначальствующій, отправивъ въ Петербургъ всѣ нужныя до-

несенія, а въ Оренбургъ распоряженія, выѣхалъ, всего два дня назадъ, изъ Эмбенскаго укрѣпленія, на тройкѣ артиллерійскихъ лошадей, въ сопровожденіи десятка Оренбургскихъ казаковъ о дву-конь, съ небольшимъ запасомъ сѣна, овса и провизіи; по дорогѣ счастливо избѣжалъ всякихъ опасностей, а верстахъ въ 20-ти отъ колонны бросилъ свой эскортъ и уѣхалъ впередъ одинъ, желая нагнать отрядъ какъ можно скорѣе.

Со дня прибытія къ колоннѣ главноначальствующаго тотчасъ же измѣнились всѣ порядки походнаго движенія, прекратилось безполезное жестокое обращеніе съ несчастными солдатами, кибитка генерала Ціолковскаго опустилась значительно ниже, сходбища ссыльныхъ поляковъ въ штабномъ буфетѣ-кибиткѣ оборвались сразу... Въ тотъ же день вечеромъ, на ночлегѣ, генералъ-адъютантъ Перовскій потребовалъ къ себѣ начальника колонны и около получасу говорилъ съ нимъ съ глазу на глазъ. Бесѣда ихъ осталась тайной: о ней Перовскій не сказалъ ничего даже Никифорову. Офицерамъ колонны стало лишь извѣстно, на другой день, изъ отданнаго приказа, что главноначальствующій пожелалъ самъ вступить въ командованіе колонной; да потомъ, шепотомъ, офицеры передавали другъ другу со словъ часовыхъ у кибитки главноначальствующаго, что генералъ Ціолковскій, уходя, сказалъ что-то на непонятномъ для часовыхъ языкѣ, раздраженнымъ и угрожающимъ тономъ, а начальникъ отряда отвѣтилъ ему по-русски,

въ дверяхъ самой кибитки:—Я не боюсь васъ, генералъ: я вѣдь не пью кофе...

Съ того дня между генералами Перовскимъ и Ціолковскимъ установились довольно странныя отношенія: они не встрѣчались болѣе и не говорили между собою ни одного слова до самаго конца похода и возвращенія въ Оренбургъ. Ціолковскій совсѣмъ стушевался и сталъ всячески избѣгать встрѣчи съ главноначальствующимъ: такъ, напр., если Перовскій ѣхалъ впереди отряда, то возокъ Ціолковскаго ѣхалъ сзади, и на оборотъ. Свою войлочную кибитку бывшій начальникъ колонны приказывалъ ставить не въ ряду штабныхъ кибитокъ, а въ средѣ казачьихъ; при неизбѣжныхъ встрѣчахъ во фронтѣ соблюдался лишь внѣшній декорумъ: генералъ Ціолковскій бралъ «подъ козырекъ», а главноначальствующій отвѣчалъ ему тѣмъ же краткимъ внѣшнимъ привѣтствіемъ.

Крайне тяжелое впечатлѣніе произвела на генерала Перовскаго дорога отъ Эмбенскаго укрѣпленія до колонны, которую онъ только что проѣхалъ: если бы пройденный колонною путь былъ весь занесенъ, степными метелями, то и тогда генералу съ его маленькимъ конвоемъ не надо было бы прибѣгать ни къ проводникамъ, ни къ компасу, ни къ солнцу и звѣздамъ для опредѣленія правильнаго направленія, а стоило бы только имѣть въ виду сотни труповъ-вер-

блюдовъ, павшихъ дорогою и обгладываемыхъ теперь цѣлыми стаями голодныхъ волковъ. Какъ только снѣгъ и покрывавшая его ледяная кора вполнѣ окрѣпли, несчастные верблюды остались совсѣмъ безъ корма: никакія уже силы не могли докопаться до находящейся подъ снѣгомъ травы; надо было у каждаго верблюда поставить людей съ желѣзными мотыгами и употреблять для этого тѣ ночные часы отдыха, въ которыхъ сами солдаты нуждались не менѣе верблюдовъ; а эти животныя, къ ихъ несчастію, не обладаютъ, подобно лошадямъ, способностью разрывать снѣгъ ногами. Голодъ ихъ былъ такъ великъ, что они, во время слѣдованія, стали ѣсть тѣ рогожныя попоны, которыми Киргизы укрывали ихъ отъ холода взамѣнъ кошемныхъ (войлочныхъ) попонъ, бывшихъ на нихъ при выходѣ изъ Оренбурга и давно изорвавшихся: какъ только задній верблюдъ замѣчалъ на переднемъ рогожу, онъ нагонялъ его и начиналъ рвать зубами и ѣсть рогожу вмѣсто сѣна. На ночь, по приказанію уже нагнавшаго колонну генерала Перовскаго, верблюдовъ стали класть рядами, плотно одинъ къ другому, чтобы имъ было тепло лежать, и разстилали предъ ними циновки съ насыпаннымъ овсомъ; но они лишь понюхаютъ и не станутъ ѣсть; пробовали всыпать имъ овесъ въ ротъ насильно, но они тотчасъ же его выплевывали, не проглотивъ ни одного зерна и гораздо охотнѣе теребили и жевали циновки, безполезно разсыпая овесъ по снѣгу. Тогда, чтобы

спасти хотя десятую часть бывшихъ при колоннѣ верблюдовъ, прибѣгли къ послѣднему средству: генералъ Перовскій приказалъ мѣсить изъ ржаной муки колобки и класть ихъ верблюдамъ въ ротъ. Но и это не помогло: колобки замѣшивались на холодной водѣ, а верблюдъ не можетъ ѣсть ничего холоднаго; а чтобы нагрѣвать воду для этого мѣсива, нужно было топливо, котораго едва-едва хватало для варки разъ въ день горячей пищи солдатамъ, да и это топливо добывалось такимъ тяжкимъ трудомъ, что немыслимо было тратить его еще и для верблюдовъ.

Тогда начался повальный падежъ верблюдовъ и въ такомъ огромномъ количествѣ, что даже шедшіе въ аріергардѣ казаки, лакомые вообще до даровщинки, не стали пользоваться нѣкоторыми вьюками съ павшихъ животныхъ, а поступали обыкновенно такъ: муку разсыпали по вѣтру, порохъ и соль топтали въ снѣгъ, свинецъ бросали въ глубокіе овраги, а спиртъ по своимъ манеркамъ. Самыя главныя трудности и бѣдствія испытала колонна, встрѣтивъ на своемъ пути двѣ большія горы—Бакыръ (мѣдь) и Али: здѣсь оставили большую часть верблюдовъ, и лишь казачьи лошади и солдатскія руки втащили на эти горы артиллерію. Всего изъ четырехъ тысячъ верблюдовъ, взятыхъ изъ Эмбенскаго укрѣпленія отдѣльной колонною, пало дорогою около двухъ тысячъ головъ, то-есть половина.

Вмѣстѣ съ верблюдами стали, наконецъ, гибнуть

и солдаты — отъ страшныхъ, все еще продолжавшихся морозовъ, а главное, вслѣдствіе отсутствія теплаго жилья: ежедневно, цѣлыми десятками, людей отправляли въ походные лазареты, откуда они возвращались очень рѣдко. Болѣзни были различныя: преимущественно цынга, скорбутъ, дизентерія и общій упадокъ силъ. Въ колоннѣ наступило всеобщее уныніе. Главноначальствующій увидѣлъ, что возникли, наконецъ, непреодолимыя никакими человѣческими силами препятствія... Онъ ѣхалъ въ своемъ возкѣ мрачный и больной и совсѣмъ пересталъ показываться людямъ...

Но все имѣетъ свой конецъ. На пятнадцатый день по выступленіи изъ Эмбы, въ одинъ изъ морозныхъ солнечныхъ дней, вдали показалась сдѣланная изъ глины и занесенная снѣгомъ стѣна, а за нею какіе-то снѣжные бугры и холмики; — это и былъ Акъ-Булакъ или Чушка-Кульское укрѣпленіе, котораго достигла, уменьшившись болѣе чѣмъ на половину, несчастная «отдѣльная колонна».

Этою главою заканчивается мое повѣствованіе о скорбномъ пути, пройденномъ горстью Русскихъ войскъ отъ Оренбурга до Чушка-Кульскаго укрѣпленія—на разстояніи 670 верстъ. Путь этотъ, со всѣми его лишеніями и бѣдствіями, пройденъ былъ, по истинѣ, съ тѣмъ героизмомъ, которому позавидовали бы закаленные въ походахъ воины Але-

ксандра Македонскаго и столь же достославные легіоны Юлія Цезаря. Еще не суждено было русскому знамени развѣваться на стѣнахъ древней Хивы, и необычайная, по своей суровости, зима съ глубокимъ снѣгомъ явилась, на этотъ разъ, преградою на пути нашего отряда...

Когда изъ двухъ-тысячнаго рекогносцировочнаго отряда отборныхъ Туркменъ-Іомудовъ, высланныхъ противу нашихъ войскъ хивинскимъ ханомъ Алла-Куломъ, двѣ трети погибли отъ морозовъ и голода и въ Хиву вернулись лишь 700 человѣкъ и принесли извѣстіе о таковой же гибели, постигшей и русскій экспедиціонный отрядъ, то печаль хивинцевъ о погибшихъ батыряхъ была, по разсказамъ Сергѣй-Аги и нашихъ плѣнныхъ, очень небольшая. За то радость ихъ была неописанная: нѣсколько дней подрядъ шло у нихъ празднованіе «побѣды» и, въ концѣ, совершено было великое поклоненіе праху ихъ святого Полвалъ-Аты, похороненнаго подъ громаднымъ камнемъ, въ одной изъ мечетей Хивы. По ихъ понятію, этотъ святой ниспослалъ такой великій снѣгъ и такіе морозы, которые не допустили русскихъ до Хивы *).

*) У Хивинцевъ существуетъ преданіе, что Хива будетъ затоплена водою, а Бухара занесена пескомъ; „Урусъ“ же никогда ихъ не возьметъ. Послѣ 1873 года въ преданіе это вѣроятно, утратилась вѣра.

XI.

Что сталось съ ротою поручика Ерофеева.—Усиленіе въ Чушка-Кульскомъ укрѣпленіи дизентеріи, цынги и скорбута.—Общій упадокъ духа.—Изслѣдованіе подъема на Усть-Уртъ.—Приказъ объ обратномъ выступленіи.—Зимній оазисъ.—Озеро съ калышемъ.—Дороговизна топлива.—Тайна молодыхъ топографовъ.—Что значилъ чай.—Брошенный киргизами бульонъ.—Срытіе Чушка-Кульскаго укрѣпленія и взрывъ землянокъ.—Фейерверкъ.—Обратный походъ до Эмбы.—Выносливость Уральскихъ казаковъ.—Страшный буранъ, застигшій колонну.

Прибывшая колонна не имѣла самаго главнаго—теплаго жилья, и солдатамъ довелось жить въ войлочныхъ джуламейкахъ, такъ какъ землянки въ Чушка-Кульскомъ укрѣпленіи оказались далеко не такъ удобны, какъ на Эмбѣ, гдѣ солдаты два раза въ день могли въ нихъ обогрѣваться: онѣ были и тѣсны, и темны; къ тому жъ, въ нихъ лежала масса солдатъ, больныхъ скорбутомъ... Оказалось, что поручикъ Ерофеевъ никакъ не могъ увезти больныхъ, согласно приказанію, изъ Чушка-Куля въ Эмбенское укрѣпленіе именно потому, что у него тоже не было корма для верблюдовъ, и всѣ больные непремѣнно померзли бы дорогою въ саняхъ, такъ какъ некому было бы везти эти сани. Запасъ же сѣна въ Чушка-Кульскомъ укрѣпленіи оказался самый ничтожный. Крайне нездоровая вода, бывшая въ укрѣпленіи, поспособствовала тому, что когда пришла въ Чушка-Куль отдѣльная колонна, то въ ротѣ Ерофеева четвертая часть солдатъ была уже больна дизентеріей, цынгою и тѣмъ же скорбутомъ; а люди гарнизона, заболѣв-

шіе ранѣе, лежали со сведенными ногами, и лишь немногіе изъ нихъ могли кое-какъ ползать по земляному холодному полу полутемныхъ землянокъ, замѣнявшихъ теперь лазаретныя палаты... Въ укрѣпленіи было тихо и мертво, какъ въ разрытой могилѣ: чувствовался общій упадокъ духа... Покойниковъ хоронили ежедневно; между ними приходилось уже хоронить и офицеровъ... Голодные степные волки окружали по ночамъ укрѣпленіе цѣлыми стаями, поднимали ужаснѣйшій вой, расканывали могилы и съѣдали похороненыхъ людей... Въ отрядѣ днемъ и ночью стали происходить частыя пропажи; похищалось исключительно то, что могло горѣть: плохо лежавшая веревка, деревянная лопата, служившая для отгребанія снѣга и забытая у джуламейки и проч.—все это тотчасъ же исчезало...

Такъ прошло восемь дней. У генерала Перовскаго къ нравственнымъ и душевнымъ страданіямъ присоединились еще и физическія: у него открылась старая турецкая рана въ груди, и начались кромѣ того невыносимыя легочныя спазмы, послѣдствія удара, нанесеннаго ему, какъ говорили въ отрядѣ, огромнымъ полѣномъ по спинѣ, на Сенатской площади, 14 Декабря 1825 г.

Въ концѣ восьмого дня вернулся въ укрѣпленіе посланный генераломъ Перовскимъ, тотчасъ же по приходѣ въ Чушка-Куль, маленькій рекогносцировочный отрядъ подъ начальствомъ полковника Би-

зянова *), для обслѣдованія и выбора подъема на Усть-Уртъ, въ количествѣ 150-ти казаковъ, съ однимъ 3-хъ фунтовымъ орудіемъ при офицерѣ генеральнаго штаба Рейхенбергѣ, одномъ казачьемъ офицерѣ и двухъ топографахъ. Подъемъ на Усть-Уртъ былъ найденъ лишь въ одномъ мѣстѣ, по ущелью оврага Кынъ-Каусъ; все остальное были отвѣсныя скалы, составлявшія когда-то, въ доисторическія времена, возвышенный берегъ моря. Снѣгъ на возвышенной плоскости Усть-Урта оказался на полъ-аршина глубже, чѣмъ на пройденномъ пути. Получивъ это рѣшающее извѣстіе, главноначальствующій пригласилъ въ свою кибитку генерала Ціолковскаго и всѣхъ наличныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, бывшихъ въ колоннѣ, объявилъ имъ о положеніи дѣла и приказалъ немедленно начать сборы къ выступленію изъ Чушка-Кульскаго укрѣпленія обратно на Эмбу.

— Сегодня же вечеромъ будетъ отданъ надлежащій приказъ по колоннѣ,—прибавилъ Перовскій, и когда всѣ стали выходить изъ кибитки, онъ попросилъ штабсъ-капитана Никифорова остаться.

— Сядьте и напишите приказъ объ отступленіи, — дрожащимъ отъ волненія голосомъ приказалъ онъ.

---

*) Полковникъ Бизяновъ въ-послѣдствіи былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ наказнымъ атаманомъ Уральскаго казачьяго войска.

Никифоровъ сѣлъ къ походному столику, на которомъ горѣли двѣ восковыя свѣчи, и наскоро написалъ слѣдующій «Приказъ по отряду войскъ Хивинской экспедиціи»:

Февраля 1-го дня 1840 года.

«Товарищи! Скоро три мѣсяца, какъ выступили мы по повелѣнію Государя Императора въ походъ, съ упованіемъ на Бога и съ твердою рѣшимостію исполнить царскую волю. Почти три мѣсяца сряду боролись мы съ неимовѣрными трудностями, одолѣвая препятствія, которыя встрѣчаемъ въ необычайно жестокую зиму отъ бурановъ и непроходимыхъ, небывалыхъ здѣсь снѣговъ, завалившихъ путь нашъ и всѣ корма. Намъ не было даже отрады встрѣтить непріятеля, если не упоминать о стычкѣ, показавшей все ничтожество его. Не взирая на всѣ перенесенные труды, *люди свѣжи и бодры*, *лошади сыты*, *запасы наши обильны* (*?*). Одно только намъ измѣнило: значительная часть верблюдовъ нашихъ уже погибла, остальные обезсилены, и мы лишены всякой возможности поднять необходимое для остальной части пути продовольствіе. Какъ ни больно отказаться отъ ожидавшей насъ побѣды, но мы должны возвратиться на сей разъ къ своимъ предѣламъ. Тамъ будемъ ждать новыхъ повелѣній Государя Императора; въ другой разъ будемъ счастливѣе. Мнѣ утѣшительно благодарить васъ всѣхъ за неутомимое усердіе, готовность и добрую волю каждаго, при всѣхъ

перенесенныхъ трудностяхъ. Всемилостивѣйшій Государь и отецъ нашъ узнаетъ обо всемъ».

— Дайте перо я подпишу,—попросилъ генералъ Перовскій, когда Никифоровъ прочелъ ему этотъ приказъ.

— Но вѣдь это только черновая: позвольте, ваше высокопревосходительство, я прикажу сейчасъ же переписать бумагу на-бѣло...

— Ахъ, не мучьте меня ради Бога! Дайте перо поскорѣе! Неужели вы хотите, чтобы я еще разъ читалъ этотъ горькій и непріятный для меня приказъ?!.. — раздраженно проговорилъ главноначальствующій и, взявъ перо изъ рукъ Никифорова, быстро подписалъ бумагу...

«Такъ сей приказъ и былъ приложенъ къ дѣлу экспедиціи не перебѣленный», говорится въ Запискахъ Г. Н. Зеленина...

Утромъ на другой день, 2 Февраля, во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ колонны былъ прочитанъ отданный генералъ-адъютантомъ Перовскимъ приказъ объ обратномъ выступленіи отряда на Эмбу... Приказъ этотъ произвелъ большое оживленіе въ колоннѣ: словно она получила разрѣшеніе выступить изъ зачумленнаго города...

Солдаты живо принялись разметывать глиняную стѣну и довольно солидный брустверъ, сдѣланный

изо льда и снѣгу вокругъ всего укрѣпленія; затѣмъ, тщательно вынимали весь лѣсъ изъ землянокъ—рамы, дверные косяки, подпорины и пр., словомъ самый ничтожный кусочекъ дерева былъ бережно вынутъ и отложенъ для топлива во время предстоящаго обратнаго похода... Затѣмъ разсчитали, что̀ можно взять съ собою на 2 т. уцѣлѣвшихъ еще верблюдовъ и что слѣдуетъ уничтожить. Болѣе 1,500 четв. ржаной муки и сухарей, т. е. 6-недѣльное продовольствіе всего отряда, было разсыпано по снѣгу и развѣяно по вѣтру; все излишнее желѣзо побросали въ Чушка-Кульское озеро. Бывшій въ плиткахъ бульонъ, болѣе 250 пудовъ, былъ частію розданъ людямъ на руки, а остальное рѣшили взять съ собою, наложивъ на верблюдовъ; но киргизы, при навьючкѣ и во время пути, бросали потихоньку бульонъ въ снѣгъ, такъ какъ они считали плитки эти ни къ чему негодными кирпичами, напрасно лишь отягчающими ихъ верблюдовъ, и когда впослѣдствіи хватились этого бульона, не нашли въ обозѣ и стали требовать его отъ киргизовъ-верблюдовожатыхъ, то наивные сыны степей спокойно объявили, что они по прибытіи въ Оренбургъ, взамѣнъ этихъ маленькихъ кирпичей, обязуются доставить русскимъ войскамъ большіе, еще болѣе тяжелые, «настоящіе» глиняные кирпичи...

Вечеромъ 3 Февраля, наканунѣ выступленія, жгли всѣ сигнальныя ракеты и фальшвейеры; огонь и трескъ

отогнали далеко отъ укрѣпленія волковъ, сбиравшихся цѣлыми стаями каждый вечеръ вблизи Чушка-Куля. Киргизы видѣли такой фейерверкъ въ первый разъ, и онъ имъ очень понравился. Передъ самымъ разсвѣтомъ колонна выступила въ обратный походъ, раздѣлившись, для удобства движенія въ пути, на четыре отдѣленія и устроивъ мины въ оставляемыхъ землянкахъ; когда вся колонна отошла отъ Чушка-Куля съ версту, зажженные фитили въ минахъ догорѣли, и начались взрывы... Киргизы въ суевѣрномъ ужасѣ попадали на землю и долго тряслись какъ въ лихорадкѣ...

Въ день выступленія было 28° стужи, наканунѣ 30°, въ два послѣдующіе дня, т. е. 5 и 6 Февраля, было 27° при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ.

Обратный походъ изъ Чушка-Кульскаго укрѣпленія былъ рядомъ непрерывныхъ страданій и тяжкихъ бѣдствій для отступающей колонны, таявшей съ каждымъ днемъ какъ воскъ на огнѣ... Несмотря на наступившій уже Февраль, морозы продолжали держаться все время отъ 26 до 29° по Реомюру, при сильныхъ вѣтрахъ и частыхъ буранахъ. На ночлегахъ колонна останавливалась иногда безъ всякаго порядка; какъ только слѣдовалъ сигналъ «стой,» то солдаты раскидывали свои джуламейки тамъ, гдѣ кого засталъ этотъ сигналъ... Единственными людьми, не

боявшимися морозовъ, были уральцы, выносливость коихъ была изумительна. Вотъ одинъ случай, происшедшій въ колоннѣ во время обратнаго похода на Эмбу. Денщикъ генерала Циолковскаго Евтихій Сувчинскій повелъ, однажды, поить лошадей своего барина на озеро, попавшееся на пути ночлега; прорубая ледъ желѣзнымъ ломомъ, онъ нечаянно уронилъ его въ воду; зная, что за эту оплошность придется поплатиться спиной, Сувчинскій обратился къ Уральскимъ казакамъ, съ просьбою помочь его горю, вытащить какъ-нибудь ломъ изъ воды...

— Почему не достать! — отвѣчалъ одинъ изъ казаковъ:—достать можно; но только купи, братъ, полштофъ водки...

За этимъ конечно дѣло не стало: денщикъ сбѣгалъ къ маркитанту Зайчикову, купилъ водку и принесъ къ проруби. Казакъ преспокойно раздѣлся, его обвязали веревкой, онъ спустился въ воду, нащупалъ ломъ, взялъ его въ руки и вынырнулъ на поверхность воды, въ проруби... Морозу въ это время было 31 градусъ. Казакъ накинулъ на себя тулупъ и надѣлъ валенки, выпилъ съ меленькой передышкой весь полштофъ, схватилъ платье и побѣжалъ въ свою джуламейку; тамъ уже онъ одѣлся какъ слѣдуетъ. Потомъ казакъ этотъ говорилъ пѣхотнымъ офицерамъ, видѣвшимъ всю эту исторію, что они, казаки, во время багренья рыбы на Уралѣ, часто упускаютъ въ воду свои пѣшни и достаютъ ихъ такимъ именно про-

стымъ способомъ, во время самыхъ сильныхъ морозовъ.

На упомянутое озеро отрядъ напалъ чисто случайно, уклонившись, во время бывшаго наканунѣ бурана, съ стараго пути въ сторону. Озеро это было для колонны истиннымъ оазисомъ. Во-первыхъ, не надо было оттаявать снѣгъ для воды, для питья лошадямъ и верблюдамъ; а во-вторыхъ, по краямъ озера оказалась такая масса камыша, что всѣ повеселѣли, развели огни, сварили себѣ горячую пищу и совершенно отогрѣлись. Уходя съ ночлега, всѣ очень жалѣли, что за слабостію немногихъ, оставшихся въ живыхъ верблюдовъ, нельзя было захватить этого *топлива съ собою въ запасъ*... И дѣйствительно, до Эмбенскаго укрѣпленія въ колоннѣ никто почти не разводилъ огня ни для варки пищи, ни для того даже, чтобы немного отогрѣть закоченѣвшіе члены и согрѣть хотя одинъ чайникъ воды... Исключенія были очень рѣдки: если кому-нибудь изъ штабныхъ или имѣющихъ болѣе средствъ офицеровъ удавалось, съ помощію добычливыхъ уральцевъ, получить нѣсколько фунтовъ топлива, въ видѣ, напр., старой веревки, куска дерева или обломка доски и т. под., за все это платилось если не на вѣсъ золота, то почти на вѣсъ серебра.

Только въ одной джуламейкѣ молодыхъ топографовъ многіе замѣчали, что нѣсколько вечеровъ подъ рядъ горитъ тамъ соблазнительный огонекъ... Всѣ

удивлялись, откуда это у топографовъ завелись большія дѣньги на покупку топлива, и охотно пользовались радушнымъ приглашеніемъ молодыхъ людей выпить у нихъ стаканъ чаю... Тайна эта осталась въ то время не раскрытою, и лишь спустя 51 годъ, одинъ сѣдой, какъ лунь, 75-ти-лѣтній старикъ, отставной подполковникъ, добродушно улыбаясь, передавалъ мнѣ, что они жгли въ то время футляры и лубочные короба отъ имѣвшихся у нихъ различныхъ инструментовъ, астролябій, мензулъ, цѣпей и пр., а самые инструменты преспокойно укладывали въ холщевые мѣшки, которые были надѣты сверхъ этихъ футляровъ и коробовъ, избавляя такимъ образомъ себя отъ замерзанія, а верблюдовъ отъ излишней ноши.

Отъ замерзанія или, по крайней мѣрѣ, отъ болѣзни, происходящей вслѣдствіе продолжительнаго озябанія тѣла, не спасали офицеровъ ни водка, ни спиртъ, ни ромъ, ни коньякъ; единственнымъ спасеніемъ былъ горячій чай. Пища у офицеровъ была немногимъ лучше, чѣмъ у солдатъ: запасы маркитанта Зайчикова были давно уже на исходѣ и продавались по баснословно дорогимъ цѣнамъ; никакихъ своихъ продовольственныхъ запасовъ у офицеровъ уже не было, и приходилось поэтому довольствоваться тѣми же сухарями, размоченными въ снѣговой водѣ... Оттого-то всѣ и старались добыть хоть немножко топлива, чтобы имѣть возможность вскипя-

тить чайникъ съ водой и напиться чаю. «Это неоцѣненный напитокъ зимою», говорится въ одномъ частномъ письмѣ о походѣ въ Хиву; «по выпитіи двухъ стакановъ, тотчасъ разливается необыкновенная теплота по всему тѣлу, человѣкъ дѣлается свѣжѣе и бодрѣе, а усталость совершенно пропадаетъ»... По словамъ боевыхъ, заслуженныхъ офицеровъ, проведшихъ всѣ свои 35 лѣтъ службы въ степи. чай даже лѣтомъ, въ самый страшный жаръ, въ 2 и 3 часа дня, производитъ необыкновенно цѣлебное дѣйствіе: сначала появляется сильный потъ, а потомъ, когда тѣло обсохнетъ немного, то становится чрезвычайно легко, утомленіе проходитъ и человѣкъ дѣлается крѣпкимъ и свѣжимъ.

9-го февраля колонну застигнулъ въ пути необыкновенно жестокій, степной буранъ... Въ этотъ день, когда отрядъ выступалъ съ ночлега. было прекрасное, тихое утро съ небольшимъ, всего въ 4°, морозомъ; полагали, что днемъ, когда взойдетъ и начнетъ грѣть солнце, морозъ совсѣмъ исчезнетъ, или дойдетъ до ноля; а потому, кто изъ офицеровъ имѣлъ тулупы, снялъ ихъ и велѣлъ убрать на верблюдовъ, валенки съ ногъ тоже всѣ сняли, такъ какъ въ нихъ было очень тяжело идти по снѣгу. Но не прошло и двухъ часовъ, какъ начался вѣтеръ, перешедшій вскорѣ въ такой порывистый, что буквально свали-

валъ пѣшихъ людей въ снѣгъ, а лошадямъ и верблюдамъ совсѣмъ мѣшалъ идти. Морозъ сталъ крѣпчать и дошелъ до 27°; замела такая вьюга, что въ десяти шагахъ ничего не было видно, и въ степи, среди бѣлаго дня, стало вдругъ такъ темно, какъ въ сумерки; словомъ, начался страшный буранъ, случающійся только въ здѣшнихъ необъятныхъ степяхъ, такъ прекрасно и вѣрно описанный въ «Капитанской Дочкѣ» Пушкина...

Генералъ-адъютантъ Перовскій приказалъ остановить колонну, и всѣ, конечно, стали на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ захватила метель, такъ какъ идти, въ темнотѣ, было некуда. Верблюдовъ съ своими вьюками нашли въ этомъ адскомъ, степномъ хаосѣ, очень немногіе; джуламейки довелось раскинуть съ большими, самыми мучительными усиліями; объ огнѣ нечего, конечно, было и думать... Всю ночь свирѣпствовала эта разыгравшаяся снѣговая стихія; многіе готовились къ смерти. Вдругъ, на счастіе отряда, къ утру буранъ сталъ стихать... Но когда совсѣмъ разсвѣло, и надо было подняться съ ночлега, то прежде чѣмъ выступить въ походъ, довелось совершить печальный обрядъ нѣсколькихъ похоронъ разомъ... И лишь маленькіе снѣговые бугорки, образовавшіеся на мѣстѣ ночлега, могли повѣдать буйному вѣтру въ этой безлюдной степи о количествѣ жертвъ и о тѣхъ страданіяхъ, которыя выпали въ эту присно-памятную ночь на долю геройской горсти русскихъ воиновъ,

безмолвно и безропотно полагавшихъ животъ свой въ борьбѣ со стихійными силами...

XII.

Возвращеніе на Эмбу.—Сагатемирскій лагерь.—Оффиціальныя и дѣйствительныя потери.—Двѣ новыя неудачи.—Желѣзная натура генерала Перовскаго.—Новая услуга султана Айчувакова.—Отъѣздъ генераловъ Перовскаго и Молоствова въ Оренбургъ.—Прибытіе въ Оренбургъ.—Поляки и Татары и ихъ ожиданія.—Ходатайство о новой экспедиціи въ Хиву.—Отказъ изъ Петербурга.—Выступленіе отряда съ Эмбы.—Взрывъ укрѣпленія.

Между 15 и 17 февраля всѣ четыре отдѣленія колонны стали подходить къ Эмбенскому укрѣпленію, пройдя, слѣдовательно, 170 верстъ отъ Чушка-Куля въ 12—14 дней. Для нихъ, по распоряженію Перовскаго, были уже заготовлены особыя лазаретныя мѣста въ нѣсколькихъ верстахъ за Эмбой, по р. Сага-Темиру: для здоровыхъ людей поставлены новыя киргизскія кибитки, а для больныхъ просторные камышевые балаганы; лишніе котлы передѣланы на печи, и пр.; нѣсколько десятковъ уцѣлѣвшихъ верблюдовъ были отогнаны въ камыши, росшіе по берегамъ Сага-Темира, для самопрокормленія. Изъ двухъ тысячъ этихъ несчастныхъ животныхъ, взятыхъ колонною изъ Чушка-Куля, пало, за время 12—14 дней, 1780 головъ, то-есть почти 90%...

Тотчасъ же по прибытіи въ Эмбу колонны, генералъ-адъютантъ Перовскій отправилъ второе оффиціальное

донесеніе въ Петербургъ о неуспѣшномъ походѣ предпринятой экспедиціи въ Хиву. Къ сожалѣнію, это второе донесеніе также отступало отъ истины, какъ и приказъ, отданный въ Чушка-Кулѣ объ обратномъ выступленіи отдѣльной колонны: какъ тамъ говорилось, что «люди свѣжи и бодры, лошади сыты, а запасы обильны», въ то врѣмя какъ люди мерли какъ мухи, а «запасовъ», напримѣръ, корма для верблюдовъ, сѣна и топлива, не было вовсе, такъ и въ этомъ донесеніи скрыта была истинная цифра погибшихъ людей. Даже и послѣ, по возвращеніи уже въ Оренбургъ всего отряда, когда, повидимому, трудно уже было скрыть потери, ихъ все-таки тщательно скрывали—съ очевидною, впрочемъ, цѣлью избѣжать гнѣва и упрековъ тогдашняго оффиціальнаго Петербурга и его военнаго министерства, съ несимпатичнымъ и крайне пристрастнымъ военнымъ министромъ, гр. Чернышовымъ во главѣ. Такъ, объ умершихъ за послѣдніе три мѣсяца, т. е. со времени выступленія отряда изъ Оренбурга, показано было, что офицеровъ умерло 3, нижнихъ же чиновъ 758; а изъ Оренбурга, по возвращеніи всего отряда, донесено было, что умерло во время похода офицеровъ 5, нижнихъ же чиновъ 1054, да еще по прибытіи уже въ Оренбургъ, «исключительно цынготныхъ, умерло 609 человѣкъ». Слѣдовательно выходило, что умерло всего 5 офицеровъ и 1663 человѣка солдатъ; между тѣмъ, въ дѣйствительности умерло 11 офицеровъ и болѣе

трехъ тысячъ нижнихъ чиновъ, такъ какъ изъ пятитысячнаго отряда, вышедшаго изъ Оренбурга, вернулось обратно менѣе двухъ тысячъ человѣкъ.

На Эмбу генералъ-адъютантъ Перовскій прибылъ нѣсколькими днями ранѣе колонны, уѣхавъ впередъ послѣ бурана 10 февраля. Онъ пріѣхалъ едва живой: открывшаяся еще въ Чушка-Кулѣ рана въ груди мучила его страшно; ему нуженъ былъ безусловный покой, а онъ, какъ извѣстно, ѣхалъ за отрядомъ, хотя и въ возкѣ, но въ тѣ же двадцати и тридцатиградусные морозы. Плохою и изрытою дорогою его страшно било и качало; онъ даже не имѣлъ, во время послѣднихъ дней на пути къ Эмбѣ, ни теплой пищи, ни горячаго чая.

По прибытіи на Эмбу, генералъ узналъ двѣ печальныя вѣсти. Первая состояла въ томъ, что десять парусныхъ судовъ, отправленныхъ въ октябрѣ 1839 года, изъ Астрахани на Ново-Александровскъ и далѣе съ различными запасами и продовольствіемъ для отряда, не могли, за противными вѣтрами, дойти до этого форта и вернулись обратно въ Астрахань. Слѣдовательно, на помощь съ этой стороны расчитывать было нечего. Вторая печальная вѣсть, ожидавшая главноначальствующаго въ Эмбѣ, заключалась въ томъ, что нѣсколько сотъ свѣжихъ верблюдовъ, высланныхъ по его требованію изъ Оренбурга сюда, на Эмбу, были отхвачены въ степи Кайсаками; сопровождавшій же этихъ верблюдовъ корнетъ Литовъ былъ

взятъ и переданъ (т. е. проданъ) тѣми же Кайсаками въ Хиву, въ неволю.

Но все это—и рана, и болѣзнь, и эти двѣ горькія вѣсти—къ счастію, не одолѣли атлетической натуры генерала Перовскаго и его желѣзнаго здоровья, и по приходѣ въ Эмбу, десять дней спустя, онъ былъ настолько уже здоровъ, что сѣлъ на коня и отправился въ Сага-Темирскій лагерь посмотрѣть на остатки своихъ героевъ-солдатъ, изъ которыхъ, по его словамъ (сказаннымъ впослѣдствіи военному министру), «каждый заслужилъ по золотому Георгію».

Въ началѣ марта, когда вернувшіеся изъ Чушка-Куля люди немного отдохнули, начались сборы и приготовленія къ обратному отступленію въ Оренбургъ. Но чтобы подняться и двинуться въ путь съ честью, т. е. не бросая артиллеріи, нужны были верблюды. Ихъ-то и не было почти въ отрядѣ. Тѣ, которые, вслѣдствіе крайняго изнуренія, оставались въ Эмбенскомъ укрѣпленіи, и тѣ, что недавно пришли съ колонной, не оправились еще, по неимѣнію подножнаго корма; къ тому же, всѣхъ-то ихъ осталось лишь около тысячи головъ отъ 10,450 штукъ, взятыхъ отрядомъ въ Оренбургѣ. Но тутъ на помощь отряду явился все тотъ же султанъ Айчуваковъ и, по просьбѣ генерала Перовскаго, доставилъ, въ концѣ марта мѣсяца, 850 свѣжихъ и крѣпкихъ

верблюдовъ, вполнѣ пригодныхъ для пути. Изъ этого числа четыреста штукъ были опредѣлены для Перовскаго, его конвоя и штаба, а также и для всѣхъ тѣхъ больныхъ и изнуренныхъ офицеровъ, которые, по нездоровью своему, не могли оставаться долѣе въ Эмбенскомъ укрѣпленіи и нуждались въ серьезномъ и продолжительномъ лѣченіи. Весь остатокъ отряда, равно какъ и вся артиллерія, остались въ Эмбенскомъ укрѣпленіи до весны, или вообще до дальнѣйшихъ распоряженій изъ Оренбурга. Старшимъ въ оставшемся отрядѣ былъ назначенъ ген.-м. Толмачевъ, уже оправившійся отъ своей болѣзни; на Эмбѣ же были оставлены: ген.-л. Ціолковскій и полковникъ Бизяновъ, Кузьминскій, Геке и Мансуровъ. Отрядъ, оставленный въ укрѣпленіи, считался, по прежнему, состоящимъ изъ четырехъ колоннъ, и начальниками ихъ были назначены вышеназванные четыре подковника; генералъ же Толмачевъ былъ, такъ сказать, общимъ начальникомъ всего отряда, замѣнявшимъ отъѣзжающаго Перовскаго. Ціолковскому не было дано никакого назначенія.

1-го апрѣля 1840 года, генералъ-адъютантъ Перовскій, въ сопровожденіи совсѣмъ больного, лежавшаго въ возкѣ безъ движенія, генерала Молоствова, а также и всѣхъ больныхъ офицеровъ и юнкеровъ, выступилъ изъ Эмбенскаго укрѣпленія. Половина

400 верблюдовъ была запряжена по-парно и тройками въ кое-какъ сколоченныя сани и въ возки, гдѣ размѣщались больные офицеры, юнкера и нѣсколько десятковъ старыхъ, заслуженныхъ «кандидатовъ»; на остальныхъ двухсгахъ верблюдахъ были вьюки главноначальствующаго, его штаба, докторовъ, фельдшеровъ и больныхъ. Двадцать человѣкъ, уцѣлѣвшихъ отъ дивизіона конно-регулярнаго полка, были посажены на казачьихъ лошадей и состояли въ родѣ конвоя при генералѣ Перовскомъ; въ этомъ оригинальномъ каравапѣ была лишь одна рота 2-го линейнаго баталіона—въ видѣ эскорта. Уѣзжая изъ укрѣпленія и прощаясь съ людьми, генералъ выразилъ надежду, что, быть можетъ, вскорѣ онъ вернется сюда съ новыми боевыми силами изъ Оренбурга—для новаго и болѣе удачнаго похода на Хиву; въ этихъ видахъ, какъ объяснилъ онъ людямъ, и остается пока въ укрѣпленіи вся артиллерія. Перовскій говорилъ это искренно: онъ надѣялся, что ему разрѣшатъ въ Петербургѣ двинуться еще разъ на Хиву.

Караванъ этотъ, сопровождаемый тѣмъ же услужливымъ султаномъ Айчуваковымъ, дошелъ, въ 12 дней, вполнѣ благополучно, до нашей «линіи» по Уралу и остановился въ ближайшей на дорогѣ крѣпостцѣ Ильинской (нынѣ простая станица), расположенной всего въ 110 верстахъ отъ Оренбурга. Здѣсь всѣ больные были помѣщены въ теплыя казачьи избы, которыхъ никто изъ отряда не видѣлъ болѣе 5-ти

мѣсяцевъ, и оставлены подъ наблюденіемъ сопровождавшихъ ихъ врачей и фельдшеровъ. Самъ же генералъ Перовскій и весь его штабъ, равно какъ и генералъ Молоствовъ, выѣхали въ Оренбургъ на почтовыхъ лошадяхъ, уже на колесахъ, такъ какъ санный путь пропадалъ и снѣгъ лежалъ лишь въ степи да по оврагамъ. Для Перовскаго и Молоствова едва нашли въ станицѣ два дорожныхъ плетеныхъ тарантаса: въ одномъ помѣстился Молоствовъ съ докторомъ, въ другомъ Перовскій съ штабсъ-капитаномъ Никифоровымъ. Въ ночь съ 13 на 14 апрѣля эти два тарантаса въѣхали въ Оренбургъ.

Оренбургъ встрѣтилъ генералъ-адъютанта Перовскаго еще менѣе привѣтливо, чѣмъ Парижъ, въ 1812 году, Наполеона I. Люди—«жрецы минутнаго, поклонники успѣха»—рѣшили уже, что карьера Перовскаго погублена навсегда, что дни его сочтены... что слѣдуетъ ожидать, со дня на день, отозванія его изъ Оренбурга... Съ особеннымъ, совсѣмъ уже не скрываемымъ злорадствомъ относились къ нему проживавшіе въ Оренбургѣ, въ довольно изрядномъ количествѣ, поляки, а за ними и татары: первые враждовали противъ генерала изъ-за его походныхъ отношеній къ Ціолковскому, о чемъ, конечно, давно уже знали въ Оренбургѣ изъ писемъ поляковъ, бывшихъ въ отрядѣ; татары же, надо пола-

гать, радовались собственно тому обстоятельству, что единовѣрная имъ Хива осталась во всей своей неприкосновенности, и гордыня ея не была и на этотъ разъ, сломлена.

На другой же день по возвращеніи Перовскаго въ Оренбургъ, отправлено было къ военному министру и на имя государя третье донесеніе о результатахъ «военнаго предпріятія въ Хиву». Вмѣстѣ съ донесеніемъ, генералъ-адъютантъ Перовскій испрашивалъ высочайшаго соизволенія на новую экспедицію противу Хивы, которую предполагалъ начать съ конца мая мѣсяца. Отвѣтъ не замедлилъ себя ждать *): военный министръ гр. Чернышовъ сообщалъ Оренбургскому военному губернатору, что осуществленіе новаго похода въ Хиву не представляется возможнымъ и даже настоятельно необходимымъ... Такой отвѣтъ глубоко огорчилъ Перовскаго, тѣмъ болѣе, что онъ сопровождался письмомъ конфиденціальнаго характера, писаннымъ какъ бы по порученію того же гр. Чернышова къ Перовскому однимъ изъ лицъ, близко въ то время стоявшихъ къ военному министру (Позеномъ). Въ письмѣ этомъ заключалась, между прочимъ, слѣдующая фраза, сказанная будто бы

*) Обыкновенная почта ходила изъ Оренбурга въ Петербургъ, въ то время, три недѣли; пакеты же, отправляемые съ фельдъ-егерями и курьерами, шли восемь дней.

княземъ Меньшиковымъ въ отвѣтъ одному высокопоставленному лицу, на его вопросъ: слѣдуетъ ли предпринять новый походъ въ Хиву? Князь отвѣчалъ: — Для нынѣшняго царствованія довольно и одного такого неудачнаго похода *)...

Получивъ отвѣтъ военнаго министра, Перовскій немедленно отправилъ приказаніе въ Эмбенское укрѣпленіе оставленному тамъ отряду прибыть въ Оренбургъ, *взорвавъ на воздухъ стѣны и всѣ постройки* въ укрѣпленіи. Вслѣдствіе этого распоряженія, генералъ-лейтенантъ Толмачевъ выступилъ изъ Эмбы, всѣмъ отрядомъ, 18 мая, взявъ съ собою всю артиллерію и взорвавъ на воздухъ самое укрѣпленіе. Трескъ взлетѣвшихъ на воздухъ стѣнъ былъ послѣднимъ салютомъ немногимъ Русскимъ воинамъ, уцѣлѣвшимъ въ этомъ роковомъ, многострадальномъ походѣ, и теперь столь безславно отступавшимъ предъ невидимымъ непріятелемъ, который не осмѣлился даже и подойти близко къ этому геройскому, маленькому отряду...

---

*) Князь Меньшиковъ имѣлъ причины недолюбливать В. А Перовскаго, вспоминая его службу въ морскомъ вѣдомствѣ, когда этотъ честнѣйшій человѣкъ возставалъ противу непроизводительныхъ и громадныхъ затратъ, дѣлаемыхъ въ этомъ министерствѣ.

XIII.

Что погубило экспедицію?—Во что обошлась она русской казнѣ?—Результаты этой экспедиціи.—Возвращеніе нашихъ плѣнныхъ —Обѣдъ, данный имъ въ Оренбургѣ.—Посолъ хивинскаго хана Атаніасъ-Хаджи — Освобожденіе задержанныхъ хивинцевъ.—Договоръ о свободной торговлѣ съ Хивою.

Что же погубило эту экспедицію, такъ во-время задуманную и даже, для интересовъ и чести Россіи, столь необходимую? Этотъ тяжелый вопросъ напрашивается, въ концѣ концовъ, самъ собою... И теперь, когда со времени этой несчастной экспедиціи прошло болѣе полувѣка, мы, кажется, не только можемъ, но и должны, и обязаны отвѣчать на этотъ вопросъ прямо, не боясь высказать истину.

Первымъ погубителемъ этой экспедиціи былъ, несомнѣнно, генеральнаго штаба полковникъ Ѳ. фонъ-Бергъ, который далъ «совѣтъ лукавый» относительно пути на Хиву и даже намѣтилъ два пункта для укрѣпленій; но на указанномъ пути изъ Оренбурга до Эмбы оказались такіе глубокіе овраги, чрезъ которые, по нанесенному снѣгу, довелось устраивать понтонные мосты, и только такимъ образомъ переправлять черезъ эти овраги артиллерію. Изъ двухъ укрѣпленій не годилось, какъ мы говорили уже, ни одно: въ Чушка-Кулѣ вода оказалась настолько пагубною для здоровья людей, что, первое время, люди подозрѣвали, не отравлена ли она хивинцами?.. А на второмъ пути отъ Эмбы къ Акъ-Булаку (или Чушка-Кулю) встрѣ-

тились двѣ высокія горы, которыхъ не знали даже названія и о самомъ существованіи коихъ не подозрѣвали, и лишь киргизы султана Айчувакова объяснили господамъ «ученымъ» отряда, вооруженнымъ топографическою картою фонъ-Берга, что въ первой горѣ масса мѣди, а потому она и называется *Бакыръ*, а вторая гора названа по имени убитаго на ней батыря *Али*...

Второю причиною неудачи экспедиціи, и самою главною, была необычайно суровая зима съ сильными морозами, частыми буранами и глубокимъ снѣгомъ, какихъ не могли запомнить самые древніе старики-киргизы. Являлась, конечно, полная возможность избѣжать и этихъ морозовъ, и всей этой необыкновенной зимы съ ея глубокимъ снѣгомъ; но для этого надо было выступить изъ Оренбурга только мѣсяцемъ раньше, какъ, напр., выступила авангардная колонна подполковника Данилевскаго, дошедшая до Эмбы, какъ мы знаемъ, «вполнѣ благополучно». Также «благополучно» колонна эта могла бы дойти и до Хивы, если бы ей не надо было сидѣть на Эмбѣ и ожидать прибытія экспедиціоннаго отряда. Но дѣло въ томъ, что авангардъ *могъ* выйти изъ Оренбурга въ половинѣ октября, а колонна *не могла*: ея сборы не были вполнѣ окончены даже и въ половинѣ ноября, когда она выступала. Такія экспедиціи подготовляются, по мнѣнію знатоковъ военнаго дѣла, годами, а не мѣсяцами.

Во главѣ экспедиціи поставленъ былъ, какъ мы видимъ, человѣкъ даровитый, закаленный въ бояхъ, образованный и очень любимый солдатами и офицерами. Но человѣкъ этотъ имѣлъ въ Петербургѣ такую массу враговъ (главнымъ образомъ, за свою безукоризненную, чисто-рыцарскую честность, выказанную имъ во все время службы, а главное, въ бытность его директоромъ канцеляріи начальника морскаго штаба), что ему «бросали палки въ колеса» всякій разъ, какъ только представлялся къ тому случай. В. А. Перовскій презиралъ своихъ враговъ и не боялся ихъ, но постоянно отъ нихъ терпѣлъ и мучился. А тутъ возстали противу него не только враги, но и стихіи: суровая зима, бураны, «противные вѣтры», отогнавшіе шедшую къ нему на помощь флотилію обратно къ Астрахани... Даже такіе робкіе номады, какъ Кайсаки, и тѣ осмѣлились, на этотъ разъ, сдѣлать разбойничье нападеніе на маленькій отрядъ, сопровождавшій пересылаемыхъ на Эмбу, къ отряду, верблюдовъ, забрали этихъ верблюдовъ, а также и офицера съ нѣсколькими человѣками, сопровождавшими транспортъ, и все это, въ качествѣ военныхъ трофеевъ, препроводили въ Хиву.

Было и еще одно обстоятельство и очень немаловажное, способствовавшее неудачѣ экспедиціи: это было традиціонное русское «авось». Въ качествѣ безпристрастнаго лѣтописца происходившихъ событій, мы должны упомянуть и объ этомъ серьезномъ фактѣ,

выплывающемъ на свѣтъ божій, между прочимъ, и изъ писемъ самого генерала Перовскаго. Вотъ, напр., что писалъ онъ московскому почтъ-директору Булгакову, 6 декабря 1839 года изъ Бишъ-Тамака (или Башъ-Талыка), пройдя отъ Оренбурга всего лишь 250 верстъ, т. е. немного болѣе шестой части всего пути до Хивы:

«До сихъ поръ стоятъ холода, хотя и очень сильные но безъ вѣтру, котораго я, безъ защитнаго мѣста и безъ дровъ, особенно боюсь, потому что тогда *уже не знаю, какія приняты мѣры, чтобъ избѣгнуть гибели...*»

Въ томъ же письмѣ, далѣе, генералъ Перовскій выражаетъ полное уже отчаяніе: «Лишь съ божіею помощью, пишетъ онъ, можемъ мы надѣяться, что преодолѣемъ стихіи и непріятеля; мы чувствуемъ, что если молитва наша не будетъ теперь же услышана, то *намъ придется погибнуть*».

А вотъ нѣсколько строкъ изъ письма того же генерала Перовскаго отъ 4 января 1840 года, писаннаго тому же Булгакову, съ Эмбы:

«Поить скотину (верблюдовъ и лошадей) даже и самихъ себя придется растаявшимъ снѣгомъ; но будетъ ли еще чѣмъ обратить его въ воду? *Вотъ тутъ-то и бѣда*: вотъ гдѣ нужна намъ будетъ помощь свыше; человѣкъ тутъ безсиленъ...»

Но выступая въ походъ, да еще такой, какъ хивинскій, немыслимо было разсчитывать лишь на «по-

мощь свыше», и мудрая русская пословица не даромъ гласитъ: «на Бога надѣйся, а самъ не плошай».

Хивинская экспедиція обошлась, сравнительно, очень немного, если не считать погибнувшихъ солдатъ и офицеровъ: изъ ассигнованныхъ, на «военное предпріятіе противу Хивы», 1.698,000 рублей и 12 тысячъ червонныхъ (золотомъ), бережливый генералъ издержалъ лишь немного болѣе полумилліона рублей; да башкирское войско, если перевести на деньги все, что оно доставило, истратило «болѣе милліона» рублей. Это «войско», какъ извѣстно, не платило въ то время никакихъ податей и не отбывало ни воинской, никакой иной повинности; а потому, привлекая его къ участію въ расходахъ на хивинскую экспедицію, Перовскій поступалъ вполнѣ справедливо.

Но если бы даже на эту экспедицію истрачено было не полмилліона только русскихъ денегъ, но всѣ ассигнованные два и даже дважды-два милліона, то и тогда не слѣдоваво бы объ этомъ много печаловаться. Если Англія пожертвовала болѣе 44 милліоновъ металлическихъ рублей на абиссинскую войну 1867—68 гг., для освобожденія нѣсколькихъ десятковъ своихъ подданныхъ, захваченныхъ абиссинцами, то нашему государству слѣдовало принести не меньшую жертву, памятуя о томъ, что въ неволѣ у хивинцевъ

гомятся не десятки русскихъ людей, а многія сотни. По счастію, почти всѣ наши плѣнники были освобождены хивинцами, въ томъ же 1840 году; и съ этой стороны неудачный походъ въ Хиву генерала Перовскаго далъ, совершенно неожиданно, желаемые результаты. Случилось это такъ. Едва только проживавшіе въ Гератѣ англичане узнали изъ достовѣрныхъ источниковъ, что экспедиціонный отрядъ назначался не для изслѣдованія Аральскаго моря, а прямо для похода въ Хиву, они отправились сами въ Хиву и сумѣли склонить хана Алла-Кула на согласіе немедленно освободить русскихъ плѣнниковъ и установить съ нами правильныя торговыя сношенія, т. е. воспретить ограбленіе русскихъ купеческихъ каравановъ. Существуетъ извѣстіе, которое, по желанію англичанъ, держалось въ началѣ въ большомъ секретѣ, что за всѣхъ русскихъ плѣнныхъ англичане уплатили жадному Алла-Кулу своимъ собственнымъ золотомъ и даже приняли на себя всѣ путевыя издержки на обратное возвращеніе плѣнныхъ въ Оренбургъ: такъ велико было ихъ опасеніе новаго похода русскихъ войскъ на Хиву, въ успѣхѣ коего могъ сомнѣваться лишь тупой и высокомѣрный правитель Хивы, гордый безводными и песчаными пустынями, окружавшими его ничтожное и безсильное государство.

И вотъ, 14-го августа 1840 года, прибылъ въ Оренбургъ корнетъ Аитовъ съ двумя русскими,

бывшими плѣнниками Хивы, взятыми имъ въ путь въ видѣ прислуги; а спустя нѣсколько дней, пришли въ Оренбургъ же 416 человѣкъ обоего пола русскихъ плѣнныхъ, томившихся долгіе годы въ Хивѣ, въ неволѣ. Ихъ сопровождалъ посланецъ хана Атаніасъ-Хаджи. При выступленіи ихъ изъ Хивы, каждому плѣннику дали на дорогу по золотому (4 рубля), по мѣшку муки и на каждыхъ двухъ человѣкъ по одному верблюду. Эти несчастные встрѣчены были въ Оренбургѣ очень торжественно и радушно: въ ихъ присутствіи былъ отслуженъ въ соборѣ благодарственный молебенъ и затѣмъ устроенъ былъ для нихъ обѣдъ на открытомъ воздухѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ выстроенъ нынѣ театръ. Посмотрѣть на освобожденныхъ собралось полгорода, и въ это время разыгрывались тяжелыя и полныя глубокаго трагизма сцены: въ сѣдомъ, согбенномъ старикѣ иная женщина едва узнавала своего красавца-мужа, уведеннаго въ Хиву болѣе 25-ти лѣтъ назадъ; во взрослomъ парнѣ, «уже потурчившемся», старуха-мать узнавала, по имени или по какимъ-нибудь особымъ, внѣшнимъ примѣтамъ, своего дорогого сына, схваченнаго киргизами десятилѣтнимъ мальчикомъ и проданнаго въ Хиву...

Плѣнные разсказали тогда участникамъ бывшей экспедиціи въ Хиву всѣ подробности о снаряженіи двухъ-тысячнаго коннаго отряда туркменовъ-іомудовъ, о гибели этого отряда и о той «побѣдѣ», которая праздновалась хивинцами, когда они узнали,

что русскій отрядъ покинулъ Чушка-Кульское укрѣпленіе и отступилъ на Эмбу.

Тѣ же плѣнные явились неумолимыми обвинителями и правдивыми свидѣтелями противу купца Зайчикова, бывшаго, такъ сказать, тайнымъ коммиссіонеромъ по поставкѣ въ Хиву русскихъ невольниковъ. Они разсказывали, затѣмъ, что ихъ, по доставкѣ въ Хиву, всячески склоняли принять мусульманство, и въ случаѣ успѣха, женили на хивинкахъ. Съ дѣвушками поступали гораздо проще: ихъ прямо разбирали по гаремамъ. Если же замѣчали у плѣнника намѣреніе бѣжать, то дѣлали ему, немного повыше пятки, разрѣзъ, насыпали туда мелко нарѣзаннаго конскаго волоса и долго, искусственнымъ образомъ, растравляли рану, чтобы плѣннику нельзя было скоро ходить. Если же кто-нибудь изъ плѣнныхъ убѣгалъ изъ Хивы и его ловили, то сажали, въ страхъ другимъ, на колъ, и несчастный умиралъ въ жесточайшихъ мученіяхъ. Спастись отъ казни, въ случаѣ поимки, былъ лишь одинъ исходъ— принять исламъ и жениться на хивинкѣ, что нѣкоторые и дѣлали. Возвращенные плѣнные объяснили при этомъ, что всѣхъ русскихъ людей жило въ Хивѣ въ неволѣ болѣе тысячи человѣкъ, преимущественно забранныхъ туркменами съ рыбныхъ промысловъ на Каспійскомъ морѣ и поставленныхъ Зайчиковымъ; но что во время бывшей въ Хивѣ холеры, въ 1829 году, умерло ихъ болѣе поло-

вины; что и теперь еще осталось въ Хивѣ нѣсколько десятковъ плѣнныхъ русскихъ—частію по доброй волѣ, особенно женщины, не пожелавшія бросить въ Хивѣ прижитыхъ ими дѣтей, а то и по неволѣ, оставленные самимъ ханомъ, особенно любимые имъ, личные его слуги, которые умоляли возвращавшихся плѣнниковъ похлопотать за нихъ у оренбургскаго начальства, дабы оно настояло и на ихъ возвращеніи. Вслѣдствіе этого, посланному хана, Атаніасу-Хаджи, было объявлено, что онъ и задержанные ранѣе хивинцы будутъ лишь тогда освобождены, когда ханъ возвратитъ всѣхъ остальныхъ русскихъ плѣнниковъ, насильно удержанныхъ имъ въ Хивѣ. Надо замѣтить, что въ Оренбургѣ содержалось подъ карауломъ тоже болѣе сотни хивинцевъ: ихъ забирали въ то время, когда они являлись на мѣновой дворъ, по торговымъ дѣламъ. Мѣра эта подѣйствовала какъ нельзя лучше: въ концѣ того же 1840 года и въ Январѣ 1841 прибыли въ Оренбургъ изъ Хивы и всѣ остальные наши плѣнные; тамъ остались лишь три бѣглыхъ солдата, нѣсколько десятковъ потурчившихся женщинъ и около сотни калмыковъ, которые сами не пожелали вернуться на родину, такъ какъ, будучи магометанами, поженились на туркменкахъ и хивинкахъ и обзавелись семьями и своимъ хозяйствомъ.

Тотчасъ же по прибытіи нашихъ послѣднихъ плѣнныхъ, были отправлены въ Хиву всѣ забранные нами

ранѣе подданные хана Алла-Кула, надѣленные на дорогу болѣе щедро, чѣмъ надѣлены были наши. При отъѣздѣ изъ Оренбурга Атаніаса-Хаджи, съ нимъ былъ заключенъ обстоятельный торговый договоръ о безпрепятственномъ проходѣ въ Хиву и обратно русскихъ купеческихъ каравановъ, и посланецъ хана далъ обѣщаніе, отъ имени своего правителя, воспретить отнынѣ туркменамъ-іомудамъ и хивинскимъ киргизамъ грабить въ степи наши караваны *).

Такимъ образомъ, экспедиція, предпринимавшаяся въ Хиву, дала всѣ тѣ результаты, которые отъ нея желались и ожидались, то-есть возвращеніе плѣнныхъ и свободу торговли. Вслѣдствіе такихъ мирныхъ и покорныхъ дѣйствій хивинскаго хана, были отмѣнены въ томъ же 1840 году, по высочайшему повелѣнію, всѣ сдѣланныя генераломъ Перовскимъ, предъ отъѣздомъ его въ Петербургъ, распоряженія о новомъ походѣ въ Хиву. Приказъ о томъ былъ очень громкій, и воспослѣдовалъ онъ, главнымъ образомъ, по настоянію канцлера Нессельроде, очень желавшаго успокоить англичанъ и какъ бы извиниться предъ ними, что безъ ихъ позволенія мы рѣшились-было двинуться на Востокъ...

*) Къ сожалѣнію, договоръ этотъ не былъ даже оформленъ хивинцами, такъ какъ ханъ отказался, въ первое посольство наше въ Хиву, въ 1841 году, подписать его. Впослѣдствіи, въ 1842 году, новому нашему посольству, благодаря перемѣнѣ правителя въ Хивѣ, удалось-таки добиться подписанія торговаго договора, который, впрочемъ, выполнялся хивинцами недолго.

Слѣдуетъ упомянуть также и о главномъ результатѣ, который дала русскимъ военнымъ людямъ неудачная экспедиція генерала Перовскаго въ Хиву: „она научила—*какъ снаряжать походы въ Среднюю Азію.* Горькимъ урокомъ 1839 г. воспользовался покойный К. П. Кауфманъ, не только въ системѣ и порядкѣ снаряженія самой экспедиціи и въ пути слѣдованія ея черезъ степь, но даже и во времени года: вмѣсто поздней осени, онъ двинулся въ Хиву раннею весною.

XIV.

Извѣстіе о поѣздкѣ Государя за границу. — Отъѣздъ генерала Перовскаго въ Петербургъ.—Сухой пріемъ у военнаго министра.—*Томительныя ожиданія* аудіенціи у Государя—Приглашеніе прибыть въ Михайловскій манежъ.—Сцена съ гр. Чернышовымъ.—Свиданіе съ Государемъ.—Переѣздъ въ Петергофскій дворецъ.—Представленія къ наградамъ.—Новые помыслы о Хивинскомъ походѣ.—Отъѣздъ генерала Перовскаго за границу.

Когда генералъ-адъютантъ Перовскій вернулся въ Оренбургъ, то вскорѣ изъ получаемыхъ имъ петербургскихъ писемъ онъ убѣдился окончательно, что о новомъ походѣ въ Хиву нечего было и думать; что, напротивъ, слѣдуетъ ѣхать въ Петербургъ, въ качествѣ обвиняемаго, и оправдываться. Объ этомъ, между прочимъ, писалъ ему неизмѣнно къ нему расположенный министръ двора, графъ В. Ѳ. Адлербергъ. Но ѣхать тотчасъ же въ Петербургъ было

немыслимо: Перовскій нуждался хотя въ небольшомъ отдыхѣ, а его открывшаяся рана—въ лѣченіи; къ тому же, наступила въ Апрѣлѣ самая распутица.

Въ концѣ Апрѣля, Перовскій получилъ конфиденціальное письмо отъ московскаго почтъ-директора Булгакова *), извѣщавшее его, что государь собирается ѣхать въ Варшаву, а оттуда въ Эмсъ. Это извѣстіе было крайне непріятно для Перовскаго, который, будучи безъ вины виноватымъ, желалъ, конечно, оправдаться какъ можно скорѣе; а для этого ему необходимо были личное свиданіе съ государемъ, который (онъ зналъ и былъ увѣренъ) терпѣливо выслушаетъ его и не обвинитъ.

Въ половинѣ Мая генералъ Перовскій выѣхалъ, наконецъ, въ Петербургъ. Онъ ѣхалъ безостановочно и пробылъ лишь одинъ день въ Москвѣ; тѣмъ не менѣе, онъ прибылъ въ Петербургъ лишь 3-го Іюня. За два дня передъ тѣмъ возвратился изъ-за границы государь; но графъ Адлербергъ, на содѣйствіе котораго и дружбу такъ разсчитывалъ Перовскій, не вернулся вмѣстѣ съ государемъ, а остался на нѣкоторое время въ Эмсѣ, при больной императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, лѣчившейся тамъ. Такимъ обра-

*) А. Я. Булгаковъ былъ, какъ называли его, „всеобщій продолжитель“: онъ зналъ все и всѣхъ; для аристократическаго кружка Москвы онъ замѣнялъ нынѣшнія газеты и телеграфныя агентства. Этимъ и объясняются обстоятельныя сообщенія о походѣ въ Хиву, дѣлаемыя, нарочито, Перовскимъ въ его письмахъ къ московскому почтъ-директору.

зомъ, Перовскій лишенъ былъ возможности предстательства предъ государемъ и испрошенія у него аудіенціи.

На другой же день своего пріѣзда въ Петербургъ, генералъ-адъютантъ Перовскій, въ силу обычной воинской дисциплины и установленнаго порядка, отправился представиться военному министру гр. Чернышову, своему завѣдомому недоброжелателю и тайному врагу. Гр. Чернышовъ принялъ его очень сухо, въ общей пріемной, ни о чемъ не спрашивалъ и на заявленіе Перовскаго, что онъ, по званію генералъ-адъютанта и по должности командира отдѣльнаго корпуса, желалъ бы представиться государю, небрежно отвѣчалъ:

— Я извѣщу, когда государю благоугодно будетъ васъ видѣть...

Въ той же пріемной военнаго министра В. А. Перовскій могъ, лишній разъ, убѣдиться въ людскомъ ничтожествѣ, навыкшемъ поклоняться лишь успѣху: нѣсколько человѣкъ изъ числа представлявшихся и одинъ директоръ канцеляріи министра, бывшіе давними знакомыми генерала Перовскаго, постарались его не узнать и отвернулись отъ него.

Генералъ Перовскій вернулся отъ военнаго министра мрачный и почти больной, и для него настали самые горькіе и тяжелые въ его славной и честной жизни дни: прошла недѣля, другая, третья—отъ военнаго министра нѣтъ извѣстія о днѣ представле-

нія государю... Графъ В. Ѳ. Адлербергъ былъ все еще за границей... Въ это время никто, кромѣ близкихъ родныхъ, даже не посѣщалъ опальнаго губернатора: всѣ сторонились отъ него, какъ отъ зачумленаго. Постояннымъ собесѣдникомъ его былъ одинъ штабсъ-капитанъ Никифоровъ, пріѣхавшій въ Петербургъ вмѣстѣ съ генераломъ; да еще заходили, изрѣдка, люди изъ кружка Жуковскаго и Плетнева, да пріятели и друзья В. И. Даля, который лежалъ въ это время больной въ Оренбургѣ... Лѣто въ Петербургѣ стояло удушливое и пыльное, и переносить его было для генерала Перовскаго особенно тяжело; переѣхать же куда-нибудь на дачу, за городъ, генералъ не рѣшался — въ ежечасномъ ожиданіи приглашенія къ государю, который, возвратясь изъ-за границы, жилъ то въ Царскомъ Селѣ, то въ Петергофѣ, и наѣзжалъ въ душный Петербургъ изрѣдка, не болѣе какъ на нѣсколько часовъ. Наконецъ, въ концѣ 4-й недѣли томительнаго ожиданія, генералъ-адъютантъ Перовскій получилъ отъ военнаго министра «приглашеніе» пожаловать на другой день въ Михайловскій манежъ, гдѣ имѣлъ быть разводъ въ присутствіи государя, которому онъ и можетъ-де представиться.

На другой день, въ девять часовъ утра, генералъ В. А. Перовскій, одѣвшись въ полную парадную форму, былъ въ Михайловскомъ манежѣ. Оказалось, что все уже было готово, и лишь ожидали, съ ми-

нуты на минуту, прибытія государя и великаго князя Михаила Павловича; военный министръ графъ Чернышовъ былъ тутъ же. Войдя въ манежъ и увидя, что въ сторонѣ войскъ, недалеко отъ праваго фланга, стоитъ небольшая группа генераловъ, съ членами и атташе какого-то посольства, В. А. Перовскій, обойдя ихъ, сталъ совсѣмъ отдѣльно, неподалеку отъ этой группы. Военный министръ, раздосадованный уже тѣмъ обстоятельствомъ, что ген.-адъютантъ Перовскій не подошелъ къ нему и окружавшей его свитѣ, послалъ тотчасъ же своего адъютанта съ порученіемъ—предложить присоединиться къ общей группѣ генераловъ, имѣющихъ представиться въ этотъ день государю.

Генералъ молча выслушалъ адъютанта и стоялъ на одномъ мѣстѣ «какъ окаменѣлый» (по словамъ имѣющагося у насъ письма); затѣмъ, медленно началъ ходить взадъ и впередъ...

Прошло нѣсколько минутъ. Группа генераловъ и члены посольства съ недоумѣніемъ поглядывали на представительную фигуру молодого генерала, одѣтаго въ красивый мундиръ атамана казачьихъ войскъ съ генералъ-адъютантскими вензелями и аксельбантами, въ высокомъ, мерлушчатомъ киверѣ съ длиннымъ султаномъ и этишкетами, съ грудью, покрытою звѣздами и орденами—русскими и иностранными, съ массою разныхъ медалей, между которыми первое мѣсто занимала почетная медаль за войну 1812 г.;

а этотъ генералъ, опустивъ, по привычкѣ, на грудь свою красивую курчавую голову, медленно прохаживался взадъ и впередъ на маленькомъ, намѣченномъ имъ пространствѣ манежа, усыпаннаго пескомъ.

Въ свитѣ графа Чернышова, когда вернулся адъютантъ, произошло нѣкоторое недоумѣніе и даже волненіе; затѣмъ, военный министръ послалъ второго адъютанта съ слѣдующимъ приказаніемъ:

— Передайте ген.-адъютанту Перовскому, что военный министръ покорнѣйше проситъ его не нарушать обычнаго порядка и присоединиться къ общей группѣ лицъ, желающихъ представиться сегодня государю императору.

Адъютантъ передалъ это распоряженіе; но генералъ Перовскій выслушалъ его также молча и даже не пріостановился въ своемъ медленномъ хожденіи взадъ и впередъ по песку манежа. Посланецъ, сильно озадаченный и переконфуженный, подъѣхалъ къ военному министру и доложилъ ему о своей неудачѣ...

Спустя нѣсколько минутъ, все зашевелилось и подтянулось: въ дверяхъ манежа показался императоръ, сопутствуемый великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Государь подошелъ къ фронту, принялъ рапортъ военнаго министра и поздоровался съ людьми... Въ это время взглядъ его повернулся въ бокъ: онъ увидѣлъ, что въ сторонѣ отъ всѣхъ стоитъ монументальная фигура генерала, съ поднятою «подъ козырекъ» правою рукою...

Государь нахмурился: очевидно, нарушался «обычный порядокъ»...

— Кто это такой?—спросилъ онъ недовольнымъ голосомъ у военнаго министра.

— Это ген.-лейт. Перовскій, ваше величество.

— Перовскій?!—радостно воскликнулъ государь, и быстро направился къ одиноко стоявшему генералу...

— Здравствуй, Перовскій, здравствуй!!—торопливо заговорилъ Николай Павловичъ, и крѣпко поцѣловалъ Перовскаго.—Какъ я радъ, что вижу тебя!.. Давно-ли ты пріѣхалъ?

— Почти уже мѣсяцъ, какъ я въ Петербургѣ.

— Почему же ты не явился до сихъ поръ ко мнѣ?!—удивленно спросилъ императоръ.

— Такъ угодно было господину военному министру,—отвѣчалъ Перовскій.

Лицо государя омрачилось... Онъ взялъ подъ руку Перовскаго и, обращаясь къ великому князю, проговорилъ:—Замѣни, братъ, меня на сегодня,—и, совершенно не замѣчая графа Чернышова и его растеряннаго, поблѣднѣвшаго лица, вышелъ изъ манежа, по прежнему подъ руку съ Перовскимъ, посадилъ его съ собою въ коляску и повезъ во дворецъ... Въ тотъ же день вечеромъ, Перовскій, по приглашенію государя, переѣхалъ на жительство въ Петергофъ, гдѣ былъ въ это время дворъ, и ему были отведены во дворцѣ особые покои.

Такимъ образомъ, вознагражденъ былъ этотъ му-

жественный, гордый и даровитый человѣкъ за всѣ свои страданія и муки и за всѣ униженія, терпѣливо имъ вынесенныя. Въ лицѣ русскаго царя, нашелся единственный справедливый и милостивый судія дѣлъ и несчастій главнаго начальника экспедиціоннаго отряда, погибшаго въ неудачномъ походѣ въ Хиву *).

Болѣе двухъ дней императоръ Николай Павловичъ не отпускалъ отъ себя генерала Перовскаго ни на шагъ, какъ говорится: онъ внимательно распрашивалъ и выслушивалъ все, что касалось несчастнаго похода и его бѣдствій. Государь, по разсказамъ самого Перовскаго, былъ особенно сильно пораженъ и тронутъ до слезъ, когда бывшій главный начальникъ отряда сталъ передавать ему подробно о страшной ночи на 10-е февраля, когда во время бурана всѣ въ отрядѣ готовились къ смерти, и не стихни этотъ буранъ на другой день, на Эмбу не вернулся бы изъ «отдѣльной колонны» ни одинъ человѣкъ...

Государь самъ потребовалъ отъ Перовскаго, чтобы онъ немедленно сдѣлалъ общее представленіе къ наградамъ; при этомъ приказалъ ему представить буквально всѣхъ офицеровъ и генераловъ «и чтобы солдаты не были забыты»... Черезъ нѣсколько дней, представленіе это было сдѣлано и тотчасъ же утверж-

*) Въ Англіи военные авторитеты того времени отдавали, тоже, должную дань героизму Перовскаго въ его несчастномъ походѣ. Съ особеннымъ уваженіемъ относился къ нему знаменитый Веллингтонъ, восхищавшійся, именно, мужествомъ и самоотверженіемъ Перовскаго, какъ военачальника.

дено государемъ, поручившимъ Перовскому «лично передать его графу Чернышову для исполненія».

Боже мой, какъ согнулись тогда передъ Перовскимъ всѣ тѣ, которые такъ недавно отъ него отворачивались и старались даже совсѣмъ не узнавать его!.. А онъ, довольный и счастливый, словно помолодѣвшій на нѣсколько лѣтъ, скромно ходилъ по аллеямъ Петергофскаго парка, опустивъ на грудь свою курчавую голову и обдумывая новый походъ въ Хиву, настоятельную необходимость и неизбѣжность котораго онъ сознавалъ теперь болѣе, чѣмъ прежде. Но всѣ его попытки въ этомъ направленіи были графами Нессельроде и Чернышовымъ отклонены. Въ началѣ августа, у Перовскаго вновь открылась дурно залѣченная старая рана въ груди, и государь убѣдилъ его уѣхать лѣчиться за границу, пожаловавъ на эту поѣздку 20 тысячъ рублей (асс.).

XV.

Всеобщія награды.—Увольненіе отъ службы и смерть генерала Ціолковскаго.—Миссія капитана Никифорова въ Хиву и его смерть.—Трагическая кончина генерала Данилевскаго.—Генералы Молостовъ и Геке. — Подполковникъ Г. Н. Зеленинъ.—Назначеніе въ Оренбургъ генерала Обручева.—Вторичная служба генерала Перовскаго въ Оренбургскомъ краѣ. — Коканскій походъ и взятіе крѣпости Акъ-Мечети. — Возведеніе въ графское достоинство.—Смерть графа В. А. Перовскаго.

Вѣсти изъ Петербурга о ласковомъ и милостивомъ пріемѣ, оказанномъ генералу Перовскому государемъ, дошли до Оренбурга вмѣстѣ съ высочайшими прика-

зами о пожалованныхъ за походъ наградахъ: эти вѣсти привезъ штабсъ-капитанъ Никифоровъ, явившійся въ Оренбургъ уже въ чинѣ капитана и съ пожалованнымъ ему орденомъ св. Владимира 4-ой степени съ бантомъ. Эти вѣсти, равно какъ и пожалованныя награды, сильно порадовали и оживили совсѣмъ-было пріунывшихъ участниковъ похода, оставшихся еще въ живыхъ. Всѣ получили или ордена, или слѣдующіе чины и по годовому не въ зачетъ окладу жалованья; всѣмъ нижнимъ чинамъ были даны также денежныя награды, а юнкера и унтеръ-офицеры топографы были произведены въ прапорщики; даже генералъ-маіоръ Ціолковскій получилъ Анненскую звѣзду, хотя, спустя всего недѣлю послѣ этой награды, въ Оренбургѣ полученъ былъ высочайшій приказъ, коимъ Ціолковскій увольнялся отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ. Эта отставка, состоявшаяся безъ желанія и шюшенія жестокосердаго поляка, сильно оскорбила его самолюбіе: онъ въ слѣдующую же ночь выѣхалъ въ свое имѣніе, отстоящее 80 съ чѣмъ-то верстъ отъ Оренбурга. Тамъ онъ вновь принялся-было за прежнее, истязуя уже не солдатъ, а своихъ крѣпостныхъ людей; но они не въ силахъ были перенести звѣрскія жестокости этого злого человѣка, и спустя всего три недѣли по отъѣздѣ Ціолковскаго изъ Оренбурга, въ этотъ городъ пришло извѣстіе, что генералъ убитъ своими крѣпостными. Случилось это такъ.

Тотъ самый поваръ, котораго Ціолковскій наказывалъ во время экспедиціи чуть не ежедневно, рѣшился избавить крѣпостную дворню отъ злаго барина, ставшаго еще болѣе злымъ по пріѣздѣ въ деревню, вслѣдствіе своей невольной отставки. Для приведенія своего намѣренія въ исполненіе, поваръ выбралъ темный и теплый августовскій вечеръ. Въ домѣ были отворены всѣ окна. Ціолковскій сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и читалъ книгу, облокотившись головою на ладонь правой руки; пуля попала ему прямо въ високъ, такъ что онъ не пошевельнулся и даже не перемѣнилъ позы — какъ сидѣлъ, прислонившись къ письменному столу, такъ и остался. Поваръ, взглянувъ послѣ выстрѣла въ окно, и увидя, что баринъ не упалъ, вообразилъ, что промахнулся и бросился бѣжать; неподалеку отъ дома была картофельная яма, въ которой онъ и спрятался; тамъ онъ просидѣлъ до утра, пока мимо ямы шли на работу крестьяне и громко говорили о смерти барина. Услышавъ слово «смерть», поваръ догадался, что онъ не далъ промаха, вышелъ изъ ямы, прямо прошелъ въ домъ, гдѣ былъ уже становой приставъ, объявилъ ему о своей винѣ и спокойно отдался въ руки правосудія. Таковъ, значитъ, былъ страхъ предъ генераломъ Ціолковскимъ, что предстоящее повару наказаніе чрезъ палача, на эшафотѣ, было ничто въ сравненіи съ тѣми истязаніями, которымъ могъ подвергнуть виновнаго самъ Ціолковскій, если бы поваръ промах-

нулся. «Такимъ образомъ окончилъ свою жизнь этотъ варваръ рода человѣческаго», говорится въ имѣющихся у меня запискахъ подполковника Г. Н. Зеленина.

Остается сказать еще нѣсколько словъ, о другихъ дѣйствующихъ лицахъ нашего повѣствованія.

Капитанъ Никифоровъ былъ назначенъ, по рекомендаціи генерала Перовскаго, начальникомъ миссіи въ Хиву, отправленной туда въ 1841 г. Но онъ держалъ себя съ ханомъ Алла-Куломъ съ такимъ достоинствомъ, а по словамъ хивинцевъ «такъ гордо и дерзко», что не добился у нихъ ничего и уѣхалъ изъ Хивы въ Оренбургъ съ неподписаннымъ торговымъ договоромъ. Возвращаясь, затѣмъ, съ отчетомъ о своей неудачной миссіи въ Петербургъ, онъ заѣхалъ по дорогѣ къ своей старушкѣ-матери въ ея маленькое имѣньице, находившееся близъ Сызрани, и тамъ неожиданно умеръ отъ разрыва сердца.

Командиръ авангардной колонны полковникъ Даниловскій отправился въ Хиву въ слѣдующемъ 1842 г., во главѣ цѣлаго посольства, добился-таки отъ хана подписанія торговаго трактата, былъ произведенъ за это въ генералъ-маіоры и перешелъ на службу въ Петербургъ. Жизнь свою онъ окончилъ трагически. Будучи замѣчательно красивъ собою и имѣя всего 35 лѣтъ отъ роду, онъ страстно влюбился въ одну славянскую владѣтельную княжну и пользовался взаим-

ностью; но на бракъ этотъ не согласились ея родители и рѣшили увезти ее на родину. Въ осеннія сумерки, на первой же почтовой станціи отъ Петербурга къ Москвѣ, едва только заложили лошадей въ карету, въ которой ѣхало семейство княжны и она сама, какъ къ лошадямъ спереди подошелъ высокаго роста молодой генералъ и выстрѣлилъ себѣ въ ротъ. Лошади поднялись-было на дыбы, затѣмъ рванулись впередъ, и карета проѣхала по трупу уже скончавшагося Данилевскаго...

Генералъ-маіоръ Молоствовъ, воспротивившійся отступленію отряда съ Эмбы, былъ впослѣдствіи наказнымъ атаманомъ Оренбургскаго казачьяго войска; а полковникъ Геке, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, назначенъ былъ наказнымъ же атаманомъ Уральскаго казачьяго войска.

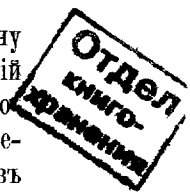
Ген.-лейт. Толмачевъ, погубившій окончательно свое здоровье во время экспедиціи, получилъ орденъ Бѣлаго Орла, полную пенсію и уѣхалъ къ себѣ на родину, въ Тамбовскую губернію.

Сошли въ могилу почти и всѣ остальные участники героическаго зимняго похода въ Хиву въ 1839 году, и въ настоящее время, по прошествіи болѣе полувѣка со времени этой экспедиціи, въ Оренбургѣ и его уѣздахъ находятся въ живыхъ нѣсколько лишь человѣкъ, которые весьма охотно и съ замѣчательною скромностію разсказываютъ о всѣхъ ужасахъ, выпавшихъ на ихъ долю въ Хивинскомъ походѣ.

Изъ унтеръ-офицеровъ топографовъ, бывшихъ въ отрядѣ совсѣмъ юношами, были живы еще (въ 1891 г.) два брата Зеленины, оба подполковники въ отставкѣ; старшій изъ нихъ, Георгій Николаевичъ, составившій краткія записки о зимнемъ походѣ въ Хиву, получаетъ шестисотъ-рублевую пенсію и настолько былъ бодръ и крѣпокъ, что служилъ безвозмездно членомъ мѣстнаго отдѣленія Крестьянскаго Поземельнаго Банка.

Вмѣсто генералъ-адъютанта Перовскаго, командиромъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса и военнымъ губернаторомъ былъ вскорѣ же назначенъ генералъ-лейтенантъ Обручевъ, оставившій по себѣ въ Оренбургѣ добрую память честнаго и вполнѣ доступнаго человѣка.

Залѣчивъ кое-какъ свою тяжелую турецкую рану за границей, генералъ-адъютантъ В. А. Перовскій вернулся въ Россію, и его вновь стало тянуть на Востокъ. Онъ горячо доказывалъ необходимость и неизбѣжность нашего поступательнаго движенія въ Среднюю Азію. Его благосклонно выслушивали, но не соглашались съ нимъ. Тѣмъ не менѣе, онъ все-таки добился учрежденія въ Оренбургѣ особаго генералъ-губернаторства и былъ первымъ генералъ-губернаторомъ, назначеннымъ на этотъ постъ. Въ это время, сосѣдніе съ нами владѣтели средне-азіатскихъ ханствъ вновь подняли головы и стали чинить нашимъ торговымъ людямъ всяческія обиды и притѣсненія. Дер-

зость ихъ особенно усилилась въ то время, когда они узнали, что единовѣрная имъ Турція находится съ нами въ войнѣ. Вслѣдствіе этого, въ 1853 году былъ предпринятъ генералъ-губернаторомъ В. А. Перовскимъ знаменитый Коканскій походъ, окончившійся для насъ полною побѣдою и взятіемъ сильной коканской крѣпости Акъ-Мечети, переименованной впослѣдствіи въ «Фортъ-Перовскій». За этотъ собственно походъ Перовскій и возведенъ былъ, въ 1855 г., въ графское достоинство.

Оренбургскимъ краемъ В. А. Перовскій управлялъ до половины 1856 года. Въ августѣ онъ уѣхалъ изъ Оренбурга въ Москву, на коронацію покойнаго Государя Александра Николаевича, и болѣе уже не возвратился въ излюбленный имъ край: годы, долгій плѣнъ, походы и раны сломили, наконецъ, желѣзный организмъ Перовскаго... Онъ, по совѣту врачей, уѣхалъ въ Крымъ, и тамъ, въ имѣніи князя Воронцова Алупкѣ, 8 декабря 1857 года, тихо скончался—одинокимъ какъ и жилъ. А такъ какъ онъ, предчувствуя свою скорую кончину, говорилъ, всего за недѣлю до смерти, окружающимъ, что радуется тому, что умираетъ вблизи Чернаго моря, постоянный шумъ и плескъ котораго ему такъ нравится, то его и похоронили въ извѣстномъ Георгіевскомъ монастырѣ, расположенномъ вблизи Севастополя, на отвѣсномъ берегу моря; мѣсто же для гроба графа Василія Алексѣевича Перовскаго было высѣчено въ скалѣ,

Отдѣл книгъ

омываемой у своего подножія волнами этого вѣчно неспокойнаго моря...

Эпилогъ.

Съ времени зимняго похода въ Хиву прошло 33 года. Въ Хивѣ и въ Россіи смѣнились правители: Хивою заправлялъ гордый Мухамедъ-Рахимъ-Богударъ-Ханъ, въ Россіи царствовалъ императоръ Александръ Николаевичъ. Но нравы руководителей хивинской политики и ихъ недоброжелательныя отношенія къ Россіи не измѣнились за это время къ лучшему; подущаемые иноземными совѣтниками, они, напротивъ, становились, годъ отъ году, хуже и хуже. Хивинцы не хотѣли признавать даже тѣхъ договоровъ, которые были, ранѣе, ими же самими подписаны. Когда мѣра русскаго долготерпѣнія, наконецъ, истощилась, предпринятъ былъ знаменитый походъ въ Хиву, подъ общимъ начальствомъ генералъ-адъютанта К. П. Кауфмана,—и вотъ, въ саду Хивинскаго хана, 2-го іюня 1873 года, произошла слѣдующая историческая сцена, которую мы, ради ея глубокаго интереса, и позволимъ себѣ привести здѣсь.

«Ханъ Мухамедъ-Рахимъ-Богударъ вернулся, наконецъ, въ Хиву и явился къ побѣдителю.

«Генералъ Кауфманъ принялъ его подъ вязами,

предъ своею палаткой. Здѣсь была платформа изъ кирпичей, устланная теперь коврами, уставленная стульями и столами. На этой-то платформѣ произошло первое свиданіе генерала Кауфмана съ ханомъ.

«Едва разнесся по Хивѣ слухъ о пріѣздѣ хана, всѣ собрались вокругъ генерала Кауфмана, интересуясь видѣть властелина, о которомъ слышали такъ много. Теперь онъ довольно смиренно въѣхалъ въ свой собственный садъ, сопровождаемый свитой человѣкъ въ двадцать; когда же подъѣхалъ къ концу коротенькой аллеи изъ молодыхъ тополей, ведущей къ палаткѣ генерала Кауфмана, то сошелъ со своего богато-убраннаго коня и пошелъ пѣшкомъ, снявъ свою высокую баранью шапку. Онъ поднялся на маленькую платформу, сидя на которой ему, вѣроятно, часто приходилось самому видѣть выраженія почтительнѣйшей покорности своихъ подданныхъ, и сталъ на колѣна предъ генераломъ Кауфманомъ, сидѣвшимъ на своемъ походномъ стулѣ... Затѣмъ, онъ отодвинулся немного дальше, не сходя однако съ платформы, покрытой, вѣроятно, его собственнымъ ковромъ, и остался на колѣняхъ.

«Ханъ человѣкъ лѣтъ тридцати, съ довольно пріятнымъ выраженіемъ лица, когда оно не отуманивается страхомъ, какъ въ настоящемъ случаѣ... У него красивые большіе глаза, слегка загнутый орлиный носъ, рѣдкая бородка и усы и крупный, чувственный ротъ. По виду, онъ мужчина очень крѣпкій

и могучій, ростомъ въ цѣлыхъ шесть футовъ и три дюйма, плечи его широки пропорціонально этой вышинѣ и, на взглядъ, вѣсу въ немъ должно быть никакъ не меньше шести, даже семи пудовъ. Одѣтъ онъ былъ въ длинный ярко-синій шелковый халатъ, на головѣ была высокая хивинская шапка. Смиренно сидѣлъ онъ, полу-стоя на колѣняхъ, предъ генераломъ Кауфманомъ, едва осмѣливаясь поднять на него глаза. Едва ли чувства хана были пріятнаго свойства, когда онъ очутился, такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, у ногъ Туркестанскаго генералъ-губернатора, славнаго «ярымъ-падишаха». Два человѣка эти представляли любопытный контрастъ: генералъ Кауфманъ ростомъ былъ чуть ли не на половину меньше хана, и въ улыбкѣ, скользившей по его лицу, когда онъ смотрѣлъ на сидящаго у его ногъ *русскаго историческаго врага*, сказывалась не малая доля самодовольства. Казалось, что трудно бы и подобрать болѣе рѣзкое олицетвореніе побѣды ума надъ грубою силой, усовершенствованнаго военнаго дѣла надъ первобытнымъ способомъ веденія войны, чѣмъ оно являлось въ этихъ двухъ мужчинахъ. Во времена рыцарства ханъ этотъ, со своею могучею фигурой великана, былъ бы чуть не полубогомъ; въ рукопашномъ бою онъ обратилъ бы въ бѣгство цѣлый полкъ, весьма вѣроятно былъ бы настоящимъ «Coeur de Lion»; а теперь самый послѣдній солдатъ въ русской арміи былъ, пожалуй, сильнѣе его.

— Такъ вотъ, ханъ,—сказалъ генералъ Кауфманъ, вы видите, что мы, наконецъ, и пришли васъ навѣстить, какъ я вамъ обѣщалъ это еще три года тому назадъ...

Ханъ.—Да, на то была воля Аллаха.

Генералъ Кауфманъ.—Нѣтъ, ханъ, вы сами были причиной этому. Если бы вы послушались моего совѣта три года тому назадъ и исполнили бы тогда мои справедливыя требованія, то никогда не видали бы меня здѣсь. Другими словами, если бы вы дѣлали то, что́ я вамъ говорилъ, то никогда бы не было на то воли Аллаха.

Ханъ. — Удовольствіе видѣть ярымъ-падишаха такъ велико, что я не могъ бы желать какой-нибудь перемѣны.

Генералъ Кауфманъ (смѣясь).—Могу увѣрить васъ, ханъ, что въ этомъ случаѣ удовольствіе взаимно... Но перейдемъ къ дѣлу. Что́ вы будете дѣлать? Что́ думаете предпринять?

Ханъ.—Я предоставляю это рѣшить вамъ, въ вашей великой мудрости. Мнѣ же остается пожелать одного—быть слугой великаго Бѣлаго Царя.

Генералъ Кауфманъ.—Очень хорошо. Если хотите, вы можете быть не слугой его, а другомъ. Это зависитъ отъ васъ однихъ. Великій Бѣлый Царь не желаетъ свергать васъ съ престола: онъ только хочетъ доказать, что онъ достаточно могущественъ, чтобы можно было оказывать ему пренебреженіе, и въ этомъ,

надѣюсь, вы теперь достаточно убѣдились. Великій Бѣлый Царь слишкомъ великъ, чтобы вамъ мстить. Показавъ вамъ свое могущество, онъ готовъ теперь простить васъ и оставить по прежнему на престолѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, о которыхъ мы съ вами, ханъ, поговоримъ въ другой разъ.

Ханъ.—Я знаю, что дѣлалъ очень дурно, не уступая справедливымъ требованіямъ русскихъ, но тогда я не понималъ дѣла, и *мнѣ давали дурные совѣты;* впередъ я буду лучше знать, что дѣлать. Я благодарю великаго Бѣлаго Царя и славнаго ярымъ-падишаха за ихъ великую милость и снисхожденіе ко мнѣ и всегда буду ихъ другомъ» *).

Сцена эта вознаграждала Россію за все: за гибель отряда князя Бековича-Черкасскаго, за оскорбленія, чинимыя нашимъ посламъ, за захватъ и тяжкую неволю русскихъ подданныхъ, за грабежи торговыхъ каравановъ, словомъ *за все*—даже за неудачу зимняго похода 1839 года...

---

*) „Военныя дѣйствія на Оксусѣ и паденіе Хивы", сочиненіе Макъ-Гахана. Лондонъ, 1874 года („Русскій Вѣстникъ", 1875 г.).

ПОСОЛЬСТВО ВЪ ХИВУ

ВЪ 1842 Г.

По разсказамъ и запискамъ очевидцевъ.

Матеріалами для настоящей статьи послужили записки проживавшаго въ Оренбургѣ, нынѣ покойнаго, подполковника Г. Н. Зеленина, а равно и устные разсказы двухъ казаковъ, бывшихъ въ конвоѣ, сопровождавшемъ наше посольство въ Хиву въ 1842 году. Посольство это было первою дипломатическою попыткою съ русской стороны къ сближенію съ Хивою,—и лица, составлявшія посольство, имѣли полную возможность присмотрѣться къ внутреннимъ распорядкамъ ханства, существовавшимъ тамъ болѣе полвѣка назадъ. Ни въ оффиціальномъ описаніи путешествія и занятій этой «миссіи»—какъ названо было это посольство на дипломатическомъ языкѣ министерства иностранныхъ дѣлъ,—описаніи, составленномъ коллежскимъ регистраторомъ Григорьевымъ, ни въ

появившейся впослѣдствіи, въ одномъ изъ спеціальныхъ военныхъ журналовъ, краткой статьѣ объ этомъ посольствѣ нѣтъ тѣхъ чрезвычайно интересныхъ и характерныхъ подробностей, которыя мнѣ довелось встрѣтить въ запискахъ покойнаго Зеленина и услышать устно—какъ отъ него самаго, такъ равно и отъ другихъ участниковъ посольства, во время моего проживанія въ 1889 и 1890 гг. въ Оренбургѣ.

I.

Миссія въ Хиву капитана Никифорова и его біографія.—Неудача этой миссіи.—Смерть Никифорова.—Отправка изъ Хивы сановника Набіева и его поѣздка въ Петербургъ.—Отказъ Набіева вступить въ переговоры.—Состоявшееся въ Петербургѣ рѣшеніе—отправить новое посольство въ Хиву.

Несчастный походъ въ Хиву въ 1717 году князя Бековича-Черкасскаго, погибшаго со всѣмъ своимъ отрядомъ, и почти столь же несчастная участь отряда генералъ-адъютанта В. А. Перовскаго въ 1839 году сдѣлали Хиву какъ бы заколдованною и недоступною для русскаго оружія. Въ правящихъ сферахъ Петербурга явилось убѣжденіе, что взять Хиву военною силою очень трудно и почти невозможно, именно вслѣдствіе ея отдаленности, а главное, безводности окружающихъ ее песчаныхъ пустынь... Рѣшено было, поэтому, перейти на мирную почву и начать съ этимъ ханствомъ дипломатическія сношенія, отправивъ въ Хиву уполномоченное и довѣренное лицо для личныхъ переговоровъ съ самимъ ханомъ Алла-Куломъ. Выборъ палъ на капитана генераль-

наго штаба Никифорова, недавняго участника неудачнаго похода въ Хиву. Объ этомъ офицерѣ будетъ не лишнимъ сказать предварительно нѣсколько словъ.

Капитанъ П. А. Никифоровъ, какъ я уже говорилъ въ моей первой статьѣ «Зимній походъ въ Хиву», находился за все время этого похода при генералѣ Перовскомъ, былъ его правою рукою и de facto начальникомъ штаба. Главное, чѣмъ дорожилъ генералъ Перовскій въ Никифоровѣ, это былъ его слогъ: онъ такъ хорошо владѣлъ перомъ, что никто, кромѣ него, не могъ въ этомъ отношеніи угодить молодому и немножко капризному начальнику; перу же Никифорова принадлежали и всѣ представленія въ Петербургъ о необходимости похода на Хиву. За этотъ походъ Никифоровъ былъ произведенъ (въ 1840 г.) въ капитаны и получилъ Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ. Наружность у Никифорова была также очень замѣчательная и характерная: онъ былъ небольшого роста, широкоплечій и чрезвычайно подвижной; при этомъ онъ такъ быстро выражалъ свои мысли, то есть такъ скоро говорилъ, что на первыхъ порахъ весьма лишь немногіе могли понимать его рѣчь. Главное же, что поражало всѣхъ въ наружности Никифорова,—были «его огненные глаза, которые такъ и сыпали искрами», по картинному выраженію Зеленина въ его «Запискахъ»; многіе военные того времени, хорошо знав-

шіе по Петербургу поэта Лермонтова, находили, что «огненные глаза» Никифорова были совершенно схожи съ его глазами. Вотъ этотъ-то человѣкъ и былъ посланъ въ Хиву, къ гордому хану Алла-Кулу, въ качествѣ особо-уполномоченнаго лица для переговоровъ.

Съ капитаномъ Никифоровымъ было послано въ Хиву очень ограниченное количество спутниковъ: съ нимъ отправились двое топографовъ унтеръ-офицерскаго званія, Петровъ и Челпановъ, для съемокъ, если удастся ихъ сдѣлать въ-тайнѣ отъ хивинцевъ, караванъ-баша и 12 человѣкъ уральскихъ казаковъ при урядникѣ. Эта импровизованная «миссія» отправилась изъ Оренбурга въ Хиву въ августѣ мѣсяцѣ 1841 года. Къ сожалѣнію, не осталось почти никакихъ письменныхъ слѣдовъ о томъ, какъ добрались эти люди до Хивы и что тамъ сдѣлали... Дѣло въ томъ, что, окончивъ свою миссію и благополучно вернувшись въ Оренбургъ, Никифоровъ приступилъ было къ составленію отчета, но, по распоряженію военнаго министра, былъ вызванъ въ Петербургъ лично; по дорогѣ туда онъ заѣхалъ къ своей старушкѣ-матери, въ ея имѣніе близъ Сызрани, и тутъ неожиданно умеръ отъ разрыва сердца. Послѣ его смерти, изъ Оренбурга распорядились, конечно, сейчасъ же забрать всѣ его бумаги и переписку, но въ нихъ не оказалось ничего толковаго и яснаго, такъ какъ ни по дорогѣ въ Хиву, ни на обратномъ пути Никифо-

ровъ, изъ опасенія, чтобы его бумаги не попали въ руки къ хивинцамъ, не велъ ни дневника, ни какихъ-либо другихъ систематическихъ путевыхъ записокъ; у него оказались лишь отрывочныя замѣтки, писанныя карандашомъ, на клочкахъ бумаги и, вдобавокъ, ни для кого не понятнымъ шрифтомъ, такъ что не довелось воспользоваться и этими отрывочными свѣдѣніями. Только отъ спутниковъ Никифорова, топографовъ Петрова и Челпанова, удалось узнать, что наша миссія не имѣла въ Хивѣ никакого успѣха, отчасти вслѣдствіе дерзкаго обхожденія Никифорова съ министрами хана, къ которымъ онъ въ первое же съ ними свиданіе держалъ черезъ переводчика такую рѣчь:

«Вы должны прилипнуть къ Россіи, какъ рубашка къ тѣлу, потому что Россія такая бо́льшая держава, что если упадетъ на васъ, то раздавитъ совершенно—такъ же, какъ моя обувь давитъ мелкихъ козявокъ на дорогѣ» и т. д. въ томъ же родѣ.

Такое краснорѣчіе не могло, конечно, особенно понравиться министрамъ Хивы, тѣмъ болѣе, что они находились еще въ чаду славы отъ неудавшагося зимняго похода Перовскаго; поэтому министры, хотя и приняли предложенные имъ подарки и вели не мало разговоровъ съ Никифоровымъ, но ни въ какія письменныя обязательства не пожелали вступить, и онъ вынужденъ былъ уѣхать изъ Хивы почти ни съ чѣмъ. Единственнымъ, впрочемъ, результатомъ этой миссіи

было отправленіе къ намъ изъ Хивы, вмѣстѣ съ Никифоровымъ, особаго посольства подъ начальствомъ сановника Вансвая Набіева со свитою въ 16 человѣкъ.

О прибытіи этого посольства въ Оренбургъ было донесено министру иностранныхъ дѣлъ, графу Нессельроде; на это послѣдовало высочайшее повелѣніе— отправить посла съ его свитою въ Петербургъ, для чего и было ассигновано на путевыя издержки двѣ тысячи рублей.

10-го марта посолъ Набіевъ прибылъ въ Петербургъ и вскорѣ былъ представленъ ко двору. Императоръ Николай принялъ посла довольно милостиво и обласкалъ его. Почти два мѣсяца пробыло это посольство въ Петербургѣ, дивясь на невиданныя имъ дотолѣ зданія, корабли и многія другія чудеса русской столицы. Вступить же съ посломъ въ какіе-либо серьезные переговоры оказалось невозможнымъ, такъ какъ онъ ссылался на то, что, безъ предварительнаго доклада сути переговоровъ своему повелителю, хивинскому хану, онъ не можетъ согласиться ни на что; посылать же проектъ договора въ Хиву и ждать оттуда отвѣта было, при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ и телеграфа, немыслимо; поэтому посольство это отправилось 9-го мая обратно въ Оренбургъ (и Хиву), одаренное различными подарками—часами, тонкимъ сукномъ, дорогимъ бархатомъ и атласомъ, и проч.

Такъ какъ посолъ Набіевъ заявилъ все-таки, что

Хива была бы не прочь заключить желаемый Россіею формальный договоръ, то въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и рѣшено было снарядить въ Хиву особое посольство съ подробными полномочіями на предметъ заключенія съ хивинскими правителями торговаго и мирнаго трактата. Посольство это положено было отправить въ Хиву вмѣстѣ съ возвращавшимся туда посломъ Набіевымъ, для чего и велѣно было удержать послѣдняго въ Оренбургѣ нѣкоторое время, впредь до окончательнаго снаряженія нашего посольства.

Въ то время оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и завѣдывающимъ гражданскою частью былъ генералъ Обручевъ, человѣкъ честный и доступный, но крайне медлительный; ему потребовалось почти три мѣсяца на снаряженіе назначеннаго посольства.

II.

Составъ новаго посольства въ Хиву и его снаряженіе.—Полковникъ Данилевскій.—Инструкціи, данныя посольству.—Подарки.—Выступленіе посольства изъ Оренбурга.—Первая аудіенція у хана Алла-Кула.—Исторія съ каретой.—Посѣщеніе министровъ и сдѣланные имъ подарки.—Второй пріемъ у хана.—Умышленное затягиваніе переговоровъ.—Смерть Алла-Кула и воцареніе новаго хана.

Во главѣ нашего посольства въ Хиву былъ поставленъ, по рекомендаціи генерала В. А. Перовскаго, полковникъ Данилевскій, человѣкъ вполнѣ до-

стойный своего высокаго назначенія и того довѣрія, которое было оказываемо ему въ данномъ случаѣ. Въ бывшемъ зимнемъ походѣ въ Хиву онъ былъ командиромъ авангарднаго отряда генерала Перовскаго и былъ однимъ изъ немногихъ начальствующихъ лицъ, не потерявшихъ энергіи, мужества и распорядительности въ этомъ трагическомъ походѣ; по окончаніи его подполковникъ Данилевскій былъ произведенъ въ полковники и получилъ Владиміра 4-й степени съ мечами.

Кромѣ полковника Данилевскаго, въ составъ посольства вошли слѣдующія лица: два офицера корпуса военныхъ топографовъ, братья Зеленины, произведенные въ офицеры за хивинскій походъ, въ которомъ они участвовали, «натуралистъ» Базинеръ, письмоводитель (онъ же и личный секретарь Данилевскаго), коллежскій регистраторъ Григорьевъ, взятый изъ «пограничной комиссіи», переводчикъ, караванъ-баша и 20 казаковъ подъ начальствомъ хорунжаго Киличенкова. Кромѣ того, изъ Оренбурга было взято пять чѣловѣкъ киргизовъ испытанной вѣрности и ловкости, хорошо знавшихъ степь и не разъ уже побывавшихъ въ Хивѣ. При посольствѣ было 40 верблюдовъ и 35 лошадей, изъ коихъ 28 были подъ казаками и чиновниками, 5 у киргизовъ, а 2 лошади были выѣздныя—подъ карету-ландо, которую везли въ подарокъ хану. Къ этому каравану полковника Данилевскаго присоединился въ

Оренбургѣ приказчикъ купца Пичугина, Бочаровъ, бывавшій ранѣе въ Хивѣ съ товарами же и порядочно говорившій по-хивински. Этотъ смѣлый русскій человѣкъ и теперь ѣхалъ въ Хиву съ нѣсколькими верблюдами, нагруженными различными товарами, принадлежащими его хозяину.

Посольству полковника Данилевскаго было ассигновано на расходы 5 тысячъ червонцевъ; въ томъ числѣ: 700 на подарки и 989 на экстраординарные расходы, то есть на взятки хивинскимъ министрамъ и чиновникамъ; остальные 3,311 червонцевъ назначались, слѣдовательно, на всѣ путевые и прочіе расходы посольства. Кромѣ денегъ полковнику Данилевскому были вручены также многіе подарки: для самого хана—вышеупомянутая карета-ландо съ откидным верхомъ, пара прекрасныхъ упряжныхъ англійскихъ лошадей съ серебряною вызолоченною сбруей, дорогіе бронзовые подсвѣчники для тумбъ (бра), особаго устройства часы *), органъ, два куска

*) Часы эти были столовые, прекрасной шварцвальдской работы, подъ стекломъ. Во все время хода, въ такгъ маятника, качались находившіяся надъ часами двѣ маленькія птички, а во время боя выскакивала изъ верхней форточки обыкновенная кукушка. Ханъ былъ, говорятъ, сильно удивленъ замысловатымъ механизмомъ часовъ, и, убѣжденный, что это выскакиваетъ „шайтанъ“, велѣлъ „спрятать подальше“ этотъ подозрительный русскій подарокъ. Вторые такіе же часы, но уже безъ колпака, который въ дорогѣ разбился, были привезены для наслѣдника хивинскаго престола, но не могли, пока, быть переданы по назначенію, такъ какъ наслѣдникъ этотъ проживалъ въ Хазараспѣ, въ 90 верстахъ отъ Хивы.

лионскаго бархата и два же куска атласа. Для министровъ и другихъ важныхъ чиновниковъ Хивы было взято нѣсколько золотыхъ часовъ, сукно, бархатъ и атласъ и нѣсколько десятковъ головъ сахара — подарка, особенно цѣнимаго и любимаго хивинцами.

Отправляя полковника Данилевскаго въ Хиву, наше правительство поручило ему укрѣпить, прежде всего, наше нравственное вліяніе на хивинцевъ и въ то же время ослабить вліяніе Хивы на нашу киргизскую степь; затѣмъ, на Данилевскаго возлагалась обязанность передѣлать и точнѣе опредѣлить нашу южную границу съ Хивою (по рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ), а также по сѣверному берегу Арала и сѣверному же склону Усть-Урта. Кромѣ того, въ гласной инструкціи, данной полковнику Данилевскому, предлагалось выхлопотать у хана Алла-Кула право держать въ Хивѣ постояннаго русскаго агента, а также добиться у хивинцевъ освобожденія изъ плѣна персидскихъ невольниковъ, число которыхъ доходило въ то время до 1,500 человѣкъ, и составить, главное, формальный торговый договоръ съ Хивою, ограждающій наши купеческіе караваны отъ нападеній туркменовъ и предоставляющій русскимъ купцамъ право свободно торговать по всей Хивѣ. На Данилевскаго было возложено въ то же время и еще одно порученіе, секретное, выраженное ему словесно въ самый день выѣзда его изъ Оренбурга: ему поручено было сдѣлать военно-топографическую съемку не только

того пути въ Хиву, по которому онъ пойдетъ, но въ возможной мѣрѣ и самой Хивы, и окружающихъ ее городовъ и оазисовъ; для этого въ свиту Данилевскаго и были даны топографы, два брата Зеленины, офицеры испытанной опытности и смѣтливости.

Только 1-го августа 1842 года посольство это, сопутствуемое возвращавшимся въ Хиву сановникомъ хана Набіевымъ и его свитою, выступило наконецъ изъ Оренбурга... Дорогою шли безъ дневокъ и продолжительныхъ роздыховъ, и въ половинѣ сентября безъ всякихъ особыхъ приключеній добрались до Хивы; шли на Эмбу, Усть-Уртъ и вдоль западнаго берега Аральскаго моря. Въ предѣлы ханства вступили послѣ сорока-трехъ-дневнаго безостановочнаго похода и были встрѣчены на самой границѣ охраннымъ конвоемъ, высланнымъ изъ Хивы; 19-го же октября посольство съ своимъ караваномъ прошло чрезъ самый городъ Хиву и остановилось въ небольшомъ ханскомъ «дворцѣ», выстроенномъ въ саду на окраинѣ города и состоящемъ всего изъ нѣсколькихъ неважныхъ комнатъ; садъ былъ обнесенъ довольно высокою каменною стѣною.

Гордый хивинскій ханъ Алла-Кулъ принялъ полковника Данилевскаго не сразу: подъ разными благовидными предлогами онъ оттягивалъ аудіенцію... Наконецъ, 30-го октября, нашъ посолъ въ сопровожденіи переводчика и побывавшаго въ Петербургѣ сановника Набіева былъ принятъ ханомъ. Мехтеръ

(главный министръ, онъ же и военный) представлялъ хану членовъ посольства по старшинству, называя ихъ чины и фамиліи. Пріемъ нашему послу былъ оказанъ гордый и холодный: ханъ, хотя и пригласилъ полковника Данилевскаго сѣсть, но даже не взглянулъ на преподнесенные ему подарки и не пожелалъ подойти къ окну, чтобы увидѣть стоявшую у подъѣзда карету *), запряженную прекрасными англійскими лошадьми въ блестящей сбруѣ. Черезъ переводчика ханъ сказалъ лишь Данилевскому, что онъ «соглашается» вести переговоры, но не сейчасъ,

*) Съ этой каретой-ландо вышло маленькое недоразумѣніе Полковникъ Данилевскій, огорченный холоднымъ пріемомъ хана, забылъ приказать своему конюху, доставившему карету къ ханскому дворцу, чтобы онъ объяснилъ и показалъ бы „шталмейстеру“ хана, какъ снимается и откидывается верхъ кареты, въ закрытый же со всѣхъ сторонъ экипажъ ни ханъ, ни его жены не рѣшались сѣсть . Въ карету садились лишь дѣти хана и катались по двору, но экипажъ при этомъ едва-едва двигался— по слѣдующей смѣшной причинѣ: когда въ день представленія посольства карету привезли на ханскій дворъ и остановили у крыльца, то нашъ конюхъ изъ опасенія, что лошади не будутъ спокойно стоять, взялъ и затормозилъ колесо, а потомъ, когда сдалъ карету и пошелъ домой, не снялъ тормоза и ничего не сказалъ объ этомъ хивинцамъ, а они сами не догадались этого сдѣлать... Чтобы карета шла легче и быстрѣе, хивинскіе конюхи запрягали въ нее уже своихъ лошадей— по десяти и болѣе штукъ, но карета, тѣмъ не менѣе, не двигалась все-таки скорѣе .. Послѣ уже, когда хивинцу, кучеру хана, объяснили значеніе тормоза и показали, какъ надо откидывать верхъ, ханъ сѣлъ въ открытый, такимъ образомъ, экипажъ и торжественно проѣхалъ въ немъ по городу, при чемъ все населеніе Хивы высыпало на улицы смотрѣть на невиданный кортежъ

а «подумаетъ»... что онъ пришлетъ къ полковнику Данилевскому своихъ уполномоченныхъ и дастъ знать ему также о времени, когда можетъ принять его вторично.

Нѣсколько дней спустя, къ полковнику Данилевскому явились дѣйствительно хивинскіе министры, въ количествѣ восьми человѣкъ; пріѣхали они къ Данилевскому, какъ сами заявили, «въ гости», а не по дѣламъ; это означало: преподнеси «гостямъ» подарки... Они ѣхали верхами, имѣя каждый позади себя на той же лошади углана, мальчика лѣтъ 10—12-ти; министръ входилъ въ домъ, а мальчикъ соскакивалъ съ лошади, привязывалъ ее и затѣмъ, подавалъ своему господину кальянъ и вообще прислуживалъ ему. Усѣлись всѣ на полу, на коврахъ и подушкахъ, и началось угощеніе; подали прежде всего чай, налитый въ стаканы, привезенные Данилевскимъ съ собою и незнакомые вовсе хивинцамъ, которые поэтому и не знали, какъ пить изъ нихъ, и лишь жгли себѣ руки... Данилевскій, впрочемъ, нашелся: онъ взялъ свой стаканъ и налилъ изъ него чай въ блюдце; глядя на него, то же самое сдѣлали и господа министры *).

*) Въ послѣдующіе пріѣзды въ наше посольство министровъ, стаканы были замѣняемы для нихъ обыкновенными чайными чашками, которыя нашлись въ продажѣ у торговца Бочарова, имѣвшаго рѣшительно все, что требовалось азіатамъ — ситцы, трубки, чай и сахаръ, бусы, ножи, и проч. Мальчикамъ, со-

По окончаніи чая, поданы были фрукты и сласти; затѣмъ каждому изъ министровъ даны были подарки—по дорогому шелковому халату, по куску сукна, по кинжалу въ серебряной оправѣ кавказской работы, по фунту чая и по небольшой фунтовъ въ десять, головѣ сахара. Подарки дѣлались не вдругъ, а съ антрактами, во время чаепитія и угощенія лакомствами. Послѣдній подарокъ, то-есть сахаръ, понравился, очевидно, болѣе всего; ко всѣмъ первымъ подаркамъ министры относились съ обычною флегмою восточныхъ человѣковъ; но какъ только поставили около каждаго изъ нихъ по головѣ сахара, то они защелкали языками въ знакъ ообаго удовольствія и поднялись съ мѣста,—что значило: мы получили, чего ожидали, и вполнѣ довольны на этотъ разъ... Сахаръ въ то время былъ въ Хивѣ большою рѣдкостью и продавался едва ли не на вѣсъ серебра; къ тому же, изъ всѣхъ подарковъ, сдѣланныхъ гостямъ, это былъ единственный, который они могли преподнести своимъ женамъ въ гаремахъ.

Спустя нѣсколько дней, полковникъ Данилевскій, въ сопровожденіи переводчика, обоихъ братьевъ Зелениныхъ, хорунжаго Кипиченкова и натуралиста

провождавшихъ министровъ, чай подавался сначала въ фаянсовыхъ же чашкахъ; но такъ какъ они по окончаніи чая прятали каждый разъ эти чашки за пазуху, то имъ стали подавать чай въ простыхъ глиняныхъ чашкахъ мѣстнаго издѣлія, продававшихся на базарѣ въ Хивѣ.

Базинера, отдалъ визитъ хивинскимъ министрамъ и принялъ ихъ угощеніе; впрочемъ, угощеніе это было очень скромное: чай, который подавался безъ сахара, и сушеные фрукты... сахару же дали въ самомъ концѣ, по нѣсколько кусковъ каждому гостю.

10-го ноября ханъ принялъ полковника Данилевскаго вторично и уже болѣе ласково; но, ссылаясь на свою болѣзнь, сказалъ, что разговаривать о дѣлахъ онъ пока не находитъ возможнымъ и поручаетъ это своимъ министрамъ, подъ предсѣдательствомъ мехтера. Вслѣдствіе этого, гг. министры стали навѣщать полковника Данилевскаго все чаще, и каждый разъ ихъ надо было надѣлять подарками, а между тѣмъ о дѣлѣ они говорили мало и неохотно... Данилевскій сталъ тревожиться прежде всего за то, хватитъ-ли у него подарковъ для министровъ хана, если они станутъ умышленно затягивать и откладывать переговоры. Эти опасенія онъ высказалъ сопровождавшимъ его лицамъ, и на общемъ совѣтѣ рѣшено было приступить въ первое же свиданіе съ министрами хана къ письменному составленію проекта договора Россіи съ Хивою. Между тѣмъ, министры прекратили свои посѣщенія, что еще болѣе встревожило наше посольство... Вдругъ, 23-го ноября, по городу Хивѣ распространился слухъ, что ханъ Алла-Кулъ умеръ (нѣсколько дней назадъ), и что въ Хивѣ царствуетъ уже другой ханъ...

Воцареніе это совершилось тайно, по слѣдующимъ

причинамъ. Какъ только ханъ Алла-Кулъ испустилъ духъ, то главный министръ, мехтеръ, распорядился тотчасъ же послать гонца въ Хазараспъ, къ старшему сыну хана, наслѣднику престола, чтобы онъ немедленно прибылъ въ столицу Хивы, для вступленія на престолъ; самую же смерть хана мехтеръ сохранялъ пока въ глубокой тайнѣ, о которой знало во дворцѣ лишь нѣсколько человѣкъ; остальные же считали хана тяжко больнымъ, но еще не умершимъ. Мехтеръ опасался, чтобы дяди наслѣдника, родные братья умершаго хана, узнавъ о его смерти, не вздумали до прибытія законнаго наслѣдника захватить престолъ въ свои руки и не начали бы изъ-за этого рѣзни, что не разъ бывало уже въ Хивѣ ранѣе, когда нѣсколько претендентовъ начинали оспаривать другъ у друга право на вакантный хивинскій престолъ. На этотъ разъ удалось предотвратить распри: наслѣднаго принца привезли въ Хиву ночью, воцарили и только на другой день, утромъ, объявили народу о смерти бывшаго хана и о воцареніи новаго. Но и послѣ этого въ теченіе цѣлаго мѣсяца стража въ двѣсти человѣкъ отборныхъ туркменъ-іомудовъ охраняла ворота въ крѣпость, гдѣ находился дворецъ хана; воротъ этихъ было двое и караулъ раздѣлялся на двѣ половины.

III.

Ухудшеніе дѣлъ посольства и злодѣйскій умыселъ хивинцевъ.—Сергѣй-ага.—Рѣшимость посольства защищаться до послѣдняго человѣка.—Находчивость и мужество полковника Данилевскаго и спасеніе посольства.—Окончаніе переговоровъ и подписаніе мирнаго трактата.

При новомъ ханѣ дѣла русскаго посольства пошли еще хуже. Начать съ того, что новый ханъ долго, подъ разными благовидными и неблаговидными предлогами, отказывался принять полковника Данилевскаго; наконецъ, когда принялъ, то не пригласилъ сѣсть и вообще держалъ себя во время аудіенціи еще болѣе холодно и гордо, чѣмъ его предшественникъ. Однако всѣ преподнесенные ему подарки принялъ*).

Съ тѣхъ поръ члены русскаго посольства стали замѣчать, что отношенія къ нимъ хивинцевъ круто измѣнились къ худшему: всѣ и вездѣ, начиная отъ встрѣчавшихся иногда министровъ и оканчивая торговцами на базарѣ, стали поглядывать на русскихъ враждебно и косо, а иногда и прямо задирать ихъ, явно вызывая на ссору... Отношенія, такимъ образомъ, обострялись все болѣе и болѣе и положеніе посольства становилось тяжелымъ и, видимо, опаснымъ:

*) Между этими подарками были и шварцвальдскіе столовые часы съ тѣмъ же самымъ затѣйливымъ механизмомъ, съ двумя птичками и кукушкой, которые были преподнесены умершему хану (только безъ стекляннаго, разбитаго уже колпака).

что могли подѣлать эти несчастные тридцать человѣкъ русскихъ людей, находящіеся за нѣсколько тысячъ верстъ отъ своей родины, отдѣленные отъ нея едва проходимыми сыпучими песками и окруженные десятками тысячъ дикаго и крайне враждебнаго имъ племени?!..

Но Провидѣнію не угодно было допустить гибели горсти этихъ отважныхъ русскихъ людей, и они были спасены.

Однажды, вечеромъ, къ занимаемому посольствомъ «дворцу» подъѣхалъ верхомъ, безъ мальчика, «министръ артиллеріи» хивинской, Сергѣй-ага, котораго Данилевскій видѣлъ въ ханскомъ дворцѣ во время пріема, и о которомъ говорили, что онъ будто служилъ ранѣе въ нашемъ войскѣ. Оставивъ лошадь казаку, онъ вошелъ въ помѣщеніе, занимаемое Данилевскимъ и пожелалъ ему «здравія» на чистомъ русскомъ языкѣ... Затѣмъ, оставшись съ Данилевскимъ съ глазу на глазъ, онъ сообщилъ подъ большимъ секретомъ, что какъ самому Данилевскому, такъ и всему его посольству до послѣдняго человѣка предстоитъ въ самомъ скоромъ времени участь отряда князя Бековича-Черкасскаго; что въ засѣданіи «военнаго совѣта», подъ предсѣдательствомъ самого хана, рѣшено истребить посольство; что противъ этого рѣшенія были только два голоса: его, Сергѣя-аги, и мехтера, военнаго министра, и что только поэтому приведеніе замысла въ исполненіе отложено на нѣко-

торое время, впредь до новаго засѣданія по этому дѣлу... Ни способовъ спасенія, ни совѣтовъ Сергѣй-ага не указалъ и не далъ Данилевскому, да и не могъ дать безъ риска собственной жизнью; онъ лишь торопился уѣхать отъ Данилевскаго какъ можно скорѣе и не замѣченнымъ... Уходя, онъ сообщилъ о томъ, что онъ дѣйствительно русскій, служилъ на Кавказѣ въ артиллеріи фейерверкеромъ, убилъ, не стерпѣвъ обиды, батарейнаго командира и успѣлъ убѣжать въ горы, къ черкесамъ; оттуда, опасаясь, что его все-таки возьмутъ когда-нибудь, ушелъ въ Персію, а затѣмъ въ Хиву *).

Получивъ отъ Сергѣя-аги такое важное сообщеніе и имѣя многія основанія ему вѣрить, полковникъ Данилевскій тотчасъ же пригласилъ всѣхъ своихъ спутниковъ на совѣтъ. Рѣшено было прежде всего изготовиться къ возможной оборонѣ и защищаться до послѣдней капли крови, отнюдь не отдаваясь въ плѣнъ,

*) Впослѣдствіи члены посольства узнали о своемъ спасителѣ слѣдующія свѣдѣнія. Явившись въ 1830 г. въ Хиву, Сергѣй-ага исправилъ хивинцамъ всѣ орудія Бековича-Черкасскаго, устроилъ къ нимъ новые лафеты и передки, отлилъ ядра и, пользуясь полученнымъ отъ англичанъ порохомъ, имѣлъ огромный успѣхъ и рѣшающее значеніе въ недавней войнѣ Хивы съ Бухарою, за что и вошелъ въ особую милость къ бывшему хану Алла-Кулу, назначившему его „министромъ артиллеріи“, т. е. командиромъ той маленькой батареи, которую онъ сформировалъ изъ лежавшихъ безъ употребленія болѣе ста лѣтъ пушекъ, захваченныхъ отъ измѣннически истребленнаго отряда Черкасскаго. Сергѣй-ага женился въ Хивѣ сначала на плѣнной русской дѣвушкѣ, взятой киргизами подъ Оренбургомъ; а потомъ, когда она умерла,

такъ какъ всѣ хорошо знали, что, взявъ кого-нибудь живьемъ, хивинцы все равно потомъ убьютъ плѣнаго, подвергнувъ его предварительно самымъ жесточайшимъ мученіямъ, которыя только они способны будутъ придумать. Изъ членовъ посольства не доставало лишь одного офицера-топографа Зеленина 1-го, который, переодѣвшись въ простое платье, уѣхалъ съ торговцемъ Бочаровымъ за Хиву, къ оазисамъ, для выполненія секретнѣйшаго и крайне рискованнаго порученія, возложеннаго на него Данилевскимъ, именно для топографическихъ съемокъ путей и мѣстностей, окружающихъ городъ Хиву, а также и другихъ меньшихъ городовъ ханства; за Зелениным тотчасъ же былъ посланъ нарочный киргизъ изъ числа бывшихъ при посольствѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, полковникъ Данилевскій рѣшилъ обратиться прямо къ мехтеру, какъ къ главному «министру» Хивы и человѣку, на сочувствіе

то ханъ въ знакъ особаго своего благоволенія, далъ ему въ жены кровную хивинку хорошей фамили; это была еще не виданная честь въ Хивѣ, такъ какъ всѣмъ плѣннымъ, невольникамъ и вообще нехивинцамъ, давали обыкновенно въ жены плѣнныхъ персіянокъ или русскихъ, покупаемыхъ отъ оренбургскихъ киргизовъ. Въ Хивѣ Сергѣ-ага жилъ хорошо: онъ самъ устроилъ себѣ въ городѣ русскую избу (только не изъ бревенъ, а изъ камня) съ лавками, палатями и русскою печью; въ углу у него висѣли иконы, привезенныя ему изъ Оренбурга, по его приказу, бухарскими купцами; онъ даже самъ водку гналъ изъ винограда .. Этою водкой и русскими же пирогами съ начинкой онъ не разъ потомъ, заѣзжая въ посольство, потчевалъ „господъ офицеровъ“, а также и конвойныхъ казаковъ.

котораго, по разсказу Сергѣя-аги, можно было разсчитывать, не показывая ему однако и виду, что посольство уже предупреждено объ опасности.

На другой же день послѣ посѣщенія Сергѣя-аги, рано утромъ, Данилевскій, взявъ съ собою лишь одного казака, отправился въ домъ мехтера, который тотчасъ же принялъ его. Послѣ первыхъ же привѣтствій Данилевскій спросилъ министра: слѣдуетъ-ли посольству вести переговоры далѣе и ожидать ихъ окончанія и подписанія формальнаго договора, или же, въ виду явныхъ въ послѣднее время уклоненій правительства Хивы отъ веденія этихъ переговоровъ, считать ихъ неудавшимися и законченными, и въ такомъ случаѣ посольство выступитъ изъ Хивы на слѣдующій же день.

Мехтеръ, по обычаю восточныхъ дипломатовъ, отвѣчалъ (чрезъ переводчика, конечно) уклончиво и неопредѣленно, ссылаясь на неопытность молодого хана, на разногласія, возникшія въ средѣ его новыхъ совѣтниковъ по поводу договора съ русскими, и проч. затѣмъ, предложивъ Данилевскому чай, распорядился въ то же время послать за другими министрами. Данилевскій еще разъ повторилъ ханскимъ министрамъ то, что высказалъ мехтеру и въ заключеніе прибавилъ:

— Когда мы шли къ вамъ, то умершій ханъ Алла-Кулъ выслалъ на границу Хивы, для нашей встрѣчи и охраны, особый конвой; теперь же, когда мы будемъ возвращаться назадъ, я попрошу васъ

передать хану мое почтительное заявленіе, что никакая охрана намъ не нужна: объявляю вамъ, именемъ великаго Бѣлаго царя, что если кто-нибудь въ Хивѣ позволитъ себѣ не только напасть на насъ, но даже просто оскорбить, то отъ всего вашего ханства не останется камня на камнѣ. Помните, что русскіе въ гостяхъ у васъ въ четвертый уже разъ *) и дорогу къ вамъ знаютъ, и что если они придутъ съ оружіемъ, то вамъ уже не удастся обмануть ихъ такъ, какъ сдѣлали это ваши дѣды съ княземъ Черкасскимъ...

Одной этой мужественной рѣчи было вполнѣ достаточно, чтобы ханскіе министры заговорили совсѣмъ другимъ тономъ... Они стали увѣрять Данилевскаго въ миролюбіи Хивы и въ ихъ личномъ желаніи довести переговоры до конца...

Тогда Данилевскій сказалъ имъ:

— Завтра, до полудня я буду ждать васъ всѣхъ у себя для дальнѣйшаго веденія переговоровъ. Если вы не будете, то завтра же я выступаю изъ Хивы обратно въ Оренбургъ.

Вернувшись къ себѣ, полковникъ Данилевскій, передавъ членамъ посольства о своемъ свиданіи съ министрами, приказалъ готовиться на всякій случай къ

*) Т. е., считая достиженіе Хивы отрядомъ князя Бековича-Черкасскаго, безрезультатное посольство въ Хиву же въ 1819 г полковника Муравьева, недавнюю миссію капитана Никифорова и настоящую.

выступленію въ обратный путь... Но на другой день утромъ, во время самыхъ горячихъ хлопотъ и возни съ вьюками, къ квартирѣ посольства подъѣхали всѣ восемь министровъ съ мальчиками позади, напились чаю и затѣмъ пожелали сами приступить тотчасъ же къ переговорамъ.

На слѣдующій день министры пріѣхали вновь, и такимъ образомъ переговоры, хотя и черепашьимъ шагомъ, но все же стали подвигаться впередъ. Важнѣе всего, конечно, было то, что жизнь всего состава посольства, висѣвшая на волоскѣ, была теперь, несомнѣнно, спасена.

Спустя нѣсколько дней, Данилевскому была назначена аудіенція у хана, который на этотъ разъ принялъ посла болѣе вѣжливо и внимательно, пригласивъ тотчасъ же сѣсть на особо приготовленный для него низенькій табуретъ. Во время происшедшаго разговора, ханъ тѣмъ не менѣе категорически объявилъ полковнику Данилевскому, что персидскихъ невольниковъ онъ не можетъ освободить, и вообще удивляется, почему русскій посолъ на этомъ настаиваетъ, такъ какъ дѣло это касается не Россіи, а Персіи, которая сама могла бы хлопотать объ этомъ, если бы желала. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ханъ отклонилъ и ходатайство Данилевскаго объ учрежденіи въ Хивѣ нашего постояннаго политическаго агентства.

Къ 25 декабря актъ соглашенія нашего съ Хивою былъ окончательно изготовленъ. Въ немъ былъ вы-

говоренъ безпрепятственный проходъ въ Хиву и обратно русскихъ купеческихъ каравановъ, и правительство Хивы обязывалось ограждать эти караваны отъ разбойничьихъ нападеній туркменъ-іомудовъ и хивинскихъ киргизовъ, а также воспретить этимъ номадамъ дѣлать нападенія на наши рыбные промыслы на Каспійскомъ морѣ и забирать рабочихъ въ плѣнъ; русскимъ купцамъ предоставлялось право открытой торговли не въ одномъ лишь городѣ Хивѣ, но и въ Куня-Ургенчи, Ханки, Хазараспѣ и др.; равно и хивинскіе купцы могли безпрепятственно и безпошлинно торговать въ нашихъ предѣлахъ, а на мѣновомъ дворѣ Оренбурга и въ караванъ-сараѣ для нихъ должны быть отводимы особыя мѣста и помѣщенія. Въ томъ же договорѣ были ясно и точно обозначены наши взаимныя границы съ Хивою—по Сыръ-Дарьѣ и Усть-Урту. При составленіи окончательной редакціи договора, полковникъ Данилевскій пытался еще разъ склонить министровъ Хивы на согласіе допустить пребываніе въ ихъ столицѣ если не политическаго, то хотя бы только торговаго агента Россіи, но, несмотря на всѣ настоянія и сдѣланные подарки, этого не удалось добиться.

Когда надо было, наконецъ, оформить составленный договоръ (писанный на двухъ языкахъ—по русски и по хивински), то вышла маленькая исторія, иллюстрирующая нравы азіатскихъ сановныхъ лицъ того

времени и ихъ корыстолюбіе. Полковникъ Данилевскій, подписавъ договоръ (въ двухъ экземплярахъ) и приложивъ къ нему съ государственнымъ гербомъ печать, попросилъ сдѣлать то же самое и хивинскихъ министровъ; но оказалось, прежде всего, что нѣкоторые изъ нихъ—неграмотны: взамѣнъ подписи они прикладывали обыкновенно свои печати, что должны были сдѣлать и въ этотъ разъ, но вдругъ они стали отвиливать и отнѣкиваться... Дѣло заключалось въ томъ, что за послѣднее время переговоровъ, когда писались и подробно обсуждались всѣ въ отдѣльности пункты торговаго договора, министры такъ часто ѣздили къ полковнику Данилевскому и такъ безцеремонно каждый разъ вымогали подарки, что въ посольствѣ явилось наконецъ опасеніе, что скоро нечего уже будетъ и дарить... Тогда Данилевскій сказалъ министрамъ:

— Вы очень тянете переговоры: а между тѣмъ, мнѣ бы хотѣлось скорѣе преподнести каждому изъ васъ самый главный и драгоцѣнный подарокъ... Подписывайте скорѣе договоръ, и вы получите вотъ что,— и Данилевскій показалъ имъ нѣсколько золотыхъ карманныхъ часовъ съ азіятскими циферблатами, осыпанныхъ драгоцѣнными камнями, и, вдобавокъ, съ репетиромъ. Часы эти были изъ кабинета Его Величества, заказанныя въ Женевѣ, для преподнесенія, собственно, именитымъ восточнымъ гостямъ, пріѣзжав-

шимъ въ Петербургъ. И вотъ теперь, когда оставалось лишь приложить къ договору печати, министры стали отнѣкиваться, а между тѣмъ прямо не объявляютъ въ чемъ дѣло и почему они медлятъ... И на этотъ разъ выручилъ Сергѣй-ага, сообщившій полковнику Данилевскому, что министры потому именно не подписываютъ договора и не прикладываютъ своихъ печатей, что опасаются обмана: «Пусть,—говорятъ они,—онъ дастъ намъ впередъ эти часы, а то, потомъ, пожалуй, обманетъ»...

— Я-то не обману,—сказалъ Данилевскій Сергѣю-агѣ;—а я вотъ опасаюсь имъ вѣрить: ну, какъ они возьмутъ эти подарки, да опять затянутъ дѣло, а у меня, кромѣ нѣсколькихъ головъ сахара, ничего уже не осталось.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Сергѣй-ага,—они побоятся обмануть, потому что вы можете пожаловаться хану,—и онъ все равно заставитъ ихъ подписать договоръ, а часы отберетъ себѣ.

Полковникъ Данилевскій рѣшилъ послушаться Сергѣя-аги и выдалъ послѣдніе подарки хивинскимъ правителямъ. Въ тотъ же день они приложили къ договору свои печати, а на другой день, 27-го декабря 1842 года, была приложена и государственная печать Хивы, т. е. печать самого хана.

IV.

Глазомѣрныя съемки топографа Зеленина—Встрѣча съ русскимъ дезертиромъ.—Таинственныя незнакомки въ саду посольства — Путешествіе Бочарова и Зеленина по городамъ Хивы и оазисамъ.—Оригинальныя топографическія работы.—Опасная встрѣча и поспѣшное возвращеніе въ Хиву.

Теперь слѣдуетъ сказать о дѣятельности и приключеніяхъ въ Хивѣ топографа Г. Н. Зеленина, на котораго было возложено полковникомъ Данилевскимъ секретнѣйшее и довольно опасное порученіе—составить приблизительную топографическую карту какъ самого города Хивы, такъ и его окрестностей и оазисовъ.

Малѣйшая оплошность, или просто неосторожность, въ этомъ дѣлѣ могла стоить жизни не только самому Зеленину, но, пожалуй, и всему посольству, потому что хивинцы вообще зорко наблюдали (послѣ похода Перовскаго), чтобы русскіе не могли снять Хиву на планъ, такъ какъ тогда, по ихъ мнѣнію, легко уже будетъ взять ихъ «неприступное» ханство, огражденное безводными и песчаными пустынями, окружавшими это въ дѣйствительности ничтожное и безсильное владѣніе.

Самый городъ Хиву Зеленинъ снималъ такъ: онъ покупалъ на базарѣ за двѣ мелкія хивинскія монеты («кара-теньга»—черная, т. е. мѣдная, монета), дыню, бралъ ее въ руку и шелъ съ нею по Хивѣ какъ

бы для прогулки; понимая немного по хивински, онъ разспрашивалъ уличныхъ торговцевъ: какъ, напр., называется такой-то арыкъ, какъ зовется вотъ эта канава, этотъ садъ и т. д.; количество ихъ обозначалъ перочиннымъ ножомъ на корѣ дыни и затѣмъ, возвращаясь домой, переводилъ уже на бумагу свои кабалистическіе знаки и замѣтки. Главную осторожность надо было соблюдать въ томъ, чтобы не имѣть при себѣ ни бумаги, ни карандаша на случай подозрѣній, задержанія и обыска.

Однажды, гуляя такимъ образомъ по Хивѣ, Зеленинъ вдругъ слышитъ за собою голосъ:

— Здравія желаю, ваше благородіе!..

Онъ такъ и обмеръ... Глядитъ — стоитъ передъ нимъ хивинецъ и привѣтливо улыбается... Оказалось, это былъ нашъ бѣглый солдатъ, изъ татаръ, оренбургскій уроженецъ; служа въ оренбургскомъ гарнизонѣ, онъ часто встрѣчалъ Зеленина на городскихъ улицахъ и запомнилъ лицо его, какъ офицера, передъ которымъ приходилось снимать шапку. Онъ имѣлъ теперь въ Хивѣ свой домъ и обзавелся уже семьей. Пригласивъ къ себѣ «земляка», онъ угостилъ его чаемъ и просилъ заходить почаще; но Зеленинъ побоялся потомъ бывать у него, такъ какъ сосѣди хивинцы очень недружелюбно посматривали на «уруса», а самый домъ татарина былъ на краю города, въ балкѣ. Этотъ солдатъ былъ потомъ въ домѣ посольства и предлагалъ его обитателямъ, все молодымъ и

*

одинокимъ людямъ, довольно интимныя услуги... но мѣсто такого поставщика было уже занято. Садомъ, въ которомъ расположенъ былъ запасный «дворецъ» хана (гдѣ помѣщалось посольство), завѣдывалъ особый спеціальный садовникъ изъ плѣнныхъ персіянъ, знающій хорошо свое дѣло; и вотъ, жена его, тоже плѣнная персіянка, предлагала гг. офицерамъ свои конфиденціальныя услуги: стоило только уплатить ей полуимперіалъ, и въ ханскомъ саду ночью, въ сопровожденіи этой садовницы, появлялась женская фигура въ чадрѣ, въ шелковомъ халатѣ и таковыхъ же шальварахъ, закутанная въ кисею и персидскую шаль... Смотря по требованію, въ саду появлялось иногда и нѣсколько такихъ фигуръ разомъ... Подъ большимъ секретомъ, персіянка увѣряла, что таинственныя незнакомки—бывшія жены умершаго хана, матеріальная участь которыхъ при новомъ владыкѣ была дѣйствительно не очень-то завидна... Очень возможно, что садовница преувеличивала происхожденіе и положеніе рекомендуемыхъ ею особъ, что это были просто плѣнныя рабыни персіянки, прислужницы изъ гарема бывшаго хана, но только костюмы ихъ были всегда очень роскошны, какихъ не могли бы имѣть простыя плѣнницы-рабыни.

Покончивъ съ съемкой города Хивы., Г. Н. Зеленинъ рѣшилъ, какъ уже упомянуто было выше, ѣхать для съемокъ же по другимъ городамъ ханства;

чтобы замаскировать свои дѣйствія, онъ переодѣлся приказчикомъ и отправился вмѣстѣ съ торговцемъ Бочаровымъ, ѣхавшимъ туда же съ своимъ товаромъ на нѣсколькихъ верблюдахъ... Оба они поѣхали верхами на лошадяхъ, въ сопровожденіи лишь одного мальчика хивинца, нанятаго въ самой Хивѣ.

Прежде чѣмъ выѣхать изъ города, Зеленинъ, облачившись въ халатъ, жилъ цѣлую недѣлю въ караванъ-сараѣ, гдѣ останавливался Бочаровъ. Путешествіе ихъ было довольно благополучно: они безпрепятственно посѣтили города Ташкуіой, Ханки, Хазараспъ и Клычъ-Ніасбай; послѣдній городъ—въ Бухарѣ. Ихъ вездѣ встрѣчали съ нѣкоторымъ изумленіемъ; но, узнавъ отъ сопровождавшаго ихъ хивинца, что въ самой Хивѣ находится русское посольство, успокоивались и даже, случалось, принимали, какъ гостей. Въ непродолжительномъ времени Бочаровъ распродалъ почти весь свой товаръ, а Зеленинъ тѣмъ временемъ тщательно, хотя и очень осторожно, дѣлалъ свое дѣло, которое было нелегко еще и потому, что съемку приходилось дѣлать безъ всякихъ инструментовъ, не только безъ астролябіи или мензулы, но даже безъ бусоли и цѣпи, обозначая нордъ и зюдъ по солнцу, а разстояніе—шагами... Шагами же былъ вымѣренъ и главный (въ то время) арыкъ Хивы—Полванъ, названный такъ въ честь бывшаго батыря (героя) Полвана, ставшаго потомъ святымъ и похороненнаго въ самой Хивѣ, въ главной

мечети. Работы Зеленина облегчались главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что спутникъ его Бочаровъ говорилъ по-хивински и былъ человѣкомъ умнымъ и смѣтливымъ: все, что только надо было разузнать Зеленину, Бочаровъ исподволь, не возбуждая подозрѣній, узнавалъ отъ самихъ же хивинцевъ и затѣмъ передавалъ полученныя имъ свѣдѣнія Зеленину. Во время этихъ глазомѣрныхъ съемокъ нельзя уже было обойтись при помощи дыни и пришлось поневолѣ наносить добываемыя свѣдѣнія на бумагу, и хотя здѣсь, внѣ главнаго города Хивы и въ оазисахъ, хивинцы не слѣдили уже за Бочаровымъ такъ зорко, какъ слѣдили они за нашимъ посольствомъ въ самой Хивѣ, но, тѣмъ не менѣе, и здѣсь Зеленинъ долженъ былъ соблюдать большую осторожность: такъ, напримѣръ, маленькій карандашъ былъ вдѣланъ у него незамѣтно въ ключикъ отъ часовъ; вмѣсто бумаги онъ заносилъ свои замѣтки на внутреннія стороны крышекъ маленькихъ картонныхъ коробокъ, бывшихъ съ товаромъ у Бочарова.

Однако, въ самомъ концѣ путешествія по Хивѣ Бочарова и Зеленина съ ними случилось одно происшествіе, которое легко могло погубить ихъ обоихъ.

Возвращаясь въ Хиву, они заѣхали въ послѣдній по дорогѣ городъ Куня-Ургенть *) и остановились у знакомаго Бочарову хивинца, бывавшаго не разъ въ

*) Куня-Ургентъ или Куня-Ургенчь, бывшая столица Хивинскаго ханства, называвшаяся Харевмъ.

Оренбургѣ, на мѣновомъ дворѣ, съ товарами. Однажды, когда Бочаровъ и хивинецъ вмѣстѣ уѣхали куда-то, Зеленинъ, разложивъ на столѣ картонныя коробки съ имѣвшимися на нихъ чертежами и замѣтками, сталъ заниматься... Вдругъ, въ комнату, которой по оплошности онъ не заперъ, входитъ какой-то, лѣтъ 14-ти, мальчикъ персіянинъ и говоритъ по-русски:

— Здравствуйте, баринъ! Я васъ знаю...

Зеленинъ съ ужасомъ взглянулъ на мальчика и сталъ убирать со стола свои картонки.

— Я жилъ два раза въ Оренбургѣ съ прежнимъ своимъ хозяиномъ,—продолжалъ мальчикъ,—и мы квартировали рядомъ съ вашимъ домомъ... Прежній хозяинъ продалъ меня вотъ этому, у котораго вы теперь живете. Я вѣдь знаю, что вы все снимаете планы: я васъ однажды видѣлъ подъ Оренбургомъ—вы все съ цѣпью ходили и рисовали въ степи...

Зеленинъ былъ ни живъ, ни мертвъ—и ждалъ, что будетъ дальше...

— Да вы не бойтесь, баринъ!.. чортъ ихъ возьми! я вѣдь имъ ничего не скажу: я ихъ, собакъ, не люблю... Мой отецъ и мать и теперь живутъ у нихъ въ Хивѣ, плѣнные...

Когда Зеленинъ опомнился, онъ всячески обласкалъ мальчика перса, далъ ему серебряной мелочи и подарилъ свистокъ и съ фунтъ сахару. Когда къ вечеру

вернулся Бочаровъ и узналъ всю эту исторію, онъ сказалъ Зеленину:

— Ну, баринъ, надо уходить отсюда скорѣе къ своимъ! Вѣдь бѣда намъ будетъ, если мальчишка проговорится...

До Хивы было 40 верстъ, и утромъ, чуть свѣтъ, наши путешественники выѣхали изъ Куня-Ургенти и благополучно въ тотъ же день, къ вечеру, добрались до Хивы, гдѣ Зеленинъ со всѣми своими замѣтками отправился прямо въ посольство, а Бочаровъ по-прежнему—въ караванъ-сарай.

V.

Прощальная аудіенція у хана. — Выступленіе посольства изъ Хивы.—Отказъ Сергѣя-аги возвратиться въ Россію.—Казнь персидскихъ плѣнниковъ.—Участь русскихъ, попавшихъ въ неволю въ Хиву.—Обратный путь посольства и вступленіе въ Оренбургъ.—Нарушеніе хивинцами договора съ Россіей.

30-го декабря, полковникъ Данилевскій испросилъ у хана прощальную аудіенцію. Во время пріема ханъ пригласилъ посла, можетъ быть, только изъ вѣжливости, пожить еще въ Хивѣ и дождаться наступленія весны; но Данилевскій поблагодарилъ за любезность и отклонилъ предлагаемую ему честь. Ханъ, прощаясь, неожиданно объявилъ Данилевскому, что назначилъ сопровождать его своего посланца, санов-

ника Магомедъ-Эмина, назначеннаго выразить государю «безпредѣльную благодарность за подарки и милостивое расположеніе».

На другой день, 31-го декабря 1842 года, посольство выступило въ путь. На проводы явился и Сергѣй-ага... Онъ привезъ съ собою въ гостинецъ, на дорогу своимъ уѣзжавшимъ землякамъ, бурдюкъ вина и цѣлую корзину русскихъ пироговъ. Данилевскій звалъ его съ собою въ Оренбургъ, ручаясь за полное прощеніе, но онъ не согласился:

— Мнѣ тамъ надо въ богадѣльню идти,—отвѣчалъ со вздохомъ Сергѣй-ага,—а здѣсь я богатый человѣкъ и одинъ изъ первыхъ.

На самомъ выѣздѣ изъ города посольству былъ изготовленъ ужасный сюрпризъ, очевидно, умышленно, съ цѣлью устрашенія и предупрежденія: по дорогѣ сидѣли, посаженные на колья, нѣсколько персіянъ... Съ руками, привязанными параллельно къ ногамъ, въ страшныхъ мукахъ кончали свою жизнь эти несчастные люди, оглашая воздухъ громкими жалостными криками: «Су! су!! су!!.» (воды).

Сопровождавшіе посольство хивинцы сообщили, что вина этихъ несчастныхъ людей состояла въ томъ, что, будучи захвачены разбойниками туркменами (іомудами) и проданы въ Хиву, въ рабство, они сговорились и убѣжали. Хивинцы на другой же день ихъ нагнали, и вотъ, въ поученіе прочимъ персамъ невольникамъ и въ видѣ назиданія уходящимъ рус-

скимъ, жестокосердый ханъ приказалъ посадить на колъ всѣхъ этихъ несчастныхъ, въ самый день выступленія нашего посольства, по пути его слѣдованія...

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ объ участи плѣнныхъ, которые имѣли несчастіе попадаться къ хивинцамъ. Собственно нашихъ плѣнныхъ, русскихъ, было въ Хивѣ предъ походомъ Перовскаго болѣе тысячи человѣкъ, преимущественно забранныхъ туркменами съ рыбныхъ промысловъ на Каспійскомъ морѣ, а также и схваченныхъ случайно нашими же киргизами подъ Оренбургомъ и съ хуторовъ, находящихся въ степи, во время рабочей поры, когда туда приходили работники и работницы изъ сосѣднихъ губерній, Уфимской и Самарской. Во время бывшей въ Хивѣ холеры, въ 1829 году, болѣе половины нашихъ плѣнныхъ перемерло; остальные, въ количествѣ 419 человѣкъ обоего пола, были возвращены хивинцами въ Оренбургъ послѣ похода генерала Перовскаго *).

Слѣдуя изъ Хивы, посольство наше направилось въ Оренбургъ нарочно не прежнимъ уже путемъ на

*) Первые плѣнные — корнетъ Антовъ и двое купцовъ — прибыли въ Оренбургъ 14-го августа 1840 года; остальная же партія, въ количествѣ 416 человѣкъ, пришла нѣсколько дней спустя. Хивинцы удержали у себя лишь нѣсколько десятковъ плѣнныхъ русскихъ, оставленныхъ самимъ ханомъ, его личныхъ слугъ и различныхъ мастеровъ, но и эти были впослѣдствіи, по грозному требованію нашего правительства, возвращены.

Куня-Ургенть, а новымъ—чрезъ сѣверную часть хивинскихъ владѣній, которой никто изъ русскихъ еще не видѣлъ и не зналъ. Всю дорогу топографы дѣлали тщательную съемку мѣстностей, черезъ которыя теперь доводилось проходить; Магомедъ-Эмина и его свиты они мало, повидимому, стѣснялись

Въ Оренбургъ посольство возвратилось на масленой недѣлѣ, во второй половинѣ февраля. Съ дороги еще, Данилевскій послалъ въ Оренбургъ нарочнаго киргиза, изъ числа бывшихъ при немъ, съ предупрежденіемъ, что онъ возвращается не одинъ а въ сопровожденіи хивинскаго посла; поэтому, когда наши вступили въ Оренбургъ, Магомедъ-Эминъ былъ встрѣченъ съ особымъ почетомъ и торжественностью, до чего азіаты вообще большіе охотники. Тотчасъ же былъ посланъ въ Петербургъ курьеръ съ испрошеніемъ распоряженія, какъ поступить съ хивинскимъ посломъ. Отвѣтъ отъ гр. Нессельроде былъ полученъ, однако, не слишкомъ-то скоро: предлагалось отправить Магомедъ-Эмина въ Петербургъ, со всевозможными, впрочемъ, удобствами и торжественностью.

22-го апрѣля (1843 г.) хивинскій посолъ со свитою въ пять человѣкъ былъ отправленъ изъ Оренбурга въ Петербургъ, куда онъ и прибылъ 13-го мая. Но его пріемъ (въ Царскомъ Селѣ), сдѣланные ему роскошные подарки и оказанная любезность не входятъ уже въ программу настоящей статьи... Мы лишь сочли не безынтереснымъ прослѣдить тѣ добрыя

отношенія къ Хивѣ, которыя русское правительство того времени всячески старалось начать, установить и поддержать, поступаясь иногда собственными интересами. Но малѣйшая снисходительность со стороны Россіи была, къ сожалѣнію, принимаема хивинцами за слабость... Въ послѣдующіе же затѣмъ годы (въ 1844 и 1845 гг.), хивинское правительство не постѣснилось нарушить только-что заключенный имъ договоръ: оно стало явно покровительствовать извѣстному мятежнику, русскому киргизу Кенисарѣ (котораго безуспѣшно преслѣдовали наши отряды по степи) и разбойнику Кутеборову, скрывавшимся въ пограничныхъ хивинскихъ владѣніяхъ. Попрежнему, начался грабежъ русскихъ купеческихъ каравановъ; степь также стала для русскихъ опасна въ пути... Дѣло дошло до того, что въ 1852 году В. А. Перовскій, находившійся въ то время въ Петербургѣ, въ званіи уже генералъ-губернатора, вынужденъ былъ предложить хивинцамъ кушъ въ 200 червонцевъ за выкупъ семейства подвластнаго намъ султана Ирмухамеда Касимова, управлявшаго чеумекеевцами *).

*) Извѣстно, что всѣ дѣлаемыя въ то время настоянія и представленія генерала Перовскаго о необходимости нашего поступательнаго движенія въ Среднюю Азію и неизбѣжности новаго похода въ Хиву были тогдашнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде отклонены, и только двадцать лѣтъ спустя; въ 1873 году, походъ этотъ былъ предпринятъ вновь и окончился полною побѣдою нашихъ войскъ, находившихся подъ начальствомъ генералъ-адъютанта К. П. Кауфмана. Съ того

Наконецъ, въ 1858 году, хивинскіе правители прямо объявили полковнику Н. П. Игнатьеву (нынѣ генералъ-адъютантъ и графъ), что они содержанія акта, заключеннаго ими въ 1842 году съ полковникомъ Данилевскимъ, «не помнятъ» и даже «не нашли его» въ своихъ канцеляріяхъ...

времени, минуло уже 25 лѣтъ,—и теперь представляется возможность помянуть еще разъ добрымъ словомъ этого достославнаго военачальника.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр
Зимній походъ въ Хиву	1
Посольство въ Хиву	167